

Елена Тулушева

ЧУДЕС ХОЧЕТСЯ!

Фонд
социально-экономических
и интеллектуальных программ

Москва
2016

УДК 882-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т82

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной
целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)»

Издание осуществляется в рамках программы
«Молодые писатели России»
Фонда социально-экономических
и интеллектуальных программ

Обложка работы

Все произведения публикуются в авторской редакции

T82 Тулушева Е.
ЧУДЕС ХОЧЕТСЯ!: Рассказы и очерки – М.: Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-906561-12-1

Елена Тулушева – один из наиболее активно публикующихся молодых авторов. Её печатают столичные издания и ведущие региональные журналы. В рассказах привлекает темпераментно обозначенная профессиональная и гражданская позиция. Тулушева – врач. Она пишет о тех, кто нуждается в помощи и поддержке. Проза Тулушевой – это поток жизни, схваченный на лету и обретший выразительную литературную форму.

*Запрещается полное или частичное использование
и воспроизведение текста и иллюстраций в любых формах
без письменного разрешения праволадельца.*

© Фонд СЭИП, 2016
© Тулушева Е., 2016

Издатель: Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ
129301, г.Москва, ул.Космонавтов, д.18, корп.2, оф.4
Сдано в набор 7.07.16. Подписано в печать 20.07.16. Тираж – 1000 экз.
Бумага офсетная №1. Усл.печ.л. 17. Заказ №
Отпечатано в ППП Типография «Наука», 121099, г.Москва, Шубинский пер., 6

СВОЯ НОША

предисловие

/

То, что Елена Тулушева заметное явление в нашей молодой прозе – это бесспорно. Речь может пойти только о том, как она это делает, то есть о жизненной и творческой базе, на которой держится ее явный успех. Об успехе говорят публикации в серьезных литературных журналах и толика премий. Серьезная девушка, пишущая о серьезных вещах. Врач по образованию, работала во Франции и США. Ни образование, ни кругозор, ни культура еще никому не мешали излагать письменно свои мысли и видеть мир. О мыслях сказал не случайно, потому что еще Пушкин полагал, что основой прозы является мысль, мысль и мысль. И сколько бы мне не говорили, как важно в прозе плотное цветастое слово, я вслед за «нашим всем» буду думать, что без мысли и ворох пейзажей и подсвеченных уходящим солнцем далее будет для читателя мертв. Но и словом Тулушева тоже владеет с такой уверенностью, которая предполагает не вы-

мученные и приобретенные возможности, а подлинность таланта. Впрочем, пейзажей и городских пространств с аптекой, Тулушева не пишет.

Главное сказано, теперь: необходимые для предисловия детали и степень заинтересованности одного мастера в представлении другого. Все очень просто – Елена Тулушева еще и училась на Высших литературных курсах при Литературном институте имени Горького и мне, преподающему в этом институте больше двадцати лет литературное мастерство, довелось читать ее дипломную работу. Но ведь не холодными мрачными глазами читаем мы своих выпускников! Чему-то мы можем их научить, но что-то и они могут нам рассказать.

Стихия Елены Тулушевой – это мир трудного детства и юности, это тяжелые семьи и темные углы жизни, которые по традиции власть прячет, а русская литература по традиции раскапывает. Собственно говоря, с этим и предстоит познакомиться читателю. С неким мальчиком Васькой, который не против покурить или что-нибудь «принять на грудь». С бюрократической системой, когда органы опеки передают уже другого мальчика в так называемые «хорошие руки», с мамами, которые бросают в роддоме своих чад и с мамами, для которых так важно иметь долгожданного ребенка. «Жизнь такова, какова она есть, и больше – ни какова». Пусть простят меня за известную цитату из Владимира Кострова, но лучше не скажешь. Прав-

да, можно, кое-что аранжировать цитатами из самой Тулушевой, но это не только о ее героях, но и о нашем с ней времени. Конечно, цитаты могли быть и моими собственными, как у более опытного и старшего, но они – у Елены, как у более социально зоркой. Нам иногда только кажется, что мир сделан по телевизионной картинке!

«Три года кадетства – три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания – пятиневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, – подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у нее работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остается времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слезы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там надо было драться. Постоянно, за все: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоевывая все больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились

восхищенные взгляды ребят, когда он выходил в «качалку», нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту».

Специалист, конечно, понимает, что подобное трудно сочинить и взять, как говорится, из головы. Здесь нужно сердце, ум, наблюдательность, наконец, терпение и такт, чтобы с мальчишкой поговорить, взять его руку, посмотреть в глаза, расположить так, чтобы он поверил. Подобные наблюдения писателю даются собственной кровью, но надо еще помнить, что чужую боль писатель еще долго носит в собственном сердце, подбирая слова и раздумывая, как бы все это расположить. Хороший писатель это не только и не столько бытописатель, а еще и аналитик. Доля эта не минула и Елену Тулушеву. Умеет формулировать.

«Когда Юле было пять, маму лишили родительских прав. Милиция решила оградить ребенка от матери-наркоманки. И Юлю отдали под опеку... ее бабушке. Об этом Юля узнала случайно уже лет в двенадцать, потому что в ее жизни с решением чиновников ничего не изменилось: она осталась жить в той же квартире с мамой-наркоманкой и бабушкой, вырастившей наркоманку.

Наркоманами не рождается. Как правило, ими не становятся по принуждению. Ими вырастают: из бесконечных скандалов и ссор, из обвинений и сравнений со всеми, кто лучше, из унижений от близких, из конфликтов старших, из оскорблений

и физических наказаний, из безразличия родных. Ими вырастают медленно, на виду у многих: родственников, соседей, учителей».

Безжалостная, конечно, у нас жизнь и то, что поднимается иногда у нас с гражданским гневом в Думе, продолжает бытовать и даже не прячется по углам. Гибнут, конечно, и самолеты, но как часто под сурдинку политической жизни погибают, барахтаясь в повседневном море нищеты и люди. И собственно, чего Елена, молодая и, видимо, успешная женщина о них пишет? Строчи себе романы «про красивую жизнь», с дорогими квартирами и гоночными автомобилями, а лучше сценарии на телевидении, где тоже бывает мрачновато, но зато везде торчат, такие легкие к исполнению драки, стрельба и убийства! Нет, тянет свое, хорошо знакомое трагичное и для многих сокровенное. Суровое детство? Трудная юность? А может быть, это самое загадочное русское свойство – справедливость? Тяжелую ношу взвалила на себя Елена Тулушева, впрочем, это наша, русская ноша, а своя ноша, как известно, не тянет.

Сергей Есин

ЧУДЕС ХОЧЕТСЯ

РАССКАЗ
/

– Тук-тук! Можно?

– Заходите.

– Я с мужем.

– Ну давайте вместе, куда ж его деть... Ого! Это кого ж мы рожать будем с таким папой?! В вас сколько – метра три?

– Два... – смущённый здоровяк протиснулся в кабинет.

– А вес?

– Сто двадцать.

– Что ж это вы, голубчик – эдакий шкаф, выбрали себе дюймовочку, а рожать-то ей как, подумали?

«Шкаф» сконфуженно заулыбался, отчаянно пытаясь сжаться.

– Да вроде она у нас небольшая, два восемьсот была по УЗИ в прошлом месяце, – посетительница пыталась пристроить спутника в какой-нибудь угол, но тот постоянно что-то задевал, и в итоге

предпочёл просто замереть, взглядом умоляя больше его не трогать.

– Тогда УЗИ и – вперёд. Роды первые?

– Первые. Боюсь очень!

– Ну, что, женщины веками рожали, ничего. А беременность какая?

– Я ж говорю, первая!

– До этого выкидыши, аборт, в том числе на ранних сроках?

– Нет, всё впервые!

– Ну, как скажете. Если вдруг вспомните, сообщите, – он быстро заполнял бумаги, про себя вынося вердикт: «Наверняка врёт! И что ты с ними делать будешь? Небось наделала дел по юности. А если какие осложнения – нам ведь разгрести!» – он недовольно поморщился, вспоминая осложнённые роды годичной давности. После того случая он стал крайне скептически относиться к информации из уст беременных, и сейчас по привычке внутренне проговаривал: «Врёшь. И тут тоже врёшь».

– Игорь Владимирович, можно вас? – покрасневшая толстуха застыла в дверях с извиняющимся взглядом.

– У меня пациент, – он резко обернулся и понял, что дело срочное. Вошедшая – медсестра Маша, работала в бригаде детской реанимации. Бригада укомплектована неонатологом и хирургом. Раз пришла за ним, значит, рук не хватает.

Просто так во время приёма никто не заходит: персонал вышколен, отделение платное, пациенты возмутятся.

– Минуту, – кивнул он Маше. – Видимо «сверху» звонят, начальство, сами понимаете, – обратился он к пациентке. – Вы пока снаружи подождите, я быстро.

Как только вышли из отделения, Маша затараторила:

– Там Кузякин разрывается. У нас плановое кесарево. Тройня. У одного на УЗИ выявили то ли грыжу, то ли опухоль, в общем – не отойти. А тут экстренную привезли. Схватки в метро начались. У плода сердцебиение плохое, похоже обвитие. Меня отправили помогать, но Александр Степанович послал ещё и за вами.

– А Усачёв где?

– Усачёв дома после суток: дежурил за Камышева, тот в больнице с язвой.

Когда они вбежали в палату, дежурная бригада суетилась в ожидании последнего этапа родов. Переодеваясь, моя руки, он отметил, что для ребёнка уже подготовили реанимационный набор.

Роженица была с виду крепкой. Длинные пшеничные волосы, даже слипшись от пота, сияли здоровьем. Орала она громко, значит, силы есть. Хотя обычно такие не орали. Он уже привык делить всех их на две категории: деревенские и городские. Конечно не по месту жительства, на

разговоры кто-откуда времени тут не бывало. Деревенские, в его понимании, – плотные, мясистые, с крупными бёдрами и сильными руками. Рожали они так, будто в поле косили: жарко, сил нет, тяжело, но куда деться, сделай дело и отдыхай. Такие инстинктивно знали, когда и как тужиться, как дышать. Городские же – вот это морока. Щуплые, в чём душа, всё за них сделай. И анестезию им побольше, и пить хотят, прям, умирают, а тут ещё моду взяли за деньги мужиков своих притаскивают смотреть. Врачей не слышат. Ты им – «дыши», а они тужатся, ты им – «толкай», а они «не могу»! Правда такие тысячу раз потом отблагодарят, и мужики их всей бригаде и конверты, и бутылки носят. Тоже приятно...

Эта была из «деревенских», но похоже ребёнку что-то мешало, и орала мать беспрестанно.

– Так, заканчивай кричать. Тут работы на полчаса. Ну-ка, соберись!

Роженица будто и не слышала, только орала и мотала головой. По глазам коллег он понял, что шансы ребёнка невелики. Сёстры начали распечатывать дополнительный хирургический набор.

– Сколько уже?

– У нас она четыре часа, да плюс пока везли. Сама сказать не может, как давно первая схватка была. – Маша суетилась, поправляя ему халат и натягивая перчатки. – Сначала шло хорошо, думали, стремительные роды будут. А как головка показа-

лась, так и застопорилось. Очень долго не продвигается.

– А резать, видимо, было поздно... – пробубнил он сам себе. – Что делать, Саш? Может надавить?

– Да уже пробовали. Давай, может ты посильнее... – на лице его друга блестела испарина, сзади из-под шапочки пот каплями сползал по бритым складкам затылка за воротничок уже изрядно взмокшего халата. – Что-то не ладно. Как выйдет, он на тебе, мне – мать.

Через несколько потуг ребёнок, наконец, вышел. Мальчик. Синий. Тройное обвитие. Молчит.

Игорь быстро перехватил обмякшее маленькое тельце, в два шага перенёс его на столик, где сёстры уже приготовили трубки и отсос. Наспех обтерев не дышащего младенца, он, как в режиме ускоренной перемотки, начал реанимацию. Счёт шёл даже не на секунды.

Вокруг было множество звуков. Саша сердито что-то требовал от сестры, со звоном бросал зажимы, равномерно пищали датчики давления, из открытого окна доносился звон трамвая. Но всего этого Игорь как будто не слышал. Его слух был настроен лишь на одну частоту: сигнал от этого маленького человека. Человек молчал. Игорь вновь и вновь методично выполнял инструкции учебника по экстренным родам. Он понимал, что каждая минута уменьшает шансы на жизнь, а ка-

ждая секунда может обернуться инвалидностью ребёнка.

Ему казалось, что прошло уже полчаса: время здесь растягивается. В реальности он спасал младенца всего несколько минут: без остановки делал непрямой массаж сердца, ощущая под пальцами крохотные рёбра, которые вот-вот готовы были треснуть под его натиском. А там, за ними, всё ещё молчало маленькое сердце.

«Давай, парень, давай. Мы с тобой прорвёмся!» – он пытался передать через пальцы свой импульс жизни, свою силу. «Давай, ты же мужик!» – уговаривал он.

«Стукнуло! Только что! пробилось ведь!... Молчит... Ну что же ты?! Показалось? Не может быть! Это ни с чем не перепутать. Ну же, давай! Один раз уже смог. Давай, парень!» – под его пальцами отчетливо послышался второй удар. Тишина. Еще тишина. Молчит... Вот он: третий. Четвёртый. Ещё!

– Умница! Настоящий мужик! Борец! Давай, мой хороший, не останавливайся. Мать тебя как услышит, взлетит от счастья.

Младенец слабо двинул ножкой, подтянул обе ручки к груди, медленно заворочал головой и издал слабый шипящий звук. Игорь подхватил его, ловко хлопнул по ягодицам, повернул головкой вперёд.

Слабое подобие детского крика заглушили вздохи всей бригады.

– Красавец! – Игорь завернул его в полотенце и двинулся к матери. – Ну, заслужил, брат. Вот она – мамка твоя! – развернул малыша личиком к маме. – Что, выкладываю? – обратился он к Саше.

Саша недовольно поморщился и отмахнулся.

– Да ладно тебе, Александр Степаныч. Ты же помнишь, решение главного. «Психологи установили, что в первые минуты жизни ребёнку необходим телесный контакт с матерью...» – Игорь передразнил главврача.

– Да шли бы эти психологи... – беззлобно буркнул Саша, – в бухгалтерию. Давай, быстро, я ещё не закончил.

– Слушаюсь! – Игорь комично поклонился и поднёс младенца к лицу матери.

– Уберите, – едва слышно прошелестела женщина.

– Чего? – не расслышал Игорь. – Гляди, мама, вон какой у тебя богатырь! Давай, положу его тебе, готова?

– Уберите, не хочу, – чуть громче прошептала она.

– Ну, приехали, «не хочу». Теперь, дорогая моя, лет на восемнадцать свои «хочу – не хочу» забудь. – Игорь поднял пищащего младенца повыше. – Теперь вот он за тебя решать будет.

– Не надо! Уберите! Я не хочу его видеть!

Игорь озадаченно замер. На родовые горячки он насмотрелся. Обычно он резко пресекал подоб-

ное поведение рожениц. А как по-другому: не рывкнешь на них, перестанут работать, а ребёнку-то ничуть не легче, чем им. Но сейчас он чувствовал такой прилив радости оттого, что это маленькое сердце забилося под его пальцами. Ему не хотелось портить себе настроение, сегодня ещё до ночи дежурить в родовом.

– Ладно, отдыхай. А мы твоего красавца пока взвесим и измерим, – он направился к весам, бережно держа своего подопечного.

– Так, что тут у нас... Маша, записывай, три семьсот пятьдесят. Так... аккуратненько, головку... пятьдесят два сантиметра. Записала?

– Да-да, записала.

– Внешних повреждений не наблюдается. А конкретней наши неонатологи скажут, как освободятся.

– Игорь Владимирович, а как записывать – документов никаких нет.

– Как нет? А родовая карта? Сертификат? – он держал малыша, невольно покачивая, пока сёстры нагревали лампу для младенца.

– Ничего не было, – Маша поморщилась. – Ни карты, ни паспорта. Спрашивали фамилию – не говорит.

– В смысле – не говорит? – у Игоря неприятно потяжелело в груди. – Тебя как звать-то? – повернулся он к родившей.

– Наташа, – вяло отозвалась она, прикрывая рукой глаза от яркого света ламп.

– Ну, ты не в первом классе, полностью – фамилию, отчество. Ребёнка как назовёшь, решила?

– Иванова. Иванна.

– Так, ребёнок значит Иванов. Имя придумала ему?

Женщина молча отвернулась. Игорь начал раздражаться. Саша как-то странно на него взглянул и тоже раздражённо начал поторапливать сестёр:

– Я же сказал, восьмёрку, а вы мне шестой даёте! Вы на работе, внимательнее надо быть!

Игорь с мальчиком на руках подошел к матери.

– Так, давай-ка приходи в себя. Миллионы женщин рожают. Всё нормально. Нам тут время дорого, нечего тянуть. Карты у тебя с собой нет. Кто-то привезёт? Иначе нам нужно будет взять у него кровь на ВИЧ, гепатит.

– Берите, делайте, что хотите!

– Приехали! «Что хотите» не можем. Теперь на каждый чих подпись матери нужна. Твой ребёнок – тебе решать.

– Нет у меня ребёнка! – крикнула она внезапно. – Не-ту! Это не мой! Уберите!

На мгновение все замерли. Стало слышно, как жужжит, нагреваясь, ультрафиолетовая лампа над детским столиком.

– Ты чего? Ау, мамаша, ты уже родила! Живой он, всё хорошо! Ты что же, не слышала, как он кричал? Вот, смотри, богатырь твой.

– Уберите. Не хочу. Я его не хочу. Я не буду его брат, – женщина уже не кричала, а говорила громко, отчётливо и пугающе внятно.

– Игорь! – рявкнул Саша.

Игорь растерянно обернулся. Саша кивнул ему в сторону стола и чуть махнул локтем.

– Ничего, мой дорогой, всякое бывает! – приговаривал он, отворачивая всё ещё пищашего младенца, как будто заслоняя от матери. – Устала мамка твоя. Перепугалась небось, пока ты молчал, – он сам бережно укутал мальчика в пелёнку и одеяло. – Но мы-то знаем, что всё у тебя в порядке, успел ты, братец, вовремя задышал. Умница, обойдётся без патологий. У Александр Степаныча руки золотые! – малыш перестал пищать и как-то сосредоточенно начал разглядывать лицо врача. Игорь прекрасно знал, что в первые дни, а то и недели, младенцы не могут различать и понимать увиденное. Но сейчас он был готов поспорить, что этот ребёнок смотрел ему именно в глаза, причём серьёзно смотрел, осознано. – Ух, какой ты! Да, брат, задумайся. С женщинами этими нелегко, попробуй, пойми, что у них в голове! Ну, полежи тепер, погрейся, – он подмигнул малышу. Тот беззвучно шевелил губками. В груди всё также неприятно давило. Когда он направил-

ся к Саше, ему показалось, что младенец смотрит ему вслед.

– Что у тебя? Помощь нужна? – он говорил уже негромко и выдержанно.

– Нормально, заканчиваю. Что думаешь, она из этих?

– Из каких?

– Сяких. «Кукушка»?

Игорь не хотел об этом думать, он всё ещё чувствовал в пальцах отзвуки этих долгожданных ударов.

– Да не, просто очередная неженка. Распериживалась, вот и немного «того» на нервной почве, пока ребёнок молчал.

– Ну да. Вся ухоженная, а документов ни единого. Как специально. Даже карточек кредитных не нашли. Подготовилась. Ты внимательно на неё посмотри.

– Некогда мне тут смотреть. У меня внизу контрактники. Так что если тебе помощь больше не нужна, я пошёл. – Игорь чувствовал, как в груди нарастает тяжесть.

Направляясь к выходу, Игорь мельком ещё раз взглянул на мать. Ничего особенного. Баба, как баба. Ногти покрашены, вроде приличная, на мигрантку или бездомную не похожа. В груди у него уже ныло так, будто сверху поставили мотоцикл. «Да мне-то какая разница. Мое дело – роды прини-

мать, мне чистые мозги нужны, а не философствования!» – разозлился он.

– Игорь! Ты ещё здесь? Подойди! – послышалось сбоку.

– Тьфу-ты, Кузякин, сядет, так не слезет, – пробубнил он себе под нос. – Что там у тебя? Тройня говорят?

– Да у меня нормально, в третий загляни. Там одна акушерка, мне ещё зашивать, а там уже головка пошла.

В третьем боксе деловитая Марья Михайловна – акушерка с тридцатилетним стажем, уже организовала двух сестёр, и готовилась сама принять роды.

– А, прислали! – забухтела она, снимая маску. – Ходят табунами, дел что ли у вас нет других.

– Нет-нет, я так, только если что пойдёт внепланово. Вы же сами справитесь? Или помощь нужна?

– Тридцать лет как-то обходилась. Вон, ей помощь нужна. Успокой девчонку, перепуганная совсем. А здесь уж я разберусь.

Игорь улыбнулся ворчливой акушерке. Она и правда справлялась на «отлично» даже в экстренных ситуациях, ещё и врачей строила, если вдруг кто растеряется. Сейчас ему хотелось чего-то обычного, понятного. Хотелось, чтобы всё шло по плану. Нормальный ребёнок, нормальные роды, нормальная мать.

На столе он увидел пустые метрики.

– Давайте заполню пока. Что писать, Марь Михална?

– Ничего не писать! Партизаны у нас тут.

У Игоря кровь прилила к вискам, тяжесть из груди начала перекачиваться по всему телу, давя то на голову, то на ноги. «Ещё одна. Да что ж за день такой?! Чтобы два отказника за дежурство... Куда этот мир катится?» – он поморщился от штампованной фразы. – «Ну, с этой всё понятно», – он мельком окинул взглядом рожающую. Ей с трудом можно было дать шестнадцать. Удивительно, что решила выносить. Хотя Игорь был уверен, что такие просто затягивают до последнего. Сначала не понимают, что беременны, потом боятся сказать, а потом уже поздно аборт делать. Девушка ныла и причитала.

– Больше не могу, подождите! Совсем не могу!

– Милочка, я-то подожду, а девчонка твоя на свет идёт. Не обратно ж её запикивать?

Игорь всегда удивлялся, с каким юмором и при этом с теплотой и заботой Мария Михайловна общалась с пациентками. За столько лет ей бы давно уже выгореть. Сама четвертых родила. Обычно его коллеги, особенно женщины, особенно родившие, говорили с роженицами жёстко, подчас резко. Не хватало сил на нежности.

– Ты чего там уселся? – прервала она несвоевременные размышления Игоря. – Помоги челове-

ку, успокой хоть. Или иди в свою операционную. Девчонка в первый раз рожает, молодая какая. Посмотрит на тебя и не захочет больше! – акушерка шутливо погрозила ему пальцем. – Ты давай, милая, соберись. Эти мужики просто не знают, как оно. Только кричать и могут. Нам ещё пару раз поднапрячься, и всё хорошо. Вон уже столик нагрели, ждём твою принцессу.

Игоря всегда успокаивала слаженная работа. В такие моменты он вспоминал, как в детстве отец первый раз показал ему улей, и он никак не мог поверить, что пчёлы сами так всё выстроили, как по линейке. Марья Михайловна умела чётко организовать процесс. Рядом с ней он всегда чувствовал себя нерадивым мальчишкой, которому только и могут доверять смотреть со стороны. Но сейчас ему именно этого и хотелось – стать просто винтиком механизма, чтобы отвлечься от своих унылых мыслей. Он отстранённо смотрел на эту девочку: волосы каштановые, веснушки. На шее крестик на простой верёвочке. Ему и жалко её было, и злился он на таких. Понятно конечно, что совсем ребёнок. Но если до секса додумалась, то предохраниться тоже могла бы. И ребёнку всю жизнь искалечит, и сама ведь взвояет потом, ночами спать не будет, думая, где теперь её малыш.

Громкий крик пробудил его.

– Умница! Без разрывов! Ты моя хорошая! Ох, красавица у тебя, ты глянь, какая глазастая!

Игорь машинально встал и направился к выходу. Он несколько раз видел, как потом эти девчонки плачут, как мечутся, подписывая отказную. Смотреть на это снова не хотелось.

– Всё нормально? Я пойду?

– Иди-иди. Отлично у нас всё! – Марья Михайловна обтирала звонко кричащего младенца.

Выйдя из бокса, он мельком заметил, как акушерка кладёт ребёнка на живот матери... Матери... как они так: девять месяцев ходят и знают, что отдадут? А мужики-то их – тоже странные. Это ж твоя кровь, как ты её отдать можешь кому? Ничего ж не может быть в этой жизни настолько твоим, как ребёнок, инстинкт самца должен срабатывать. Никакой закон или обман не сможет сделать его не твоим: природа сильнее, как бы дальше не пошло, но ты дал ему жизнь... Игорь не считал себя религиозным. Да и о Боге вспоминал обычно только в самолёте, когда трясло. Но, размышляя об отказниках, он был уверен, что так нельзя. И не важно, почему. Просто нельзя, и всё.

Он спустился в платное отделение. Хотелось пить и выпить. Ещё хотелось в душ, смыть впечатления. Возле кабинета нетерпеливо расхаживал здоровяк. Его жена сидела, обмахиваясь журналом.

– Проходите! – буркнул Игорь. – Прошу прощения, вызвали. – Он совсем не был расположен к лишним разговорам и хотел пресечь излишнюю болтливость, свойственную беременным.

– Так... значит УЗИ. Ложитесь. А вы берите стул, пододвигайте к монитору.

На экране замелькали привычные очертания. Всё выглядело нормальным. Хоть здесь можно не дёргаться. Он на автомате высчитывал замеры, заносил в карту, а в пальцах всё ещё ощущал робкие удары.

– Что-то не так?! С ней всё в порядке? Она в последнее время стала очень мало толкаться! – женщина с испугом переводила взгляд с молчащего врача на озадаченного мужа, не имея возможности заглянуть в монитор.

– Растёт, вот и меньше места остаётся, чтобы шевелиться. Всё в норме. Я отклонений не вижу. По срокам тридцать восемь недель.

– А лежит нормально? Нет показаний к кесареву?

– Если бы были, я бы сказал.

– Уф, слава Богу! Я просто испугалась, мало ли что! – она умиротворённо улыбалась мужу, удивлённо вглядывавшемуся в шевелящиеся на экране тени.

– Меньше себя накручивайте, и ребёнку спокойнее будет. – Игорь вдруг почувствовал какую-то странную тоску. Он смотрел на эту пару и представлял, с какой любовью они будут держать новорожденного, как этот «шкаф» всё же заплачет, перерезая пуповину, как целая делегация будет встречать её у дверей на выписку с шариками,

надписями на асфальте, наклейками на машине. А для другого такого же крохотного человека первая встреча с родной матерью останется единственной. И забирать его будут дежурные сёстры дома малютки. А его мать скорее всего уже сегодня под расписку уйдёт через запасной выход, не выдержит после нескольких часов в палате с другими женщинами, не спускающими с рук своих малышей.

Пациентка что-то говорила, он машинально кивал в ответ для приличия ещё несколько минут, пока совсем не выдохся.

– Как схватки начнутся, берите такси и сюда. Обычная «скорая» не станет вас спрашивать, в какой роддом.

– А если не начнутся?

– Да куда они денутся. Кто там у тебя – мальчик?

– Девочка! – с нежной улыбкой выдохнула она.

– Ну, девочки могут лениться. Тогда через две недели будем стимулировать. Только предварительно позвоните, договоримся. Всего вам хорошего, меня ждут в родовом.

Закрыв кабинет, он зашагал в сторону выхода. Уже два года как не курил, но сейчас очень надеялся угоститься хоть одной сигареткой.

– Вот видишь, всё хорошо, а ты переживала, – здоровяк обнял свою жену и поцеловал в макушку.

ку. – Только ты уверена, что хочешь рожать у этого? Какой-то он неприятный.

– Да вроде уже решили. Не знаю, может просто занятой очень...

– Уж мог бы запомнить, что у нас девочка или хоть в карте подглядеть или на экране своём, раз такой занятой. Он за это деньги получает.

– Ты не заводись. Главное, чтобы не грубый, чтоб во время родов не прикрикивал, а то я ещё расплачусь.

– Ещё чего! Я рядом буду, я на него сам прикрикну, если надо. Идём. Мороженого хочешь?

– Давай! Лимонного.

Игорь не спеша подошёл к турникету на входе. Охранник поделился с ним «Явой». Дрянь редкостная, но стало полегче.

– Это вы Игорь Владимирович? – окликнули сбоку. Доктор устало обернулся. Лопухий парень лет шестнадцати растеряно теребил пакет из соседнего супермаркета.

– Слушаю вас. Только я очень тороплюсь.

– А я вас везде ищу! Я на минутку! Вот! – парень протянул пакет. Спасибо вам!

– Это что? – Игорь озадаченно взглянул на пакет, потом на его дарителя. Волосы растрёпанные, лицо неумытое, рубашка в пятнах пота, как у него бывает после дежурства.

– Эт вам. Ну и тем, кто там ещё был. В магазине только это было. А мы потом уж отблагодарим нормально.

– За что? Вы собственно кто?

– За жену! То есть за ребёнка! За дочку! – парень широко улыбнулся. Игорь скептически окинул взглядом собеседника ещё раз. Обручальное кольцо у того и правда имелось.

– Мне сказали, принимали вы и акушерка Марина... забыл отчество. Это вам чая попить. Что успел. Я ведь как ночью с ней приехал, так всё боялся отойти. Думал это у них быстро.

– У нас нет Марин. Вы ничего не путаете на радостях? Спасибо, конечно, но мне видимо стоит это кому-то передать. Я роды сегодня ещё не принимал.

– Как же? – озадачился парень. А мне сказали... Жена моя – Светка. Маленькая такая, с веснушками, волосы тёмные. Час назад родила! Дочку! Мы ещё не назвали: она переживала очень, сказала, что имя выбирать будем только после того, как родит. Первая у нас. Во, вспомнил: Михална. Марина Михална – акушерка.

У Игоря в голове складывалась картинка, но вид паренька не внушал доверия.

– Мария Михайловна принимала... Это сколько же вам лет?

– Девятнадцать! Обоим! – засиял лопухий. – Мы со школы вместе. Сразу поженились и это... Доча теперь! Спасибо вам!

– Да мне особо не за что. Основную работу делают женщины, мы лишь страхуем. Не рановато ли вы решились?

– Не, мы много детей хотим, пока молодые! – парень почему-то похлопал себя по голове, как будто там находился источник молодости. – Короче, я побежал – Светка сказала в церковь зайти, поблагодарить, что всё хорошо. У неё ведь всё хорошо там? У них, то есть.

– Да, всё в порядке, насколько мне известно.

– Спасибо вам! До свиданья! – парень впихнул Игорю в руку измятый пакет и побежал к калитке.

Игорь рассеянно смотрел ему вслед. Потом заглянул в пакет: «Тортик и конфеты. Девчонки будут рады. Смешной какой – папаша... В груди стало полегче. «Много хотим», – Игорь хмыкнул, вспоминая растрёпанный вид паренька. Хорошо, если так. Посмотрим, что ты через год скажешь.

В родовом уже ощущались сумерки. Каждое время дня здесь сопровождалось своим ритмом работы. Под вечер рожают больше. Счастливых измученных женщин с закутанными конвертами у груди вывозили на каталках. Звуки отделения превращались для него в шум единого механизма. Работа была отлажена, как в муравейнике: хотя внешне могло показаться, что персонал двигается хаотически, бездумно перебегая из угла в угол.

– Какой бокс рождает?

– Пятый!

– А почему орёт третий?

– Обезболивающее ждёт! Анестезиолог в первом – отойти не может, там кесарево с астмой, побочки на наркоз боятся.

– Пошли Валю в третий, обезболит своей болтовнёй.

Игорь пару минут наблюдал за своим «муравейником», пытаюсь отключиться от эмоций и настроиться на рабочий лад. В конце коридора стояла странная парочка: мужчина и женщина в бахилах и наспех накинутых одноразовых халатах. Женщина беззвучно плакала, приложив ко рту бумажный платок. Мужчина что-то ей говорил, то как будто злясь, то пытаюсь приобнять.

Игорь двинулся к ним. Явно не комиссия и не интерны. Не роженица. Родственники. Плачет – что-то случилось. Но почему сюда пустили? Если рожают в VIP-боксе, то сопровождающие находятся внутри – санитарные нормы. В случае осложнений должны проводить из отделения. Другим женщинам вовсе ни к чему переживать за чужие беды: им всем рожать в ближайшие сутки, и так перепуганы собственными схватками.

– Вы к кому? – начал он нарочито жёстко, как будто именно эти двое были виноваты в его сегодняшних наплывах сентиментальности.

– Мы из шестого блока. У нас контракт, подписано вашим главным, – мужчина говорил вы-

держанно, но видимо из последних сил. Казалось, сейчас сорвётся на крик или плач. Женщина не поднимала глаз.

– Родственники? Почему не внутри? – он осёкся, понимая некорректность вопроса. Шестой блок как раз VIP. Раз вышли, значит там плохо. Теперь в лучшем случае женщина окончательно расплачется, в худшем – начнут рассказывать, что произошло, а то и истерить на весь коридор.

– У нас тут беременные, со схватками, обстановка нервная. Давайте я вас провожу в холл. Там кулер с водой, автомат с кофе, передохнёте, – ему совсем не хотелось знать, что произошло.

– Спасибо, – мужчина поднялся, поддерживая жену под локоть. – Идём, посидим, всё будет хорошо.

Игорь довёл их до выхода. Мужчина поблагодарил кивком. Возвращаясь в отделение, Игорь в очередной раз за сегодняшний день пытался перекрыть доступ к своим чувствам, мешавшим работать. Хотя бы на ближайшие три часа. Ему необходим трезвый рассудок и уверенные руки.

Постепенно работа пошла ровнее. Он помог Кузякину, принял ещё двое родов, ассистировал при кесарева, заглянул на вечерний обход в детскую реанимацию. Напряжённый день съёживался под натиском густых августовских сумерек. Там снаружи они уже заволакивали небо, проникая во все закоулки. И только здесь, просачиваясь сквозь

распахнутые окна, вступали в неравную схватку с ярким больничным светом.

Поток рожающих временно прекратился. Следующий наплыв обычно наблюдался к трём часам ночи. Обычно это были те, кто чувствовали первые схватки ещё с вечера, но думали, что обойдётся. А потом посреди ночи просыпались с уже отошедшими водами. Привозили их быстро, хотя некоторые успевали родить в «скорой» или в приёмном внизу.

Но всё это позже. К тому времени Игорь будет спать дома под мерное жужжание телевизора. А пока отделение затихает, чистится, приходит в себя. Санитарки неспешно шелестят пакетами, сёстры загружают боксы лекарствами, врачи засели за карты. Любимое время дежурства. Обычно в такие минуты ему приятно было пройтись по палатам, поговорить с новоиспечёнными мамками, заглянуть в детское отделение. Там, в детском, он особенно остро ощущал свою причастность к этому священному действию природы. В своё дежурство он чувствовал себя первым крестным отцом всех этих малышей. Если Бог есть, он где-то наверху – над всеми людьми. Тогда он, Игорь, вот здесь, на земле, на своём участке, как маленький бог. Именно родов. Именно сегодня.

В ординаторской, обложившись бумагами, Саша накручивал на пластиковую ложку заварную лапшу.

– М-мм, жаходи. Чай шкыпэл вон, – прокартавил он с набитым ртом, кивая в сторону бурлящего чайника.

– Спасибо, гурман ты наш. Камышев с язвой, и ты за ним собрался? – Игорь плеснул кипятка и плюхнулся на диван напротив Саши. – Печенье что ль дай?

– Вон тортик бери, Марь Михална угостила. Наш любимый – с ромом. – Саша пытался поймать соскальзывающую макаронину. – Тьфу ты, идиоты, хоть бы вилку положили... Эта-то, все-таки ку-ку.

– Чего? – Игорь не понял, о чём идёт речь.

– «Кукушка», говорю, наша, отказную написала, зараза.

Игорь с раздражением подумал, что лучше бы и не заходил. За вечерней работой он отключился от воспоминаний об отказниках. А теперь в пальцах снова ощутил те слабые удары маленького сердца. Он постарался вспомнить наставления их профессора по этике. О праве выбора женщины, о жизненных препонах, о которых врач может и не догадываться, о том, что лучше не родная, но любящая, чем родная, но не готовая к своей миссии... Игорь взглянул на торт и вспомнил смешного молодого папашу. В душе что-то смягчилось. Ему захотелось и эту женщину простить, найти ей оправдание.

– Может, некуда ей взять его. Хорошо хоть родила, а не убила в утробе.

– Да кто знает, может пыталась, вот он у нас едва живой и вылез. Карты-то нет. Я ж говорил, специально без документов, чтобы мы её в отчётности зафиксировать не смогли. Хитрая.

– Да кто знает, чего у неё в жизни было. А тройное обвитие у любой бывает, сам знаешь. Может у неё мужик урод, не примет, а она любит его до безумия. Может, у неё рак или Альцгеймер, вот она и не хочет, чтобы ребёнок потом по ней тосковал. А может её вообще изнасиловали.

– Давно это ты, Игорь Владимирович, в сказочники заделался? Сам-то хоть веришь в свои бредни?

– Да просто денёк сегодня тот ещё, – Игорь смутился, что Саша уличил его в сентиментальности.

– А, про странности. У Кузякина-то сегодня VIP-шники что отчудили! Там суррогатная мать, эти ей все по высшему разряду оплатили, нарядились, все роды там торчали, на камеру снимали. А она родила, а отдавать отказалась!

– В смысле? – Игорь не успевал переваривать все этапы истории.

– Без смысла! На руки взяла и как заревёт, мол, не отдам, он мой, не могу. У Кузякина первый раз такое. Он их выставил, пытался с ней поговорить, а они и сами давай реветь.

– Я видел их, – Игорь представил себя на месте Кузякина – стал бы он вмешиваться, уговаривать... – Вот и не поймёшь, кому из них сочувствовать. Они, наверное, бесплодные... А получается по закону ребёнок их, если яйцеклетку ей пересаживали?

– Да нет у нас никаких законов, ты где живёшь?! Она выносила, ей решать. Хоть пятьсот контрактов подпишет, за ней последнее слово. А вот ей точно взять некуда. Девчонки сказали у неё своих трое, мужа в пьяной драке убили год назад. Решила заработать, чтобы детей поднять. Не заработала! Они теперь, наверное, и деньги за роды потребуют вернуть и за беременность. С чего она отдавать будет. Но вцепилась – ни в какую.

Игорь медленно переваривал услышанное... У него ни разу не было родов с суррогатными, и он слабо представлял как это бывает. Сразу ли отдают родителям или выкладывают на живот. Или к груди прикладывают. Дают ли попрощаться или поскорей уносят... Он представил эту женщину, сидящую там, в навороченной палате с малышом, которого она носила, зная, что отдаст. И вот – не смогла. Держит его и плачет. Думала, сможет, но природа взяла своё. И как она вместо денег принесёт домой ещё одного голодного птенца. И как она дальше с ними будет...

– А эти какие-то крутые, с главным всё напрямую решали, фамилии зашифрованы, чтобы никто не узнал потом. Понакупили уже всего, всю палату заставили и игрушками и люльками, одежками. Не знаю, уехали или сидят ждут, вдруг передумает...

– Вот не позавидуешь! Слушай, а там кто у них родился?

– Да вроде пацан. Да кто б ни был, им от этого не легче.

– Может им этого предложить? «Кукушонка» твоего?

– М-мм, ну предложи, и чего? Они своего ребёнка ждали. Суррогатная, это ж биоматериал их!

– А я тупой такой, не знаю. Но я ведь вот про что: если они так хотели ребёнка, может, возьмут? Такие крутые, наверняка всем близким растрезвонили, может она даже фальшивый живот носила, чтобы не догадались. Как им возвращаться без ребёнка. А тут в тот же день, в том же роддоме, как будто знак, понимаешь? Да и мать эта, мы с тобой подтвердим, вполне нормальная, на наркоманку или сумасшедшую не похожа, младенец без патологий...

Саша нахмурился:

– Чудес что ли захотелось? Так это ты, Игорёк, не в том месте работаешь. Ты бы в фокусники пошёл, пусть тебя научат.

– Да ну тебя, – Игорь хотел разозлиться, но почему-то расстроился. Чудес и правда хотелось. Настолько, что комок подкатил.

– Может тебе выпить?

– Может. Ты налей, а я пойду всё-таки попробую с ними поговорить. Я быстро.

Саша сочувственно проводил приятеля взглядом.

– И заявление на отпуск заодно напиши, а то совсем чудить начал! – он достал из ящика потёртую флягу, две крохотные рюмки и аккуратно поставил на столе.

В ХОРОШИЕ РУКИ

РАССКАЗ

/

– Уважаемые члены комиссии! Начнём, наконец!

Гомон собравшихся в большой комнате начал стихать. В раскрытые окна ни ветерка, только крики детворы со спортплощадки.

– Рыжик, давай же, съезжай! – веснушчатый мальчишка, упираясь в перила, пытался столкнуть растерянного пса с горки.

– Сам ты – Рыжик! А он – Мустанг! Муста-а-анг, иди ко мне, ну давай, ну скатись, тебе понравится! – девчушка лет восьми приманивала собаку у подножия горки, изображая, что в руках у неё есть что-то вкусное.

– Такого имени вообще нет, не выдумывай! Ну давай, я сразу за тобой съеду, это не страшно! – мальчишка погладил пса по холке.

– Если хочешь знать – есть такое имя! И он на него отзывается! Давай, толкни сильнее! – она застучала по горке, отвлекая собаку. Мальчик вы-

прямился, пёс воспользовался моментом и, проскочив под его рукой, неуклюже заскакал вниз по ступенькам лестницы.

– Не удалось причинить добро! – засмеялся молодой парень, повернувшись от окна к стоящей рядом девушке. Его рубашка прилипла к спине от пота. Девушка коснулась его плеча и улыбнулась в ответ.

– Аня, хватит кокетничать! Работать надо! – нарочито громко объявила председательница, тётка лет пятидесяти с бородавкой на брови.

Девушка смущённо порскнула за столик секретаря.

– И вы, Игорь Алексеевич, присядьте тоже, – довольная эффектом, продолжила чиновница. – Мы подбирали время, в том числе и под вас, поэтому затягивать не будем. Что у нас сегодня?

– У нас Саша Савельев... – на столике суетливо зашуршали листы. – Саше десять. На право опеки подал дед, Виктор Анатольевич Савельев. Его старшая дочь, мать мальчика, покончила с собой в пьяной горячке. Там история такая: не рассчитала – хотела напугать, но оступилась и выпала с двенадцатого этажа. То есть, это как бы не суицид, а несчастный случай. После чего над мальчиком взяла опеку тётка, младшая сестра погибшей, тоже пьющая. Через три года она умерла...

– Это всё мы уже знаем, что там по факту: отдавать – не отдавать, давайте порасторопней. Что с документами?

– Да-да, Татьяна Михайловна, я просто подумала... у нас же тут приглашённые специалисты, чтобы они тоже были в курсе дела.

– Специалистам все эти детали ни к чему. Игорь Алексеевич – психолог, а не следователь.

“Психолог? А это ещё зачем? – Саша с тревогой поднял глаза. – Ребята в приюте говорили, что эти психологи всегда что-нибудь навыспрашивают, а потом в психушку сдадут!”

– А Александра Ильинична из детской комнаты полиции, – с раздражением продолжала тётка, – нужна нам, чтобы подтвердить положительную характеристику на подростка. Чтобы дедушка знал, что мальчика мы отдаём вполне нормального, на учёте не состоящего, и ответственность опекуна перед государством – сохранить такой статус ребёнка, – на этой фразе тётка перевела недовольный взгляд с тощей девушки на Сашу с дедом.

“Взгляд у неё неприятный. Раньше ласково говорила, обещала, что в обиду не даст, что у него всё в жизни будет хорошо. А теперь пугает. Психолог, полиция... Сандалии дурацкие, ступни от пота скользят, теперь мозоль натрут”.

– Так, значит, вы, Виктор Анатольевич, решили забрать Сашу к себе? – тётка выразительно посмотрела на деда поверх очков.

– Ну да, вон документы, – дед кивнул головой в сторону шуршащей бумажками секретарши.

– Да-да, мы уже ознакомились. А почему?

– Чего “почему”? – нахмурился дед.

“Зачем она вопросы задаёт? Раз решил, так чего тянуть. Вдруг он передумает и уйдёт!” – Саша сидел, скрестив пальцы. Он загадал, что если так происходит до самого конца, то его обязательно отдадут деду, а если не сможет, всё пропало. Так уже было в шесть лет. Он попросил у Деда Мороза полицейскую машину с сиреной. Он хотел запускать её на кухню, когда мать и тётка будут ругаться, надеясь, что звук сирены заставит их замолчать. Тогда он загадал, что, если по дороге домой наступит на все чёточки между плитками тротуара, то желание точно сбудется.

На пути дворник расчищал снег. Саша хотел переждать, но мать была не в духе и, резко дёрнув его за руку, потащила к подъезду. Машины он так и не получил. В тот Новый год он вообще ничего не получил. Утром 1 января мать сказала, что он плохой мальчик, и Дед Мороз ничего ему не принёс. До самого вечера он ещё надеялся на подарок. А вечером, протрезвев, мать подошла к нему и, погладив по голове, сказала, что Деда Мороза нет. “Ты теперь взрослый, Сашенька. А это сказки для детей. Просто родители покупают деткам подарки и кладут под ёлочку. И я тебе так клала. А в этом году у мамочки денежек нет, ты же знаешь. Мамочка тебя любит. Но теперь давай без подарков”. Следующей зимой за неделю до Нового года мать умерла. Подарков он больше не получал.

– Почему вы решили взять Сашу к себе именно сейчас? Почему не раньше?

– Так мать у него была и тётка, – дед достал из кармана вибрирующий телефон и посмотрел на экран.

– Ну, у матери были проблемы с употреблением алкоголя. Мальчик рос в некомфортной обстановке, почему раньше не забрали? – с напором продолжала председательница.

– А я с ними не общался.

– Из-за того, что они пили?

Он нажал клавишу и убрал телефон в карман. Тётка замолчала, дед стоял спокойно. Саша решил, что надо обязательно сказать что-то хорошее о нём. Но ничего кроме давно подаренного самосвала вспомнить не мог.

– Он мне подарки давал, дедушка мой! – зачастил Саша высоким ломким голосом. – Самосвал! Кузов поднимался.

– Ну вот видишь, – председательница мельком глянула на Сашу, попытавшись изобразить улыбку. И уже обращаясь к деду, жёстко спросила: – Вы не могли бы уточнить, по какой причине перестали общаться? Мы должны представлять, какова ситуация. Поймите правильно, родственников больше у Саши нет. Вас-то разыскали с трудом только через месяц после смерти Сашиной тёти.

– Если отдавать не хотите, – проворчал дед, – так и скажите...

– Нет-нет, вы не поняли. Ребёнок государственный. Есть определённые нормы ведения дел. Никто же не хочет, чтобы потом Сашу у вас забрали, решив, что вы не подходите.

– А чего забирать-то? Ну если

им надо, пускай делают, как знают, – дед засунул руки в карманы и начал раскачиваться. Саша испугался, что, качнувшись в очередной раз, он пойдёт к выходу.

– Виктор Анатольевич, вы не раздражайтесь. Это формальные требования. Мы обязаны собрать информацию. Собственно, даже если соврёте – мы и проверить-то не сможем! – примирительно продолжила тётка. – Спросить больше не у кого.

– А чего мне врать? – снова насупил дед. – Я и не врал никогда. Как забрюхатела она, так и ушёл.

– Кто, простите?

– Да Маша, кто ж ещё, старшая. Забеременела она в шестнадцать. Я ей: “Иди избавляйся, дура!”. А она: “Рожать буду!”. Ну я и рявкнул, мол, не позволю. Сам к врачу отвезу, позорище такое! А тут мать её нашла повод заступаться: грех это, грех!

– То есть вы были против того, чтобы дочь родила?

– А вы бы дали своей родить в шестнадцать? Школу даже не закончила! Впереди экзамены, институт, или техникум хотя бы. “Всю жизнь изломаешь!” – говорю.

Дед сильно покраснел. Саше стало его жаль. Он не знал про эту историю.

– Конечно, вы переживали за дочь...

– Говорил жене: я с таким срамом жить не стану! Да и кому он нужен будет – ребёнок этот безродный?! Но нет, кто ж меня послушал! А результат? – дед вытянул руку и начал загибать пальцы. – Я из семьи ушёл, жена через три года померла, дочь сама спилась, да ещё и сестру споила! И вот, – дед ткнул пальцем в сторону внука, – сидит: кому он теперь нужен?

Слова деда не сразу дошли до сознания Саши. Так, значит, он ушёл... из-за него?!

– Ну что вы, нам каждый ребёнок нужен! – приторный голос председательницы вывел Сашу из забытья.

– Да не придирайтесь к словам! – раздражённо махнул рукой дед. – Вы же понимаете, о чём я. Что у него теперь – ни дома, ни родителей, ни жизни нормальной.

– Ну, у него есть вы, раз решили забрать...

Психолог при этих словах выразительно хмыкнул.

“Чего ты лыбишься, – разозлился на него Саша, – как будто что смешное говорят! Лезут все не в своё дело”

– Да, чего он по приютам мотаться будет, – уже спокойнее произнёс дед.

– Ну, почему мотаться, – приосанилась председательница. – Государство устраивает сирот, пре-

доставляет хорошие условия. Но вы родной человек, будете заботиться с душой.

– Вырастим как-нибудь.

– Трудностей не боитесь? Подростковый возраст всё-таки, нелёгкие времена мальчик пережил.

“Нелёгкие. Тебе спасибо! – ехидно подумал Саша. – Сразу ты мне не понравилась, ещё тогда, когда решали про приют. Наобещала всякого: ты там всего на пару неделек, там будет хорошо, друзья появятся, в цирк сводят, в театр, на экскурсии...”

В первую ночь, в туалете его обступили мальчишки. Он попытался спрятаться в кабинке, но все щекотки были давно выбиты, и ребята с гоголом начали его лупить. Так происходило со всеми новичками. Саша тогда не знал, что первая драка – это как проверка, после неё всем станет ясно, чего ты стоишь... На весь следующий месяц – самый ужасный месяц в его жизни – за ним закрепилась репутация лузера. Он пытался жаловаться, но становилось хуже. Правда, уже не били. Мстили по-другому: наливали воду в кровать, могли и помочиться. Саша терпел, надеясь только на то, что скоро заберут. А теперь... Детский дом? Да он ничем от приюта не отличается: народ там такой же, и лупят так же...

При воспоминании о драках всё внутри съезжилось. Обрывки беседы с трудом доходили до него.

– У меня всё есть, вон список документов: квартира двухкомнатная, машина наша, зарплата нормальная, можете проверить, на еду хватит.

– Да-да, вы молодец, все документы в порядке. Вы же опеку захотели оформлять, а не усыновление, – значит, государство будет выплачивать на Сашу пособие, льготы предоставит...

– Пособие сейчас оформлять будем, или отдельно приходиться?

– Ну вы погодите, – улыбка неловкости скользнула по лицу. – Мы сначала должны решить, остаётся ли Саша у вас или нет.

– А что, в детский дом его что ли решили?

Саша вздрогнул. Если в детдом – сбежит, он уже решил. Ему Костик рассказывал, как потом устроиться. В приюте Костик появлялся раз в три месяца. Он был вроде как сам по себе, пацаны его не трогали, потому что знали, что у Костика в друзьях воры Казанского вокзала. А в тюрьме его батя – выйдет, всем отомстит. Костик приходил в приют сам, получал полный комплект одежды, обуви, немного отъедался и отдыхал от своей воровской жизни и через месяц уходил снова. Он именно уходил, неспешно, обдуманно, загодя аккуратно сложив всё положенное государством добро. Вещи он тут же продавал, спуская полчку на игровые автоматы. А потом жил и “работал” на вокзале, пока снова не тянуло в тепло.

– Да нет, нам бы не хотелось, естественно.

Саша испугался, что из-за своих воспоминаний пропустил что-то важное, и не мог понять, чего именно тётке “не хотелось бы”. В какой-то момент он перестал понимать, чего теперь бояться. В детский дом? Нет, туда точно нет... Дед?..

“Да отвяжитесь, наконец, от меня! Все, все! – Незнакомая прежде ярость ударила ему в голову. – Тётка, ишь, заботу изображает: “Нам каждый ребёнок нужен”, а ведь ей на него плевать, Саша это сразу понял. И дед не лучше! За столько лет даже не поинтересовался, как там внучек. Другим подарки к каждому празднику. А ему – за всё это время – самосвал: дверки не открываются, огонёчки не зажигаются... Один проживу! с Костиком на вокзале!”

Саша будто заглянул в бездомную пугающую неизвестность. Ему стало так жалко себя. Ожесточение схлынуло. Он растерянно прислушивался к разговору взрослых.

– Мы здесь за тем и собрались, чтобы решить вопрос об опеке, – председательница напряжённо оглядела присутствующих. – Уважаемые члены комиссии, есть ли у вас вопросы?

Судя по скучающим лицам, вопросов не было.

– Ну, вы тогда подождите в коридоре, а мы обсудим и вам скажем.

– Сейчас скажете? А то мне ещё на работу сегодня надо заехать.

– Да-да, мы сегодня примем решение. Вы пока можете пойти передохнуть.

Как только дверь прикрыли, дед начал отзваниваться на работу, что-то раздражённо объясняя. Саша проводил его взглядом до лестницы и прильнул к щели, оставленной для сквозняка.

– Ну что, я так понимаю, будем отдавать? – после выхода деда с внуком все зашевелились, кто-то снимал пиджак, кто-то жадно пил уже нагретую воду. – Проблем с документами, я так понимаю, нет, Ольга Анатольевна?

– Нет, он всё принёс. По доходу всё нормально, квартира на него оформлена, никто больше не прописан. Мальчику по исполнению восемнадцати лет предоставлять жильё не нужно, за ним будет числиться эта жилплощадь.

– Хорошо, меньше инстанций, меньше бумаг. А остальные – что скажете? Вроде дед нормальный?

– Да вообще-то по нему не поймёшь, – откашлялся окончательно взмокший Игорь Алексеевич. – Может, нам надо побольше о нём узнать, пригласить их на наши тренинги или консультации, а там и решать?

– Вот вы, психологи, молодцы какие! – взъелась председательница. – И куда ж мы его должны деть, пока они к вам ходить будут? Сейчас конец мая, если не отдать деду, то нужно Сашу в приют или детский дом пристраивать. А они все с июня разъезжаются по лагерям. Ему нужно будет срочно путёвку с кем-то оформлять. Вы представляе-

те себе, как на государственного ребёнка оформить путёвку за неделю? Это гонка невозможная: ходить, выпрашивать, выбивать – списки-то все оформляются чуть ли не с зимы. А если не возьмут – тогда в инфекционную больницу придётся, сидеть мальчику как минимум месяц, если на июль смогут пристроить! Вы считаете, это лучше будет?

– Да не то что бы... – уже с меньшей уверенностью продолжил психолог. – Может, обязать их походить к нам в ближайшие месяцы. Не понятно, где раньше-то дед был, почему вдруг объявился? Восемь лет с семьёй не общался, не интересовался никем, а теперь вдруг решил мальчика взять. Опека подразумевает приличное финансирование от государства, тоже настораживает. Всё-таки не котёнка отдаём...

– При чём тут котята? Вы один тут озабочены судьбой ребёнка? Мы все ищем наилучший вариант для мальчика. Мало ли какие споры в семьях могут быть. Дочери алкоголички, вот и не хотел общаться, что тут непонятного! Вам нужны консультации, чтобы это узнать? Человек в будни работает, вот лично вы готовы по выходным с ними заниматься?

– По выходным не хотелось бы... Ну, давайте хотя бы предложим?

– Конечно, предложим, посоветуем, проконсультируем. Всё как обычно, приложим максимум усилий!

– Да, как обычно... – ухмыльнулся психолог.

– Вы хотите что-то конкретное предложить, Игорь Алексеевич? – голос зазвучал озлобленно.

– Нет, конкретного пока ничего, надо подумать...

– У нас нет времени думать! – оборвала председательница. – Мы должны принять решение сейчас. Пригласите их, пожалуйста!

...Вошли. Мысли в голове у Саши кружились, он не знал, за какую ухватиться.

– Виктор Анатольевич, на сегодняшний момент комиссия решила передать вам право опеки. Поздравляю! – она активно изображала улыбку. – Вы вполне подходите по всем параметрам. Мы надеемся, что у вас всё получится. Документы будут оформлять некоторое время, так что вам ещё придётся к нам приехать, но уж такова система.

– Долго ещё надо-то будет? – дед методично укладывал в папку бумаги. – Чтоб с работы отпускали, нужно договариваться.

– Да-да, мы понимаем. Вся процедура займёт около месяца. Но забрать Сашу вы можете уже сейчас!

– Месяц, ладно. Понял, забираю.

– Мы бы хотели вам рекомендовать занятия у психолога.

– Это зачем? Он же нормальный вроде, – буркнул дед, постукивая ладонями по столу, чтобы стопка была ровнее.

– Это для вас обоих, чтобы лучше привыкнуть друг к другу, всё-таки давно не общались, могут быть конфликты...

– А без этого никак? – он перестал складывать бумаги и удивлённо посмотрел на председательницу. – Работа у меня.

– Ну, не то, чтобы никак! – заторопилась та, как будто тоже переживая, что дед передумает. – Это наши рекомендации. Может, позже, в июле.

– Нет, в июле у меня отпуск. Мы на дачу поедem к моему другу, – бумаги отправились в портфель.

– А, ну на дачу – это замечательно. Отдохните на свежем воздухе. Ну что, Саш, я же говорила тебе: всё будет хорошо! Ты-то рад?

Саша молча глядел в пол – в приюте это вошло у него в привычку. Он хотел было взглянуть на тётку, но никак не мог поднять глаза. Почувствовав, что на него смотрят и ждут ответа, он едва заметно кивнул.

– Что ж, тогда всего вам хорошего. Остальные бумаги вам сейчас передадут в 102-м кабинете. Удачи!

Когда они вышли на улицу, начинало темнеть. Собиравшиеся всю неделю тучи, казалось, готовы были вот-вот затушить раскалённый асфальт. Мамочки спешили увести детей с площадки и собирали разбросанные игрушки, пока разгорячённая детвора пыталась наиграться впрок.

Рыжий пёс бродил по площадке, провожая взглядом убегающих ребят.

– Рыжик, Рыжик, на, чё дам! – закричал ему Саша. Пёс подбежал к незнакомому мальчишке, как будто знал его целую вечность. Саше вдруг захотелось уткнуться в эту длинную пушистую шерсть, почувствовать тёплое прикосновение, мокрый нос... Пёс улыбнулся открытой пастью, обнюхал протянутую руку.

– Нечего дразнить собаку, если у тебя ничего нет, – нахмурился дед.

– Да я просто погладить хотел! – Саша присел было на корточки, чтобы потрепать пса, но остановился и перевёл глаза на деда, боясь его неодобрения. Только теперь он понял, что совсем не знает этого человека. Не знает, что можно делать, а что нет. А ещё не знает, любит ли дед футбол, умеет ли жарить картошку, и как его нужно называть: дед, дедушка или по имени-отчеству.

– Бездомная собака – чего её гладить, только подцепишь что-нибудь! – Дед посмотрел на часы. – На работу не успел! – Он ещё раз открыл портфель, проверил бумаги, и, махнув Саше головой, пошёл к машине. Саша выпрямился и поплёлся за ним. Под ногами замелькали бледные от засухи чёрточки тротуарной плитки.

Звонок в дверь. Вот уроды, к матери что ли? Скоро вроде Рождество, наверняка кто-то из ее церковных, кто еще придет в такую рань, когда у страны двухнедельный запой – только эти, святоши. Башка раскалывается. Надо Филу набрать, сегодня хоть выйти освежиться. Что ж так долго не открывает?! Убил бы, весь мозг прозвонили!

Не вынимая головы из-под одеяла, он нащупал на полу липкий мобильник. Дрянь какая, опять залили. На раздражающем глаз дисплее высветилось 7:30. – Что за... Ну это уж слишком! К матери в такую рань никогда не приходили. Совесть-то у них должна быть... Или не к матери?.. – неприятный холодок пробежал по хребту до самой макушки. – Спокойно, что дергаться, уже три дня прошло. Черт, в голове застучало, как молотком. “Славик, тебе же врачи говорили, нельзя пить столько – у тебя давление!” – скривя лицо, он спародировал мамину интонацию. – Забавно. Он

начал вспоминать лысого Игоря Владимировича, который через тройные бифокалы внимательно разглядывал волны его ЭКГ: “Ну и куда ж вы, молодой человек такими темпами приедете? Сначала алкоголь, потом пьяные выходки, незащищенные половые связи, наркотики... а с вашим сердцем, не дай Бог!” – Да уж, мужик, тебе-то Бог явно всего этого не дал, так что не завидуй.

Воспоминания оборвал повторившийся звонок. Неожиданно для себя он съезжился и вжался в спинку дивана. – Да что это я? Сейчас мать откроет или спровадит, кого там принесло. – В коридоре слышались спешные шаги, а из спальни – недовольное ворчание отчима. Секунды превратились в тягучую смолу. – Почему не открывает? – Поддавшись какому-то животному страху, он вытащил голову из душного тепла и начал прислушиваться. Мать явно была растеряна, открывала медленно, осторожно. Мужские голоса. – Неужели все-таки к нему?! – Забыв о тяжести похмелья, он в одном скачке дотянулся до двери и задвинул щеколду. Глупый детский каприз, когда он потребовал от матери замок на дверь, кажется, впервые в жизни помог ему почувствовать себя в безопасности. Тогда, в двенадцать лет, его раздражало ее вторжение в самый разгар игры в “приставку” с ребятами с ее стандартными “мальчики-не-хотите-покушать”. Он нахмурился – сейчас не время для детских воспоминаний, надо срочно прийти в себя.

– Вот, пожалуйста, ордер на обыск, – послышалось размеренно из коридора. – Да вы не переживайте, вы же знаете – Слава у нас на учете давно. Разговор, конечно, серьезный. Думаю, он сам сейчас все расскажет.

– А обыск зачем? – голос матери звучал встревоженно. На него накатила паника. Он замер, зацепившись взглядом за книжную полку. – Черт, книги! – Две полки готовых улик, все вперемешку. – Скорей, думай же!

Стук в дверь. И следом бешеный стук – сердце.

– Слава, к тебе пришли. Из милиции. – Мать всеми силами старалась придать голосу твердость и спокойствие. Получалось плохо. Задражав, как в детстве после холодной речки, он с трудом нарочито безразлично выдавил:

– Ща, мам, я голый. Сейчас штаны натяну.

– Может, вам пока чаю? Давайте я документы заодно поищу. У него выписки есть, характеристика из колледжа хорошая. Мы тогда для комиссии брали, после их собраний на Манежной площади, помните?

– Да уж как не вспомнить, Татьяна Борисовна. Собрание вышло у них на славу. Это уже какой – третий его привод был? Давайте, несите бумажки, они ему пригодятся.

Думай, думай же! Ты же умный! Среди всех этих тупых баранов ты из тех единиц, которые реально понимают суть движения. Вот они – до-

казательства твоего интеллекта – черные обложки, затертые страницы... Это же могила – точно зона!.. Окно... Еще темно, холод, все спят, никто не услышит! Он подбежал к подоконнику – от рамы потягивало зябкой промозглостью, на улице медленно падали редкие снежинки. – Плохо, не заметет – вдруг найдут? Хотя как докажут? Тогда, на Манежке, у них даже на камерах мелькала его фигура – и то не сумели, не пойман на месте – не вор. Пришлось отпустить за неимением доказательств. Скорей, в запасе минуты две, не больше.

Старые расшатанные стеклопакеты открылись бесшумно. Он сгрэб с полки полную охапку, свалил на подоконник и неловкими движениями начал выкидывать книги как можно дальше в окно, чтобы не ударились о балконы или карнизы нижних этажей. Внутри все кипело. Казалось, он теряет драгоценное время, не в силах поворачиваться быстрее. В любой момент они могут ворваться. Вторая полка, самое дорогое, его любимое. Книги будто цепляются за шкаф, возмущаются. Их совсем немного – но этого достаточно, чтобы все сломать. Последняя партия почти растаяла в окне. Осталась только она – его гордость, святыня, книга “великого тирана”. Он в ярости крутился по комнате, пытаясь пристроить ее куда-нибудь, где не найдут.

– Идиот, раньше надо было думать, никаких секретных мест или лазеек. Все на виду. Эта привычка с кадетского корпуса – там быстро “объясня-

ли” новичкам, что такое “прятать”: твои вещи никогда не могли быть только твоими, если ты не из сильнейших. Три года кадетства – три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания – пятидневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, – подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у нее работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остается времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слезы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там было совсем не так, как показывали в старых военных фильмах. Чтобы выжить, нужно было драться. Постоянно, за все: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем, завоевывая все больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились восхищенные взгляды ребят, когда он входил в “качалку”, нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту.

Стук сердца... Сейчас оно билось так быстро, будто боялось, что скоро замолкнет. Прятать некуда – последняя книжка полетела в окно. Он глубоко вздохнул, вытер потные ладони о простыню, натянул домашние треники и направился к двери.

– Здрасьте, а вы ко мне? – он не пытался сделать вид, что удивлен.

– Ну привет, Слава. К тебе, давно не виделись, – лицо лейтенанта изображало пародию на улыбку. Второй с раздраженно скучающим видом мешал сахар, мерзко позвякивая ложкой. Звук отдавался в голове долгим эхом.

– Да вроде не так уж и давно, – просиял как можно более беззаботно Слава, – с прошедшими вас!

– Ну что, сам расскажешь или освежить твою память? – поздравление с праздниками не добавило лицам гостей доброжелательности.

– А что, случилось что-то?

– Значит, освежить...

– Мм, да вы начните, а я, может, вспомню. Сами понимаете – Новый год, каникулы. – Желудок начал ныть и выкручиваться, к горлу подступила тошнота, во рту пересохло.

– Где ты был в ночь с первого на второе января?

Конец. Время остановилось, стук внутри тоже замер. Они знают. Откуда?! Это точно конец. Сколько раз все проходило гладко, неужели Фил? Да нет, не мог он. Хотя если взяли с чем-то, нада-

вили, мог и сдать... Сами идиоты, без масок вышли. Но ведь смотрели по сторонам – никого вокруг. Этот второй не мог знать ни имен, ни адресов. Он и опознать бы их вряд ли смог – темно было, все на одно лицо. Сколько таких ходит по району в праздники. Не доглядели. Да что там – в пьяном угаре можно и не такое проглядеть.

Главное – не молчать слишком долго, а то точно уцепятся. Так, пришли в 7:30. Значит, боялись не застать. Значит, дело еще не завели – выслали бы повестку, наверное. Возможно, ничего у них и нет, пришли так, просто подозревают. Районная база состоящих на учете не такая уж большая, вот и ходят, выискивают, может, кто сам дрогнет – сознается. От этих мыслей стало легче: вывернусь. Презумпция невиновности, всё такое.

– Ну, с первого на второе... я как все! – так же безмятежно улыбнулся он.

– Как кто – все? – Тот, что пониже ростом – Павел Сергеевич – начал заметно раздражаться. Он лично вел дела Славы, был его “куратором”. Нормальный в принципе мужик, сколько раз болтали вне стен отделения, бывало смеялись вместе. Но сейчас... сейчас он смотрел совсем по-другому, как будто у себя в кабинете, полном других ментов. Может, дело во втором, что пришел? А зачем они пришли вдвоем, раньше такого не было... Спокойно, надо прекращать улыбаться, лучше прощупать, что у них реально есть.

– Как все – пил с ребятами. Потом еще с девчонками из колледжа. Вы скажите время, чтоб я припомнил.

– Время, Слава, с 23:00 до полуночи. Ну и, собственно, после полуночи тоже.

Знают. Пропал. Всё сходится. Лицо начало гореть, на лбу выступили капли пота. Теперь бы понять, как много они уже знают, да не сказать лишнего.

– Думаю, мы гуляли. Вроде... Да, гуляли по району, петарды пускали. Ничего особенного.

– Ну да, действительно. А что было потом?

Просто давят, разводят. До последнего надо отпираться.

– Да всю ночь и гуляли. Потом... под утро домой. Вроде.

– Да, он пришел около пяти. Ключ не взял, мне пришлось открывать, – все это время мать молчала, боясь пошевелиться.

– Татьяна Борисовна, ваши показания нам понадобятся позже! – мать невольно замолчала, оборванная на полуслове, и начала бесцельно переставлять предметы.

Они и правда начинали злиться. Пятое января, 7:30, выезд с обыском. За смену заплатят по праздничному тарифу, но все же они надеялись провести ее в теплом кабинете, по очереди отсыпаясь и просматривая повторения новогодних “Огоньков”. Но на них повесили эпизод с нанесением

тяжких телесных повреждений, да, возможно, еще и по 282-й статье. А с нынешним мэром вся верхушка готова выслуживаться по этой линии, целые блоки профилактической работы разработали. На бумаге, конечно, но трудились же. И вот тебе – малолетние придурки не рассчитали силы. А по шапке получит весь отдел.

– Слава, мы тут до ночи сидеть не будем. Или сам расскажешь, или посидишь у нас сутки, поумнеешь.

– У вас? Да что он сделал? Он мой сын, я имею право знать, с какой целью вы его допрашиваете! Он несовершеннолетний! – голос матери звучал истерически.

– Татьяна Борисовна, – уже на повышенных тонах продолжал Павел, – ваш сын, Слава, подозревается в нанесении тяжких телесных повреждений в виде ножевых ранений. Радуйтесь, что еще не с летальным исходом. Но это – уже возможно реальные сроки, а не условка. А это, соответственно, значит – и вам, и Славе стоит с нами сотрудничать. Вы меня хорошо понимаете?

“Радуйтесь, что не с летальным”?! – Идиоты, не добились, не проверили. Баран, надо ж было так, ведь нож был, столько ударов – все мимо что ли?!

Голова закружилась. Перед глазами замелькала едва сохранившиеся в памяти картинки. Он выходит из дома с ножом. Просто так, весь день пил, и адреналин зашкаливает. Фил и Лось ждут

у подъезда. Пьяные. От холода, наверное, их понесло. Им весело и хочется беситься, как в детстве, тупо громко ржать и бегать. Провал. Сколько прошло времени – час, два? Потом картинка: убегающий мужик под их громкие улюлюкивания... Жалкий трус – сбежал, бросив дружка на расправу. Его уже повалили и дубасят ногами, прыгают, довольно скалятся. Это вкус власти над чьей-то жизнью, с каждым разом он всё сильнее и сильнее. А потом – нож. Он не мог вспомнить, в какой момент достал его, и как решился... Да вряд ли он вообще мог тогда думать. Картинки сменяли друг друга, как за окном поезда. Он ударил его ножом, он помнил это ощущение – раньше не знал, как это – когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая меж ребрами. Раньше он дрался только руками и кастетом. Было холодно, от удара рука начала заливаться теплой кровью этого урода. Это было чем-то новым, и он вспомнил, как замер, разглядывая стекающие по рукоятке капли. Что произошло дальше – никто не понял. За эти дни они еще не успели протрезветь настолько, чтобы все это обсудить. Только картинка в голове, как этот бежит к ближайшему подъезду, бормоча что-то на своем языке. Как он мог бежать? Может, показалось? Пьяный угар? Нет, он помнил пик своего бешенства – это было уже в подъезде. Он не орал, он хотел просто убить. – Убить, убить эту тварь – снова застучало в голове, как в ту ночь.

– А почему я? – он уже не мог прятаться за мажорской беззаботной улыбки.

– А тебе доказательства что ли нужны? Ордер на обыск ни о чем не говорит? – в ухмылке Павла читалось раздражение вместе с досадой. Он как будто и не хотел особо заморачиваться, да работа такая.

– Насколько я знаю, мне адвокат полагается. Я ведь могу без него ничего не говорить?

Выражение досады сменилось безразличием.

– Можешь, конечно. Насмотрелись американских боевиков, адвоката ему. Раньше чем думал?

– Только в отделение все равно с нами придется пройти, – впервые подал голос второй, который был крупнее и, видимо, тупее Павла, – бумаги подписать должен, что мы приходили, протокол оформить нужно.

– Да и полезно тебе будет кое-что увидеть. Может, и адвокат не понадобится. Ну, а обыск мы сейчас должны провести. Понятых бы надо, Татьяна Борисовна. Видимо, соседей ваших придется будить.

Взглянув на мать, он заметил, что она будто постарела за эти несколько минут. Она не поднимала глаз на Славу. Она стояла, как тогда, когда он видел ее на воскресной службе в церкви. Она затащила его в тот раз только потому, что ему нужно было получить ее согласие на бойцовский лагерь. Взамен Слава согласился отстоять службу: пара ча-

сов скуки за три недели настоящей свободы – небольшая цена. Он с тоской разглядывал толстых теток в платочках (если они все постытся – почему такого размера?) и странных мужиков с блаженными лицами. Неужели мать думает его таким способом изменить? Глупо. Кроме отвращения ничего. Ну и смех иногда берет, глядя, как они чуть ли не лбы расшибают в поклонах. А потом он увидел ее... как-то по-новому увидел. Они никогда не были близки: она постоянно его куда-то сдавала, перепоручала, избегала разговоров, редко обнимала. Но в тот момент она показалась совсем чужой и далекой, как из другого мира. В этом своем смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу – она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества. Он возненавидел ее Бога и всю его церковь. Возненавидел со всей детской беспощадной ревностью. И с каждым годом, с каждым очередным церковным праздником, с каждой новой книгой, которую она пыталась ему подсунуть, – эта ненависть только росла.

И сейчас она стояла перед ними, как тогда, в этой смиренной позе. Ему стало тошно и гадко, она была ему отвратительна, она всегда пыталась вызвать у него чувство вины, это бесило. Где же ее дорогой Бог? Что ж не поможет? Ах, ну да, ей-то он поможет, но не Славе. Ведь это же она любит Его. Раньше ее слова вызывали боль и обиду: “Славик,

больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь обижаться!” – Ну да, конечно. На втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я – первый, я – лидер! – он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, вдарилась в религию, променяв на нее, – он с горечью повторял это, растравляя душу, – его, Славу, единственного сына.

На зону не хочется. Хотя малолетка ему уже не светит, можно не бояться этого зверья, а по законам взрослой за его статью будут только уважать. Для некоторых, особо ценных в сообществе, специально есть фонд – из него на зону шлют деньги, технику. Он сам переписывался с одним таким: шесть только доказанных убийств в Воронеже, уже вторая судимость. За это свои его не забыли: ноутбук с круглосуточным интернетом – выкладывает фотки каждый день! Ну и ничего так – живет там, не напрягаясь вроде. Не все так страшно... Да и вообще пока рано еще волноваться, пока кроме учета у него даже условия нет, всё только грозятся.

Пришли соседи, он проводил их всех в свою комнату и вышел. Не хотелось всё это видеть. Книжки выкинул, нож еще в ту же ночь спустили в канализационный сток, одежда, выстиранная на балконе – следов крови там не было. Пусть сами шарят. Сначала он подумал остаться – посмотрелся сериалов, где менты что-то подбрасывают по ходу

обыска, но поразмыслив, решил, что это не его случай. Его же не в распространении подозревают. Да и Павел вроде нормальный мужик. Голова гудела, каждый шаг был в тягость, хотелось сигарет и пива. Он вышел на балкон в гостиной. Уже светало, редкие снежинки исчезли, оголив грязные тротуары. Там снаружи было также паршиво, как внутри: грязно и холодно. Паника сменилась какой-то обреченностью. Он просто ждал. Сил не было спорить, что-то доказывать, отмазываться. Он долго стоял прищурившись в поисках решения, как вести себя дальше. Бороться сил не было, да и глупо, обыск есть – значит зацепок достаточно. Но просто сдать ментам с чистосердечным и молча вздохнуть – это не для него... После нескольких затяжек немного отпустило. Руки перестали дрожать, морозный воздух остудил голову. Выходил с балкона он уже с твердой стратегией. Он не будет опровергать того, что они уже доказали. Но и ничего нового им не сообщит. Только не с повинной, не со страхом перед этим волками!

В отделении было тепло и мрачно. Обыск ничего не дал, по пути в ОВД все трое молчали. Слава списал это уныние ментов на отсутствие у них прямых доказательств. Скорее всего, привод сведётся к подписанию бумажек. Вроде и порадоваться можно, но день уже был испорчен. Хотелось поскорее уйти отсюда, отоспаться и хорошенько выпить вечером с пацанами, поржать над ментовским проколом с книжками.

– Вадик, принеси там из сейфа конверт желтый, – Павел проводил напарника взглядом, бросил на стул куртку и внимательно посмотрел на Славу.

Вадик вышел, и Славе стало как-то некомфортно от этого пристального взгляда. Отшучиваться настроения не было, скорее, хотелось наругать. Он начал рассматривать уже давно изученные щели в полу, свои кеды, запачканные джинсы.

– На, держи, – желтый объемный конверт глухо стукнулся о стол.

– Ну что ж, тогда приступим.

Последующие манипуляции не вызывали у Славы интереса, поскольку ни один, ни другой не обращали на него никакого внимания, и Слава решил, что конверт к нему отношения не имеет, а его подержат здесь подольше просто для профилактики. К этому он был уже привычный и постепенно начал задремывать в мягком старом кресле.

Но когда его окликнули и подозвали к монитору, что-то неприятно кольнуло внутри.

– Ты с креслом двигайся, полюбуйся с комфортом.

Несколько секунд на экране рябили черно-серые полосы, ничего не происходило. Потом появилось какое-то размытое изображение. Постепенно картинка выровнялась и выдала обзор лестничной клетки и, по-видимому, входной двери. Вид сверху, как будто через лупу, немного

искаженный. Несколько секунд картинка просто висела, наконец дверь открылась и кто-то вошел. Точнее, вбежал. Через секунду показалось застывшее от страха лицо. Вбежавший пытался захлопнуть дверь, что-то кричал. Внезапно дверь снова открылась. Толкаясь, ввалились три фигуры и начали хаотично двигаться перед лестницей. Один оторвался и стал медленно подниматься по ступенькам, потряхивая каким-то предметом в правой руке. Его походка отличалась от метаний того, первого. Он шел твердо, вытянув шею и широко расставив руки. Пленка периодически чуть-чуть зависала, и картинка шла как будто в замедленном темпе. Двое других так и замерли почти у самого входа. Звук не было, но Слава уже знал, что кричит этот здоровенный бритый бугай. Крупным планом, почти глядя на них с экрана, он занес свой нож и несколько раз с силой воткнул его в медленно сползающую по стене фигуру. Она сползла, как тряпичная кукла. Бугай пнул ногой лежащее тело и развернулся к другим двум прямо перед самым объективом. С экрана на сидящих в кабинете смотрел Слава.

* * *

Оглашается приговор... согласно Уголовному кодексу Российской Федерации... дело номер... два года колонии общего режима... условно.

Из зала заседания начали медленно выходить

присутствовавшие на слушании. Слава шел, растерянно слушая причитания матери. За последние месяцы он слышал это сотни раз: как она ездила с сумками еды к раненому в больницу, как отчим переводил ему деньги сразу на родину, потому что Сулейман боялся, что сам не выживет, а раз деньги предлагают – надо все переслать семье. Она столько раз пыталась потащить с собой Славу в больницу, чтобы он извинился, но после его резких слов, что он не сожалеет ни о чем, мать решила не рисковать и уладить все самостоятельно.

– Ну что, доволен своей “Минутой Славы”? – отчим ухмыльнулся собственной находчивости, но, встретив каменный взгляд, быстро отвел глаза.

ВИНОЮ ВЫЖИВШЕГО*

РАССКАЗ

/

– Сильней закручивай!

– Я закручиваю.

– Ты не закручиваешь, я же вижу!

– Сказал же, закручиваю.

– Да ты мне всю жизнь говоришь! Хоть бы сделал что... Вздыхает он! Закручивай нормально, опять сорвёт, мне вытирать всё!

– Не кричи, я делаю.

– Не кричи ему! Да тебе хоть оборись – услышишь что ли?! Сколько кричала, чтоб пить бросил – услышал?!

– Ну не могу я не пить, ты же знаешь, ну не кричи, утро же.

– Почему я могу, а ты не можешь?! Устроился! Утро у него: половина первого! Уже нажрался! Нормальные люди пашут всюю!

* Вина выжившего – в психологии термин, обозначающий чувства человека, уцелевшего в катастрофе, в которой погибли другие.

Марина еще несколько минут попробовала не открывать глаза, но вопли матери окончательно прогнали сон. – Нормальные люди... Когда-то они еще могли бы претендовать на это звание. Когда-то давно, когда Марине было лет пять, и отец хоть и пил много, но только по праздникам. В разгар застолья он брал ее себе на руки и, обдавая неприятным запахом алкоголя и лука, начинал громко на весь стол рассказывать о том, какая его Мариночка самая толковая в группе, что будет, как мама её – самая завидная невеста. Руки у отца становились холодными и липкими, сидеть было неудобно, а от его поцелуев на щеках оставались влажные следы. Но всё это казалось совсем не важным. Она сидела с восторженной улыбкой самого любимого ребёнка на свете: папа ею гордится, говорит, что она будет похожа на её мамочку!

Очередные крики матери резко оборвали воспоминания о детском счастье. “Как же достали уже, надо дверь поменять. Хотя эта и через бронированную проорется. Да и денег на это всё равно нет”, – мелькнуло в голове. Образ матери вторгся в сознание: руки в боки, ноги расставлены, как у мужика, голова приподнята, готовая обрушиться череду возмущенных претензий на каждого, попавшего в поле зрения её бегающих глаз. Видение окончательно заставило Марину открыть глаза и скинуть одеяло. От прикосновения к холодному полу стало зябко и неудобно. “Хорошенькую же перспек-

тиву ты мне предлагал, папочка,” – размышляла она, рассматривая себя в зеркальную дверь шкафа, с облегчением не обнаруживая следов внешнего сходства с матерью. О вчерашних посиделках напоминали воспаленные глаза и пародия укладки на голове. Она карикатурно себе улыбнулась, отражение ответило совсем не дружелюбно.

Судя по продолжающимся воплям матери, кран они так и не прикрутили. Кутаясь в старый свитер, она выглянула в коридор.

– Когда в душ попасть можно будет?

– Здрасьте тебе! Неужель проснулась? А чёй-то так рано? – мать, как паук, готова была переключиться на новую жертву, застрявшую в паутине её квартиры.

Марина вопрос матери проигнорировала, обратившись к открытой двери ванной:

– Пап, скоро закончишь?

– Да хрен его поймет, мать кран купила дурной, резьба слетает.

– Ах, это я ещё и кран не тот купила?! – паук заметил остатки теплившейся жизни в первой жертве и поспешил закончить свою миссию. – Да ты б хоть раз зад свой поднял, да сам купил! За столько лет в доме никакого проку! Кран не тот! Руки у тебя от водки не те!

– Да я что, я кран, говорю, не наш. Импортный, не подходит сюда.

– Чем это тебе ихние краны не угодили?! Ты на него заработай сначала, а потом обхаивай!

Раздался треск, что-то звякнуло о ванну, слышался шум воды.

– Да что б тебя, твою же...

В заключение отцовского мата обреченно прозвучало: “Не вышло, Надь, треснул”.

– Не вышло?! Замуж я б за тебя не вышла, тогда б всё у меня в жизни вышло куда надо!

– Ну, я так понимаю, отечественное производство рулит! – бросила Марина.

– Ишь ты, оживилась как! Мы уж и не думали тебя до ужина увидеть! – полная капитуляция отца добавила пауку новых сил, и он надвигался, потирая лапки.

– У меня выходной. Захочу – и до ужина спать буду. Я не трогаю никого. Если б не твои крики – спала бы дальше.

– Ну конечно, чем еще заниматься-то. Всю ночь шляется, потом спит сутками. Хоть бы раз за месяц в комнате разобралась, гадюшник развела, зайти страшно!

– А нечего заходить – это моя комната.

– Ещё ты мне указывать будешь, куда заходить в собственной квартире! Заработай для начала себе хоть на угол!

– Будешь трогать мою комнату – я её таджикам сдам, я тут прописана. Нечего было ту квартиру Мише отдавать, я бы с удовольствием облегчила вашу жизнь своим переездом.

При словах о Мише лицо матери исказилось болью и досадой, руки машинально опустились,

и вся она как будто ссугулилась, совсем поникла. “Ну вот, опять сейчас начнется”. – Марине стало жалко мать.

– На кухне он. Иди, поговори, – голос матери звучал глухо, в нём уже не слышалось злости, скорее отчаянье и безысходность.

– Мишка?

– Случилось, видимо, что-то. Но молчит, тебя, может, ждёт. Ты поговори с ним? – взгляд у матери стал мягким, болезненным.

– Денег он, небось, ждёт, что еще у него случается? Вот и приехал. – Марина не выносила этот жертвенный образ мамы и с годами привыкла отсекал все сентиментальности жестким тоном и жестокой правдой.

Мать молча проводила её взглядом и машинально зашла в ванную.

– На, Коль, старый пока давай закрутим.

– Старый – это можно. А что он подтекает – да это я сейчас прокладку новую поставлю, лучше этого будет.

На кухне было холодно, пахло газом и кофе.

– Привет! – произнесла Марина как можно дружелюбней, стараясь вытянуть себя из утренней злости. – Как дела? – и, не дождавсь ответа, она начала включать остальные конфорки, потирая над плитой озябшие пальцы.

– Нормально. Сама как? – он по привычке не поднимал глаз от дымящейся кружки.

– Путём. Если б не эти – вообще неплохо.

– Да уж, мать жжёт. Я в детстве думал, у неё когда-нибудь голос кончится, и она всю оставшуюся жизнь шепотом будет разговаривать.

Марина улыбнулась воспоминаниям, как они в детстве прятались от матери в ванной, и как однажды замок заело, и они не смогли открыть дверь. В итоге отцу пришлось замок выламывать, а мать орала потом еще неделю.

– У этой не кончится. Я в детстве думала, что когда вырасту – никогда кричать на своих детей не буду. Но, чую, гены своё возьмут.

– Как работа? Всё пытаешься спасти мир? – ухмыльнулся Миша.

– А ты всё пытаешься спастись от мира? – попыталась уколоть она.

– Каждому своё, выживаем, как можем.

Марина насыпала кофе, залила кипятком и, развернувшись, села напротив брата.

– На какие деньги выживаешь-то? Воруешь? – почти с утверждением вывела она.

– Когда как. Где так, где приторговать перепадёт. Да всё как раньше. Тут вот дед подкинул немало, типа к дню рождения.

– Ну да, он говорил мне. Я его предупредила, что это тебе на похороны, – она шумно отхлебнула глоток и поморщилась.

– Все там будем.

– Ну, ты-то торопишься первым.

Она хотела продолжить стандартный обмен колкостями, но наконец, взглянула на брата, и

внутри защемило. За последний месяц, который они не виделись, он сильно похудел. На отливающим голубизной лице его глаза казались стеклянными лампочками. Редкая щетина прикрывала обветренную, местами в мелких язвочках, кожу. После второго срока он два месяца лечился в туберкулезном санатории, но начавшие было появляться признаки жизни на его лице исчезли уже через пару недель, и сейчас ничто не напоминало о выздоровлении.

– На чём сейчас?

– Месяц чистый! – он широко улыбнулся, обнажив несколько новых дыр между зубами. После первого срока за грабеж мать отдала всю выручку с последней продажи на его имплантаты. Наивная, она надеялась, что тюрьма его изменит, а подремонтированная улыбка простимулирует найти приличную работу.

– Врёшь.

Он не ответил, неловко поднёс ко рту кружку, и стало заметно, что рука его не слушается. Он был похож на инвалида.

– “Винт”?

– Ух ты, профессорша, сечёшь. Где поднатаскалась? Это даже не наркотик. Захочу – брошу.

– Ну да. Я это каждый день слышу. Лечиться не надумал?

– Да всё нормально, расслабься! – нотации ему порядком надоели. – Проходили уже, Марин. Работай на работе.

– Извини. Это, скорей, вопрос риторический.

На кухне повисла пауза. Миша так и не отрывал взгляда от кружки, потирая её бледными пальцами – на костяшках выделялись многочисленные старые шрамы. В подростковом возрасте Мишу отдали на скалолазание, где он быстро освоился и заслуживал частые похвалы. Родители, поверив в способности сына, готовы были оплачивать и дорогостоящее снаряжение, и выезды на соревнования, несмотря на средний доход семьи. Младшей по возрасту Марине становилось завидно. Ей тоже хотелось, чтобы на неё что-то тратили, радовались успехам, подбадривали. Но денег на занятия для дочери не оставалось, в связи с чем никаких “танцов” у неё выявлено не было. Марина надеялась, что в чем-то сможет отличиться, но в школе она была из середнячков, а бесплатные кружки предлагали только бисероплетение и шитье. Всей семьей они приходили на соревнования поболеть за Мишу, и Марина с тоской переводила взгляд с восхищенных родителей на карабкающегося все выше и выше брата. Ей хотелось тоже залезть высоко, ещё выше него, выше всех них, чтобы они задирали головы, чтобы увидеть ее. И тогда в ней родилась та самая детская, но совсем не девчачья мечта. Космос. Выше всех, даже выше этих альпинистов, поднимались только они в своих огромных кораблях. За их подъемом следят на мониторах сотни людей, а по телевизору и целый мир. От одной мечты о таком полете у нее замирало сердце.

Как идти к своей мечте, Марина не знала, и никто ей не мог подсказать: мечта была сокровенной тайной. Поэтому Марина просто ждала. Ждала, что оно обязательно как-то получится, что мечта сбудется и поможет ей тоже заслужить восхищенные взгляды... Ей так хотелось стать лучше Миши, хоть в чем-то.

Судьба помогла Марине стать лучше брата, но совсем другим способом. В то время, пока она ждала исполнения мечты, в школе заключили договор с социально-психологическим колледжем, куда Марина и отправилась после девятого класса. А из колледжа предлагалось без экзаменов попасть на вечернее отделение института. Космос почему-то все не появлялся в ее жизни, как и сами космонавты. Зато начали появляться мотоциклисты. Не заменят, конечно, но тоже в шлемах и “летают”. Жизнь вела Марину вперед. Мысль об институте немного пугала: в их семье ни у кого высшего образования не было, и насколько все будет сложно или интересно, никто рассказать не мог. Но надежда на то, что ее тоже наконец похвалят, манила. Миша к тому времени застрял на уровне училища. Сначала бросил одно, потом исключили из другого, и он год отдыхал, в третьем у него “не сложились отношения”. Родители списывали неудачи сына на загруженность тренировками, но вскоре выяснилось, что тренировки Миша посещает так же, как и учебу. А потом... Потом всё закрутилось.

Марина безумно уставала на последнем курсе колледжа, постоянно подрабатывая вечерами. Она периодически замечала странные компании брата в квартире, но на ее жалобы мама не реагировала: “Мише необходимо отдохнуть!” Да вроде ребята и не пили у них дома, просто общались. Со временем Марине начало казаться, что она стала рассеянной: не могла найти вещи, куда-то засунула новый плеер, потеряла сережки, деньги все время улетучивались из кошелька. Она старалась дольше спать, завела записную книжку с напоминаниями, подсчитывала траты. Но когда к ней обратилась мама с вопросом о пропаже шкатулки со скромным содержимым из двух золотых цепочек и обручального кольца, уже не налезавшего на палец, они обе напряглись.

Сначала подумали на выпивающего отца. Но мать всегда оставляла ему деньги на алкоголь, и ему вроде хватало. Пил он запоями, раз в два-три месяца, а деньги и ценности пропадали регулярно. Мать валила все на дружков Миши, гневно обижаясь на попытки Марины “очернить” брата. А потом Марине уже и не пришлось спорить и ругаться. Реальность обрушилась на мать. Миша резко похудел, у него побледнела кожа, настроение менялось от благодушного безразличия до ярости, он постоянно “терял” телефоны, просил деньги “выручить друга”, не оставляя матери возможности для отказа своими криками и ударами кулаков о стену. В доме появлялись чужие люди, никогда

не смотревшие в глаза, деньги и ценности приходилось прятать, на дверях поставили замки, которые постоянно “ломались”. Мать отказывалась принимать реальность, даже обнаруживая в ведре шприцы. А потом им позвонили из больницы, куда Мишу забрали с передозировкой. И диагноз в карте не оставил вариантов.

Дальше были споры, крики, пропажи, платные клиники и побеги, мамины слезы и Мишины шантажи, мольбы, просьбы, обещания. Бесконечная вереница, затянувшаяся на несколько лет. Марина разрывалась между институтом и работой в школе, стараясь полностью себя обеспечивать, понимая, куда уходят все средства родителей. Она старалась поддерживать мать, воздействовать на брата, выбрала в институте специализацию по работе с зависимыми, чтобы лучше понимать происходящее и помочь Мише. Она очень старалась ничем не огорчать родителей, чтобы хоть с ней у них не было проблем, хотела дать им повод для радости. Но, поглощенные бедами сына, отец с матерью были не в состоянии замечать дочь. И опять все их внимание было приковано к Мише, только теперь уже к его падению. Когда Марина прилетела домой с заветной “корочкой” диплома о высшем образовании, единственной в их семье мама со слезами выдавила: “А Миша-то, ведь и Миша бы тоже мог! Как же это мы не уследили...”

Сейчас она смотрела на него, и ей первый раз за долгое время захотелось о нем поплакать. Было

понятно, что он не выдержит слез и уйдет, но они уже полились. Она оплакивала их детскую дружбу, его заботу о ней и защиту в школе, его стремления и победы, свою детскую ревность и обиды. Она оплакивала все то, что уйдет вместе с ним, уже совсем скоро. Она оплакивала свое будущее одиночество и это не покидающее чувство вины за свои успехи, свои планы и мечты, вины за свою жизнь, которая у нее будет, а у него нет.

Миша увидел слезы и без слов ушел в родительскую спальню. Она еще несколько минут беззвучно плакала. Сейчас она пойдет в свою комнату, наденет новые джинсы и свежестырированный белый свитер. Она уложит упрямые рыжие волосы, вставит в нос пирсинг с золотой ласточкой, капнет на запястья любимые духи. Она выйдет из дома, поймает частника и поедет в турагентство доплатить за поездку на Мальту. Потом встретится со своим “космонавтом”, будет кататься по летней Москве, проведет с ним ночь и, счастливая пробуждением с той дремотной утренней негой, поедет на работу, попытается спасти кого-то, как не смогла спасти его.

Он выкурил оставленные отцом сигареты, выпросил у матери еще немного денег и, сев в дребезжащий троллейбус, поплелся на окраину Москвы, в свою квартиру, коротать день в окружении таких же, как он, даже не загадывая, наступит ли завтра.

КОГДА Я УМРУ, Я СТАНУ СОБАКОЙ

РАССКАЗ

/

Солнечные лучи настойчиво пробивались сквозь неплотно задёрнутые шторы. Кондиционер работал на полную мощность, позволяя гостям отеля в знойные часы нежиться на прохладных простынях. Она недовольно высунула голову из-под одеяла, в очередной раз, ругаясь на себя: «Ведь знаешь же, вырубись днём – весь вечер разбитая ходишь, но всё равно ложишься! Ну не дура?!»

– Но я хочу, чтобы мы были вместе, – пропищал голос где-то рядом.

– Я всегда буду с тобой! – вздохнули в ответ.

«Мыло? Видимо, Сергей забыл выключить телек и убежал на пляж. Ну для чего людям за тысячу километров от дома русские каналы, неужели две недели в году нельзя погрузиться в чужую жизнь...» Перевернувшись на другой бок, она с удивлением обнаружила его развалившимся рядом, хмуро рассматривающим свои облезшие пле-

чи. Стало сразу тепло и уютно: просыпаться одной всегда так тоскливо.

– Через четыре года общения, я, наконец, подловила тебя – любитель мексиканских сериалов! – она мягко провела ногтями по его коже, изображая кошачьи повадки.

– Детка, я бы и рад тебя удивить, но, увы, не в этот раз, – лёгкий поцелуй приятно оживил тело. Запах моря от его волос окончательно развеял сонливость.

– Не уходи, прошу тебя! – снова запищал голос, и она, развернувшись к экрану, с разочарованием увидела не страстные смуглые лица влюблённых, а тяжёлый хмурый пейзаж морского побережья и грязное заплаканное лицо в нелепой шапке.

– Кто это её так нарядил? Не удивительно, что он её бросает! – последнее слово вылетело как-то бесконтрольно, несмотря на её теорию, что во взрослых отношениях никто никого не бросает, мы просто делаем выбор.

– Если тебе станет легче – это он, а не она, – саркастическая улыбка украсила загорелые щёки ямочками. – Это мальчик, а второй – его отец. Очередная антиутопия: мир, видимо, рухнул, я не видел начала; везде свалки, всё живое вымерло, оставшиеся кучки людей поедают друг друга, ибо больше есть нечего.

– Очень в твоём духе. Отличное кино для отпуска! – унылые краски постапокалипсиса напомни-

ли о страхах. В последнее время тема конца света, так активно муссировавшаяся вокруг, отзывалась в теле противным холодком. Безусловно, она была достаточно умна, чтобы не верить в магические предсказания, но осознание хрупкости современного мира, и того, как легко его уничтожить придавала реалистичности страшилкам про «роковой декабрь 2012-го». Да и пресловутый коллаيدر постоянно был в центре новостей.

Как-то после просмотра очередной серии «Скорой помощи» про умирающего от рака больного, она в который раз удивилась: почему люди, знающие о близости своей смерти, не «оторвутся» напоследок по полной, а всё строят иллюзорные планы – не верят, что ли? И после пары логических цепочек и анализа собственного поведения выяснилось, что, похоже, она-то в конец света не верит, хоть и боится. Ведь судя по расчётам, до него оставалось всего ничего, а образ жизни никак не поменялся: работа, учёба, ежедневная круговерть. Выходило, что она тоже не рвалась взять круглую сумму в кредит под бешеные проценты (благо, отдавать не придётся) и, бросив всю эту суету мирскую, отправиться в кругосветку...

– Продолжай идти дальше. Никогда не знаешь, что ждёт за поворотом... – прохрипел экран.

– Банальщина какая.

– Ну да! Конец света – и тот опошлили! – улыбнулся он.

– А почему папашка его бросает? Если вокруг всё так плохо?

– Да не говори! Помирает в такой момент, эгоист! – он с комически возмущённым лицом потянул её к себе и улыбнулся. – Тёплая какая... Просто они с отцом весь фильм идут и идут, вокруг холод, пустыри, помойки, жрать нечего, мыться негде, одежда прорвана. Вот он, видимо, чахотку подхватил.

– Чахотку? Это ж теперь туберкулёз? Так от него же лечат!

– Какая разница. Я же сказал, почти все вокруг вымерли, мир разрушен, искать помощи негде, ау-у-у! Вот он и помрёт сейчас. А пацан боится, как ему одному дальше.

– Я не хочу один, пожалуйста, папа! – вторил ящик. – Возьми и никому не отдавай его, – прохрипел бородатый оборванец, передавая пистолет сыну.

– Вот бред, зачем ему оставаться жить, если мир рухнул?! – по её лицу скользнуло искреннее недоумение.

– Ну да, и правда, вот болван, револьвер же есть, пусть сразу застрелится.

– Да я серьёзно! Ты не согласен? Его же всё равно потом убьют и сожрут, разве нет?

– Ну, это ещё неплохой вариант, знаешь ли... Страшнее, если сначала начнут жрать, а потом смилостивятся и пристрелят... – он злорадно поклацал челюстями и облизнулся.

– Фу, какой же ты гадкий! – она начала махать кулачками, подбадриваемая его мягким смехом. – Ёж!

– Да ладно, ежиха, собирайся, на море пойдём, – он скинул одеяло и зашлёпал по холодному полу к окну.

– Нет, подожди, ты не согласен, что в его положении легче застрелиться, чем вот так всё время в страхе жить: не спать, брести одному неизвестно куда? Это же безумно страшно!

– Настён, мне кажется, что приставить к виску револьвер и нажать на курок не менее страшно, – он раздвинул шторы, глаза ослепил белый блеск. Разговор был окончен: он редко называл её по имени, и, как она выяснила опытным путём, только в тех случаях, когда тема беседы ему не нравилась.

– Ну да, конец света вон тебе не страшен! – она попыталась надуться.

– Так тут всё будет намного проще, не надо выбирать – все просто раз – и умрём. Зачем тут напрягаться... Ты мои плавки куда повесила?

– Ничего себе! То есть тебя пугает не смерть всего нашего мира, а возможность одним нажатием покончить с собой?! – она энергично собирала пляжную сумку в расчёте на очередную бурную дискуссию.

– Возможность нажать меня не пугает – в этом и плюс нашего демократического общества, у каждого есть право себя убить. Но прострелить себе голову – это всё же не для слабых.

– Да ну конечно! Зачем проблемы тут решать, на земле, проще избавиться ото всего разом!

Он посмотрел на неё, ощущая, как съёживается всё его нутро от этих слов. Он привык к этой боли от резких осуждающих комментариев тех, кто был в этой жизни сильнее, кто понимал, для чего она, и твёрдо шел вперёд, оставляя его где-то позади в полном одиночестве. – Идём, я готов.

Большая часть туристов, просидевших самые знойные часы на море, уже спешила с пляжа в отель, с насмешкой оглядывая сонную парочку, бредущую в обратном направлении. Естественно, система «всё включено» ставила гостей отеля в жёсткие рамки: после завтрака скорей к морю, потом надо снова бежать в отель на обед, а уже с трёх в баре на море выставляли перекус из восточных сладостей. Какой же тут дневной сон: весь день бегом-бегом. И, наконец, с 18:30 ужин, на который ещё нужно успеть заранее, чтобы места занять поближе к столам с раздачей, вдруг самое вкусное сразу растащат, а потом уже не доложат, арабы – народ хитрый. Всё это вынуждало уходить с пляжа уже около пяти: пока женщины-пирамидки суетливо собирают разложенные ещё с утра на нескольких лежаках полотенца (на всякий случай, чтобы с запасом места хватило), их мужчины-телепузики (в такие животы не то что плазма, старый кинескопный ящик влез бы) нетерпеливо поторапливают отпрысков, заплескавшихся в море.

– Слушай, а кринолины – умная штука была! Женщины-конусы – как гармонично смотрятся. А то сейчас на некоторых смотришь – как мороженое.

– Почему мороженое? – автоматически спросила она, прикидывая, постелить ли полотенце на песке или уже прохладно и пора располагаться на лежаках.

– Потому что на палочке. «Ёлочка» – эскимо такое было. Вот и у них до попы ёлочка из складок, а ноги с сужением, как палочка.

– Умник, ты сначала троих детей выноси и роди! А потом посмотришь на свой зад. А то вон некоторые из мужиков тоже вполне на седьмой месяц тянут! – она вдруг обиделась за этих гусынь, хотя сама же раздражалась на телесную «распущенность» русских женщин.

– Солнце, если рождение детей сделает из твоего тела такой же пудинг, я предпочту не рисковать. Усыновим арабчонка!

– Бестолочь! – она метко запульнула в него сандалей.

– Ой, прости! Ты же их недолюбливаешь, забыл! Тогда китайчонка, лучше оптом – сразу трёх возьмём.

– Тогда заодно и жену себе китайчиху выпиши!

Во избежание скользких тем, оба уткнулись в свои дела: она читала, он набрасывал зарисовки, запечатлевая мгновения жизни: смешные позы и

выразительные жесты особо стойких перед зовом голода туристов, рассредоточившихся по пляжу, суетливых марокканцев, перетаскивающих надувные плюшки и бананы, полинявших верблюдов и их наездников в ещё более полинявших нарядах. Они оба старались не касаться вопросов их отношений, будучи не готовыми их решать. Через год после знакомства, споров, пустяковых ссор и серьёзных конфликтов они расстались. Связь оборвалась быстро, жёстко, оставив только тоску и обиду. Через три месяца он не выдержал и приехал к её дому, прождав шесть часов, чтобы увидеть. Они молча сели в машину и поехали к нему. После той ночи понеслись две недели встреч по сценарию кино-кафе-секс, без разговоров, воспоминаний, претензий. Ни один из них не готов был больше делиться чувствами не только вслух, но и наедине с собой. Они снова пресытились, резко прервав общение, не пытаясь интересоваться друг другом. Ещё через месяц круг снова замкнулся, и вот уже три года не разрывался: они плыли в тех странных «свободных» отношениях, которые не были обременены обсуждениями, сценами ревности и планами на будущее. Встречаясь по две-три недели за сезон, ни один из них не мог или не хотел понять, почему их иногда так тянуло друг к другу, и почему так скоро становилось тошно и скучно.

Тёплое море расслабляло. Он прижимал её к себе, наслаждаясь беспечными мгновениями: за-

бывал о депрессивном грязном городе, который так и не смог полюбить, бесконечных конфликтах в семье, не реализованных ожиданиях родных, упущенных возможностях и о той пустоте, наполнявшей каждый его день. Она не могла заполнить пустоту, но всегда отодвигала её на потом, до того момента, когда пресыщение вновь не отталкивало их друг от друга.

Увидев на берегу Захру, она поторопилась выйти из моря. Сев на край лежака, развернула два принесённых свертка: с завтрака и обеда. В больших карих глазах заблестела радость. Высокая тощая дворняга приходила на пляж к вечеру, когда её уже не прогоняли. Несколько туристов исправно приносили ей колбасу и мясо, движимые тем странным чувством вины от контраста ломящихся столов ресторана и болезненной худобы местных животных. Добродушная собака пугливо обходила все лежаки, в надежде, что кто-то позовет её, чтобы угостить.

– Ты моя красивая! Кушай на здоровье. Глаза у тебя какие... А шерсть песочного цвета, – руки ощущали тепло мягкого подшерстка, прохладные уши, мокрый нос. Захра жмурилась то ли от угощения, то ли от ласковых поглаживаний, то ли оттого, что, наконец, пришла весна, и на пляже начали появляться добрые люди с едой вместо жестоких мальчишек с палками и камнями.

– Ну что, пришла твоя питомица? – Захра настороженно пригнулась.

– Смотри, какие у неё глаза: как человеческие! Глубокие такие, будто в душу смотрят.

– Не в душу она тебе смотрит, а за спину: нет ли ещё еды, – он нагнулся и погладил собаку. Та успокоилась, по-видимому, ощутив себя в безопасности.

– Так жалко её... Почему местные не подкармливают? Сколько остаётся еды в отеле.

– М-м, а почему ты не подкармливаешь детей из Малави, а сама бездушно выкидываешь наковырянный изюм из кексов?

– Это другое. Животные о себе позаботиться не могут... Мне кажется, они все когда-то были людьми.

– Значит, такими людьми были, что заслужили собачью жизнь? Что за теория бредовая... Вот по какому принципу человек станет молью, а по какому – жирафом? И почему я тогда стал человеком: был безгрешным зверем?

– Ничего не бредовая! Никто не уходит просто так. Все возвращаются на землю! – она опять начинала заводиться в ответ на его привычку обесценивать её гипотезы.

– Какая прелесть. У тебя, кажется, скоро второе высшее, – он иронически похлопал её по колену. – Тогда я соглашусь с черногорцами.

– В смысле?

– У них есть шутка: если спросить черногорца, каким животным он хочет стать в следующей

жизни, он ответит – змеей. Потому что идёшь и лежишь одновременно.

– Я думаю, что когда я умру, я стану собакой, – его шутка явно не дала своего результата.

– М-м... Ну тогда ладно, куда ж я без тебя. Так и быть, тоже стану собакой. Только, чур, я – маленькой, они живут дольше. Но не вот этой невыносимой, которую на одной руке носят: это ж одуреть – весь день таскаться с куклой-хозяйкой по магазинам, салонам, слушать их пластмассовые разговоры... Эй, ты чего? – он увидел, как она вытирает ладонью слёзы. Он ненавидел, когда кто-то плачет, чувствуя себя в этот момент совсем одиноким. Ему не хотелось никого утешать, он же никому не плакался. А не начнёшь утешать – от тебя отвернуться и станешь ещё более одиноким и жалким. Знакомое чувство безысходности подстерегло его даже здесь на отдыхе, вдали от промозглой московской весны. Хотелось вскочить и скорей убежать, спрятаться от него. Но тошнота уже подступила к горлу, вязкая, истощающая. Тошнота от жизни, от этой скуки, необходимости как-то существовать, даже если совсем не понимаешь зачем. Ему хотелось облегчения, как при отравлении, хотелось, чтобы скорее вырвало всей этой проглоченной наспех несвежей жизнью.

– Да ничего, просто жалко их и тоскливо так от своего бессилия. – Захра увидела бегущую к ней девчущку с большим бутербродом и понеслась навстречу, виляя мокрым хвостом.

– Эй, ну хочешь, я тебе пообещаю, что я точно стану собакой, и вот также буду подбегать, выпрашивая что-нибудь съедобное?

– Угу, – уныло кивнула она.

– Тогда обещаю! Как умру – так сразу к тебе в виде собаки! Честное-пречестное!

– Ну и дурак же ты у меня! – она слегка улыбнулась, вытирая тыльной стороной ладони щеко-чущие слезинки. Он нежно обнял её, стараясь поскорей сменить тему.

.....

Когда его хоронили, небо так и не смогло вы-давить из себя ни капли, несмотря на нависшие безликие тучи. Промозглый ветер шевелил редкие остатки давно засохших листьев. Закрытый гроб на постаменте был похож на старое пианино, которое уже и не играет, но выкинуть жалко – стоит для мебели, вроде не мешает никому.

В воздухе витали обрывки стандартных фраз «нелепость... так не вовремя!.. ничто не предвещало... какие надежды». Близкие молчали, оглушённые осознанием произошедшего и попытками понять, почему же всё-таки...

...В обшарпанном приюте куратор неспешно открыла вольер со щенками. Маленький чёрный комочек визгливо бросился к ней, переваливаясь на ещё кривых лапах. Через полчаса он неуклюже переминался у неё на коленях, пугливо прячась

от автобусных пассажиров. Через месяц в квартире поселилась и рыжая дворняга с несоразмерно большими ушами. Она кормила своих собак со стола, намывала душистыми шампунями, вычёсывала шерсть. Злясь и ругая себя за детские желания верить в чудеса, она заглядывала в их глаза, вопреки логике надеясь увидеть в них что-то большее, какой-то знак, намёк, послание... Они восторженно виляли хвостами, прыгали, лизали руки и, сворачиваясь клубочками по краям постели, грели всю ночь. У них были потрясающие добрые благодарные глаза. Просто собачьи.

TU ME MANQUE

РАССКАЗ

/

Странный язык. Вроде бы хочешь сказать: “Я по тебе скучаю”, а дословно переведёшь – “ты меня скучаешь”. Как будто это не мои чувства, а ты делаешь так, что я скучаю. А может, и впрямь, ты так и делаешь?

А чего ждалось-то? Как на рекламных буклетах: зелёная лужайка, а на ней развалились белозубо улыбающиеся парни и девушки... Кстати, тогда бы уже насторожиться. Не девчонки-мальчишки у них, а именно парни, со щетиной, загрубевшие, девушки с весёлыми морщинками – а ведь только закончили школу. Наши-то курса до третьего ещё как дети, если не размалюются. На выпускных фотографиях мы в смешной форме – бордовые жилетки, белые рубашки – гимназисты. Они же окончание школы отмечают в мантиях и кафедралках, как будто достигли вершин науки. Всё другое, даже надежды другие, самоощущение иное.

Она налила себе чая погорячее. Очередная суббота. Окно большое, во всю стену, распахнуто настежь. Как будто открыла дверь в своё одиночество: может, кто заглянет?

Весна... А там у нас зима только отпускает. Тают уродливые проступившие чернотой сугробы, замызганные дворники-таджики почёсывают лопатами потрескавшуюся от холода кожу асфальта. Каждое утро, часов в шесть...

Она закрыла глаза и вспомнила тот разрывающий утреннюю тишину звук: когда до подъёма есть ещё полчаса – самые сладкие, будто всю ночь не спалось – и тут кших-кших. Бррр...

А когда здесь дворники убирают? Что-то и не припомню, чтобы их видела. Зато собачники ходят с мешочками, так мило. Эдакий верзила выгуливает своего пуделька и семенит за ним к каждому дереву: “Вы закончили, сэр? Позвольте...”. И неловко ему, но попробуй не позаботься, сразу найдутся – причём не обязательно старушки, как у нас, любой прохожий: “Месье, вы забыли убрать!”. И оправдание, что забыл пакетик, не сработает, будут стоять над душой и ждать, пока не выполнит предписание. Даже деревья вдоль тротуара растут по одной линии, зажатые асфальтом в жалкие квадратики земли. Здесь как будто всегда чисто. Так чисто, что аж...

Не начинай! Что, лучше как у нас? Остановки, усталые следы торопящихся влезть в автобус

курильщиков. Высыпать бы им прямо в постель всё то, что они за месяц выбрасывают под ноги – мягкий матрас выйдет, зацените. А эта уникальная манера плевать. И главное, идёт тебе навстречу по дороге, глянет победно, с хрипом втянет воздух и... хрясь!

Фу, так можно напрочь аппетит убить. Впрочем, не помешает его хотя бы временно обезвредить: полка со сладким почти опустела за два дня. Интересно, долго можно себя убеждать, что “мозгу нужна глюкоза”?

Что там у нас завалилось в шкафчике? А, чипсы! – пошарив рукой, дотянулась. – Вот они: сырные, арахисовые, с пиццей. Состав в самый раз: штук тридцать разных “Е”. Сырный воздух, воздух арахисовый. Отличный вкус – без поводов для вкуса. Как и вся жизнь здесь: одни усилители. Море, природа, горы... вроде как сами ингредиенты есть, но почему такие пресные? Не приправишь баночкой местного пива, распрекрасная эта жизнь в горло не полезет. Комом стоит!

Комом... как в зале вылета в Шереметьево, когда до последнего всё машешь, машешь, уже и не можешь увидеть своих за таможенной перегородкой, подпрыгиваешь, машешь... и хочется сглотнуть, но никак... И непонятно, ради какой такой идеи мы это делаем, если так пусто становится внутри? Но куда там, гони такие мысли, мы же за “светлое будущее”, жертвы необходимы, чтобы потом...

И утешаешь себя этими иллюзиями, по несколько раз созваниваясь до вылета, пытаешься наговориться.

И вроде как ещё на своей земле стоишь, но уже и не коснёшься её, сразу в воздух. И хочется, как в детстве с карусели, вытянуть вниз ногу и хоть чуть-чуть, но зацепить при разбеге землю. Но садишься в самолёт, и уже никак не дотронешься до неё, как ни тянись, только из иллюминатора цепляешься взглядом за исчезающие огоньки, узнавая очертания улиц...

Сырые, мартовские улицы... Народ никак не отгадывает, лица измотанные, зелёные, в метро, как в лифте: поскорей влезть, поскорей выйти, захлопнуть дверь за этим миром. Весь день перебежками. И каждый рядом с одинаковыми мыслями: не видеть бы никого, скорее домой! Там тепло, там дети смеются, родные обнимают, там стоптанные тапочки, там своё место за столом. Такой нежный, нужный мир. Такой хрупкий, что не дай Бог кому в него заглянуть – разрушат, сглазят, натопчут. Вот и прячут его за угрюмыми лицами. И чем мрачнее стража, тем надёжнее. Едешь с ними, с такими же, растворяясь в этой дремотной молчаливой массе. И ещё больше свой мир любишь.

Улыбки у наших – редкость. Если увидишь – удивишься, сразу додумываешь: что у него такого, у этого лысого случилось, что так сияет? Повысили? В лотерею выиграл? А может... Вот он до

сорока дожил и решил для себя давно, что навсегда один, глупо ждать дальше, не хватило на него человека, чтобы рядом до самой старости, прямо перед носом раздалось резкое: “Сказала же, дальше очередь не занимать, кассу закрываю, идите в другую!”. А другая – очереди-и-ина... В этой двадцать с хвостиком лет стоял, в той как минимум столько же. И сил стоять и ждать больше нет. И смотрит он на эту свою уже ставшую почти родной коробочку “Счастье семейное”: вся поистрепалась, пока в руках столько лет теребил, уже и забыл, какие ещё на полках стояли... И понимает, что проще оставить где-нибудь здесь у кассы (обратно на полку возвращать совсем тоскливо), авось не заметят, и потихоньку к выходу, стараясь не смотреть на счастливых, пробивающихся на кассе... И тут ему в спину: “Мужчина! Мужчина, я вам! Вы брать что-то будете? Да вам я, вам! Подходите, я сейчас за кассу сажусь! Только скажите, чтобы за вами больше, чем на пять лет, не занимали, я не обедала ещё”.

И вот он, как школьник, рванул к кассе, задев кричащие полки со всякой бессмысленной мелочью. Вмиг вспотел от напряжения: вдруг кто ещё услышит, набегут, попробуй, докажи, что ему первому тётка сказала. И вот: стоит! Первый! Сияет! Гордо смотрит назад: “Да-да, сейчас она откроет, только просила занимать не больше, чем на пять лет, вы им туда дальше передайте”. Бегут, выстраиваются за ним. Ну что же она так долго! Уселась,

включает, шуршит чем-то: “Давайте!”. И вот уже у неё в руках она самая, родная – “Счастье семейное”. Смотрит недовольно, поистёрся штрих-код, вручную набирать придётся. Только бы получилось, а то ещё отправит менять! И тогда, знай, всё пропало, обратно уже не протолкнёшься. Смотри-ка, пробивает... Пробивает!!!

– Упаковать?

– Что, простите? – волнуется, о чём спрашивают, не поймёт.

– Упаковку брать будете? Дом там или квартира, комната? Во что упаковывать?

– А! Нет-нет, спасибо! Пока нет! – а сам боится, за это бы суметь расплатиться, хватит ли? – Я сам упакую, потом.

– А, ну держите. Всего хорошего!

И вот он идёт, светится! Теперь бы, главное, всё правильно сделать! Инструкции-то внутри не оказалось, но не возвращать же обратно.

Улыбается, как ребёнок, сжимает в руке телефон, и всё посматривает, проверяет. А там на экране эсэмэс: “И вам спасибо за вечер! Завтра могу после восьми. Я тоже этот фильм ещё не видела, с удовольствием схожу!”.

И мир теперь другой совсем, пьянящий, как карусель. Идёт он и любит эту псевдовесну, этот воздух, эту угрюмость вокруг. И сияет, провожаемый взглядами исподлобья. И видно такого из всей толпы аж с той стороны улицы...

А здесь? Выйдешь... и все они улыбаются! Взглядом с кем встретишься – трынь, уже натянули для тебя сорок лицевых мышц. Трынь – и ты в ответ: ты ж интегрируешься, культуру их поддерживаешь. И не удивляешься этим взаимным улыбкам. Как блаженные! Приятно? Должно быть. Они же искренне. Только не от радости, а из вежливости.

Даже тот, надутый в аэропорту, тоже улыбался:

– Боюсь, мадмуазель, вы опоздали, – трынь.

– Как опоздала?! До вылета ещё вот: 52 минуты!

– Да, мадмуазель. Полагаю, в вашем билете написано, что посадка заканчивается за час. Давайте я покажу, внизу строчка.

– Да видела я! Не могла найти нужную стойку! Пожалуйста, я успею, вы только зарегистрируйтесь скорее, – трынь ему в ответ пошире.

– После регистрации пассажиру нужно пройти ещё общий досмотр, затем паспортный контроль, затем повторный досмотр перед посадкой. Сейчас Рождество, очереди очень длинные.

– Да-да, я знаю, конечно длинные! Пожалуйста, поскорей! – умоляющая трынь.

– Тогда вы должны понимать, что не успеете, – трынь.

– Прошу вас, вы мне дайте попробовать, сами же сказали – Рождество, праздник. А уж я постараюсь, попрошу, чтобы пропустили вперёд.

– Не думаю, мадмуазель, что это корректно: просить пассажиров, пришедших вовремя, пропу-

стить вас только потому, что вы не рассчитали своё время. Судя по вашему билету, вы не относитесь к льготной категории граждан, проходящих вне очереди. Это люди, нуждающиеся в физической помощи персонала, пассажиры с детьми, беременные женщины...

– Да знаю я! Какая вам разница, это же я попрошу, а не вы! Пожалуйста, время идёт!

– Да-да, мадмуазель. Время вышло, я же сказал. К сожалению, ничем не могу помочь.

– Так зачем вы мне всё это объясняли, раз “нет”?!

– Это моя работа, разъяснять правила перевозок, – трынть.

– Отличный сервис! – гневно пышешь в упор.

– Пожалуйста, мадмуазель.

– А поговорить с кем-то компетентным в этом вопросе можно? С вашим начальством свяжите, пожалуйста.

– Боюсь, что по данному вопросу я предоставил вам полную информацию. Мне очень жаль. Вы можете купить билет на другой рейс на первом этаже.

– Да неужели?! – уже не получается трынть, убить бы его взглядом.

– Счастливого Рождества! – трыннть.

До сих пор всё бурлит, как вспомнишь! А главное: улыбка-то с лица не сползала. А за ней – полное к тебе безразличие.

Интересно, а если жениться передумают, они тоже с улыбкой сообщают?

– Согласны ли вы, месье?..

– Простите, кхм, полагаю, что нет. *Desole.**

– Дорогой? Ты что – передумал? – нервное трынть, похлопывает прилепленными ресницами.

– Боюсь, что да... – поджимает губы в извиняющейся улыбке.

– А почему сейчас? Мы же семь месяцев готовили свадьбу, все гости здесь! – растерянное трынть заморозило мышцы.

– *Oui, mais... m-m-m, je ne sais pas... donc, c'est la vie...***

– Но объясни, что случилось? Может, ты всё-таки передумаешь? – заискивающее трынть пробежало по лицу, упало на букет, задрожавший так некстати.

– Сожалею, дорогая, боюсь, что нет. Ничего не выйдет. *Von journee...**** – трынть: – Мне пора.

И все гости, поддельно сочувствующие и неподдельно злорадствующие, заулыбаются.

Ну не идёт учёба! Надо бы засесть, но ведь не идёт. О чём угодно мысли лезут, но не о налоговом обложении. Школьную медаль надо было с собой взять что ли, хоть посмотреть иногда, стыдно бы становилось. Куда ушла сила воли? Наверное, зачихала

* Сожалею (*фр.*).

** Да, но... м-м-м, я не знаю... ну, такова жизнь (*фр.*).

*** Хорошего дня (*фр.*).

вместе с иллюзиями об интересной профессии. Хотя какие иллюзии, себе-то врать не надо. Что предложили, на то и согласилась. Даже подумать не успела. Да и что можно надумать в шестнадцать? У нас народ только начал подниматься после 90-х. А тут – Франция... Ноги в руки и вперёд, а уж потом полюбишь то, что имеешь.

Что ж ты, мама, не запрещала смотреть “Элен и ребята” – не примеряла бы я на себя киношное счастье! Хотелось, как в сериале: друзья, все такие улыбчивые, заботливые. Целыми днями: универ–спортзал–кафе. Не жизнь – песня! И вроде бы есть и универ, и спорт-зал (кстати, надо посещать поактивнее)... Только в кафе сходить не с кем! Да и понятия о дружбе у них не те, что в сериале. Каждый сам за себя. И жёстче: каждый за правила. Узнают, что списываешь – сообщат: беспорядок! Приведёшь в общагу гостей – доложат. Лекцию пропустишь, на море поедешь – тем более проинформируют. Потому что так правильно. Потому что из этих правил вырастает образ жизни. Рождается Законопослушный Гражданин. Бунтари Европе не нужны.

Хотя и плюсы есть: горы, море, солнце... Солнце... Навязчивое, депрессивное. Так шпарит – только лежать на пляже. От яркого света уже тошно, как от их улыбок.

У нас и солнце-то более искреннее, редко подмигнёт, но зато как. Что-то праздное есть в этих южных краях. Вечная тусовка. А наше лето...

Она присела на так и не застеленную кровать, поджала колени и с улыбкой зажмурилась, вспоминая нежно-серое московское утреннее летнее небо. Дождь шуршит. И от стекла глаз не оторвать: целая Вселенная скользящих капель, ползут, сливаясь в ручейки, скатываются “паровозиком”, снова замирают. А за стеклом – танцующие листья, будто невидимые человечки едва касаются их балетками: парара-рара-пам-пам, пам-пам. И вся скучная городская природа перезванивает колокольчиками, передавая сплетни шептавшихся ночью звёзд.

А внутри как будто мурлычет что-то, лениво перекатываясь. Окна откроешь – зябко, свежесть врывается, охватывая тело мурашками. Кутаешься в свитер, плед, дремоту... и втягиваешь в себя эту музыку, нежность, сказочность. И мысли внутри медленно танцуют в такт. Всё идёт так отлаженно, надёжно, просто. И с каждым вдохом всё больше сил, энергии набирается. И хочется двигаться, делать что-то... Творить, вытворять, гениальничать – в такт разыгравшемуся ливню. Нарастающие потоки будят всё накопившееся в душе. И жить – хочется!

А потом вдруг раз – тишина... И как будто после потопа жизнь замерла, насторожилась, прислушивается... Несколько мгновений – и уже зашуршало, закопошилось, задвигалось всё, выползло к небу в ожидании лучика. И солнце лениво раздвигает уютные свои подушки-тучи, неспешно потягиваясь, поглядывает на этих муравьёв внизу,

начинает свой день. И листья уже не танцуют, а робко выгибаются, подставляя спинки погреться, щеголяя хрустальными россыпями дождинок. И хочется туда – с ними, – хоть краешком ухватить солнечного блеска, как будто сотни ночей провёл в подземелье.

Она открыла глаза и невольно нахмурилась от резкого кричащего света. Из сада вызывающе смотрело солнце. Довольное, целиком заняло всё окно, пролезло в комнату, оттеснив тени к стене. Уселось.

– Не скроешься от тебя! Зашторишь – придётся лампу включать, как в больнице, тоска. А с тобой ни на чём сосредоточиться невозможно, лезешь всюду! – она раздражённо встала, выплеснула чай, снова открыла холодильник.

– Ну вот, докатились: с солнцем разговариваем. Пожевать что ли чего-нибудь... – полупустые полки предлагали либо занудно-полезное, либо приятно-отравляющее: суррогатные шоколадные пудинги, глутаматные колбаски, кислотного цвета желе... – Ну что, видимо очередь антидепрессантов! – она запустила в рот пару острых колбасок, отломив хрустящий багет.

– Хм... то есть врут они всё про зимнюю депрессию. Вот вам палящие солнце – и депрессия к нему. Заедаем-с. Не проходят, товарищи психологи, ваши рекомендации: чаще бывать на свежем воздухе, по-

лучать солнечные ванны, гулять... Как было тошно, так и осталось. Ну, что теперь скажете?

А и правда, что бы они сказали...

– Заелась, деточка. Сидишь тут, на средиземноморском побережье, летом наслаждаешься, учишься, пока не работаешь, какие заботы?

– Да, но... – замнёшься, не найдёшь, что ответить.

– По шкале от 1 до 10, как бы ты охарактеризовала комфортность своего быта?

– Баллов 8–9, вроде всё есть...

– Вроде? А чего это у тебя нет?

– Ну...

– Еда?

– Вон, в холодильнике.

– Тепло?

– Весна всюю.

– Крыша не протекает?

– В каком смысле? Если вы про здание – нет. А вот моя собственная, кажется, едет потихоньку.

– Условия для обучения есть? – иронию проигнорирует.

– Ну, стол, стул, учебники, лекции, интернет...

– Мозги? – уже сердито.

– В прошлом году были. Сейчас, судя по проваленным экзаменам, не уверена...

– И куда это, интересно, ты дела предоставленные природой мозги? Жировыми клетками обтянула? К сессии не готовилась?

– Готовилась, но сосредоточиться не могу.
Слова эти...

– Какие слова?

– Да эти, на лекциях: прибыль, процент, прода-
жа, выгода, спрос, прирост, налог, прибыль.

– Прибыль уже была.

– А, ну да. Вот, кстати, прибыли от всей этой
затеи я не ощущаю.

– От какой?

– Оттого, что я здесь. Не моё это, кажется...

– Кажется? – перестанет писать в блокноте,
устанет в упор.

– Не знаю...

– А кто знает?

– Может вы подскажете? – взглянешь с наде-
ждой.

– Я, дорогая моя, занимаюсь делами поважнее.
У меня до тебя сегодня уже пятеро. Мать с ребён-
ком-аутистом, мужчина, потерявший жену после
тридцати лет брака, молодой человек с ночными
кошмарами после службы в горячей точке.

– А пятый? Вы сказали пятеро.

– Пятый, к сожалению, в другое место должен
будет обратиться, тут уже моей помощи не хватит,
нужна медикаментозная поддержка. Так что ты да-
вай, определяйся поскорее. А то мне на эту ерунду
время тратить некогда.

– А с чем определяться?

– Как – с чем? Не твоё, говоришь?

– Не моё.

– А чего здесь сидишь?

– Да меня родные уже француженкой считают!
Мечтают – в солидной фирме работать буду. Как
же я всё это брошу? Неудобно...

– Неудобно спать на потолке, одеялко спадает.
Давай быстренько, не раздумывай: чего сама хо-
чешь, не анализируй, раз – и что пришло в голову,
то и сказала.

– Не знаю...

– Я не спрашиваю, что ты там знаешь. Давай
быстро первое, что в голову придёт.

– Ну, может, работу, как у вас. Людей слушать,
а не какую-то прибыль считать.

– И чего сидишь тогда? С кровати поднимись,
соберись и вперёд.

– Прямо так?

– Да как тебе будет угодно! Хотя пижаму луч-
ше переодеть, а то приросла к ней. Всё, мне пора.
Сейчас следующий будет: сорок лет, наконец на-
шёл девушку, теперь боится, что сделает что-то не
так, и она уйдёт!

– О, что-то знакомое, кажется... а что он от вас
хочет?

– А это уже дело не твоё. Всё поняла?

– Ага.

– Ну, вперёд, действуй. И вот ещё: заканчивай
со своими “вроде”, “может”, “как бы”, “кажется”.
У тебя помимо мозгов ещё и душа есть, ей, знаешь
ли, понадёжнее доверять...

НАДО БУДЕТ КАК-НИБУДЬ ПОСМОТРЕТЬ!

РАССКАЗ

/

Хм, какой-то у меня не добрый психолог получился. И вообще, они, наверное, на “вы” должны обращаться и как-то подушевнее, подобрее. Но с этими “как бы”, “может” и, впрямь, завязывать надо. Сплошная неуверенность. А в чём тут будешь уверенной? Разве только в том, что домой хочется.

Как же хочется! Скучаю по тебе... по каждой чёрточке... Детская, шторы, мамин пирог с капустой, папино кресло, код на подъезде, уже лет пятнадцать не менявшийся, трамвайная остановка на перекрёстке, город – звенящий, гулкий, бесконечно большой, люди – разные, чудные, язык – нелогичный, неутомонный, разноцветный, страна... огромная, нищая и богатая, измождённая и праздная, чужому непонятная...

Скучаю по тебе – ты меня скучаешь... Tu me manque. А ты? Ждёшь ли меня? Заметил ли, что меня нет, примешь ли обратно, дом?

– Здравствуйте, Максим Иванович!

– Добрый день, проходите, пожалуйста. Принесли? – он аккуратно прошёл, прижимаясь к стене. Закрывшаяся дверь втолкнула в прихожую запах уличной влаги.

– А то! Думала, опоздаю! Последний оторвала!

– Ну, ничего себе! – сказал он просто, чтобы как-то заполнить паузу.

– Вот, держите! Мокрый только, снег с дождём – не укрыться, хорошо в упаковке! – шелестящий в капельках пакет лёг в нетерпеливые ладони.

– Ну-ка, что там сегодня... Нет-нет, не говорите, попробую сам. Проходите, пожалуйста, я сейчас.

Он быстро прошёл на кухню, привычно придвинул ногой табуретку, сел за стол и потрогал шов пакета. Затем провел пальцами по упаковке и улыбнулся... Долгожданный момент: можно пару мгновений пофантазировать, напридумывать что-

то особенное, вытащив из памяти поблекшие картинки, пока руки осторожно вскрывают шуршащий заводской целлофан. Ради таких моментов он умеет ждать.

– Восемнадцать часов ровно, – механически проговорили часы.

– Всё, иду-иду! – сказал он машинально. Работа всегда оставалась на первом месте, несмотря на маленькие слабости. – Ну и противный же у тебя всё-таки голос! – комически рассердился он на бездушный аппарат.

– Ну как, угадали? – девушка смотрела на него с любопытством.

– Мусоровоз! – удовлетворённо отозвался он. – Не зря ждал, на целую неделю задержали! Потрясающие детали, на ощупь чувствуется.

– Почитать вам как обычно?

– Нет-нет, спасибо. Сегодня ко мне Ира зайдёт.

– Молодец, сейчас дети редко заботятся о родителях.

– А обо мне не надо заботиться! – без обиды, хотя и с нажимом произнёс он. – Сам всех тяну! И бывшую жену, и нынешнюю, и Иришку.

– Сколько ей?

– Двадцать четыре. Но папина помощь в любом возрасте нужна. – Его лицо осветилось нежностью. И, словно смутившись, он подчеркнуто деловито произнёс: «Легли? Сейчас приступим».

– Ну, как ваши дела? – подошёл он к массажному столу.

– Да как всегда, одни проблемы. И за окном мерзко: утром встаёшь – темно, с работы выходишь – снова темно. Тоска, хоть в окна не смотри, – она сбоку наблюдала за ним. – А это что за модель? Я таких не видела, вроде.

– О, это уже усовершенствованная. Выполнена, кстати, отлично, на удивление!

– Всё на месте или как в тот раз?

– Да нет, тут они постарались. В прошлый раз тоже всё было на месте, но выполнено уж очень схематично. Да и сама модель – «школьный автобус» – ну согласитесь, совсем неинтересна. Даже дворники поленились приделать. – Он растёр руки кремом и приступил к работе. По комнате рассыпался запах летних луговых цветов.

– А вы видели? – удивилась она, тут же смутившись от некорректности вопроса.

– Да, старые автобусы – успел. И мусоровозы застал. Кабины у них были зелёные сначала, а потом стали выкрашивать в оранжевый.

– По-моему их как не крась, всё равно отвратительно пахнут. Никогда не понимала, почему люди выбирают профессию мусорщика, – она сморщила нос и коротко выдохнула.

– Да-да, запах от них во все времена был достаточно гадкий. Но идея... Мусоровозы, бетономешалки, асфальтоукладчики – всё это

произведения инженерной мысли... Что-то я заговорился, – одёрнул он себя. – Так не больно?

– Нормально!

– Вот и отлично, – массажист работал не спеша, выверенными плавными движениями. Затем достал из кармана носовой платок, чтобы не испачкать аппаратуру, подошёл к музыкальному центру и через ткань аккуратно начал нажимать кнопки, выбирая что-нибудь под настроение. – Шопен. Успокаивает.

Лёжа, она разглядывала стеллажи, уставленные моделями машин, танков, самолётов. Их ровные, как будто по линейке вымеренные ряды не менялись годами, только добавлялись новые полки. Плавно сменяющие друг друга мелодии и размеренные движения массажиста умиротворяли, наполняли покоем. Комната как будто дремала в этом привычном замедленном ритме.

– А серию вертолетов ещё не выпустили?

– Да не дай Бог, что вы! – рассмеялся он. Это ж мне новый шкаф заказывать придётся, – улыбка удивительно шла ему, лицо становилось значительно моложе.

– А вы только готовые коллекционируете? Ау, больно. Только можно сегодня без хруста? А то мне страшно даже.

– Конечно, можно. Кто ж вас заставляет – не хрустите, – добродушно усмехнулся он. – Да, теперь могу только готовые. Лет пятнадцать назад,

пожалуй, мог бы собрать, но тогда простых в сборке моделей не выпускали. Как-то купил подводную лодку, но детали совсем мелкие оказались. Другу отдал – пусть мучается. – Он водил подбородком в такт движениям рук.

– Ай-ай, правда больно, Максим Иванович!

– Не обращайтесь внимания!

– Но это мои пальцы, как мне не обращаться: вдруг сломаются – ходить не смогу! – при каждом хрусте она зажмуривалась, вжимаясь в массажный стол.

– Пока ещё все уходили сами. Ну вот и всё, отлично справились! Одевайтесь, а я пойду передохну.

– Спасибо!

До следующего пациента оставалось двадцать минут, его руки потянулись к телефону. Пока наливал чай, раздражающие пустые гудки прервались:

– Да, папуль!

– Ириш, привет! Как дела у тебя? Всё в силе? – он любил слушать голос дочери, но всё время сдерживался, чтобы не звонить чаще, боясь надоест.

– Па, я не успела набрать! Да ужасно дела! За машиной в сервис приехала, а они, представляешь, покрасили царапины, а на свету видно, что цвет вообще не потрудились подобрать! Пятно на полдвери! Ну как так можно?! Элементарный вишнёвый смешать не могут, покрасили обычным малиновым!

– Обидно, наверное. Ну ты не переживай, Может, не очень заметно будет. Это же не самое главное в машине, главное – что ездит.

– Шутишь?! Ещё как заметно! Скандал им закатила, вызвала директора! Обещали за три дня исправить.

– Ого, ты молодец, боевая. Тут у меня последний пациент остался. Как раз успеваю в кондитерскую. Тебе как обычно? – он улыбнулся, предвкушая вечерние посиделки с её любимыми пирожными и длинными разговорами.

– Папу-у-уль, – протянула она по-детски. – Я не смогу сегодня. Видишь, как с машиной вышло. Я из-за этого с Мишкой не увиделась, а мы с ним договаривались в кино сегодня, он так давно ждал – обидится...

Улыбка соскользнула, оставив на лице выражение неловкости. Он поспешил успокоить дочь:

– Ириш, конечно, сходи с ним. А мы с тобой в следующий раз.

– Точно, па? Ты не обидишься? Видишь, кто ж знал!

– Да-да, – заторопился он. – Когда там у тебя будет время, тогда и увидимся. Зачем же мне обижаться, я всё понимаю.

– Спасибо, папуль! А то он такой обидчивый стал, ссоримся постоянно. Фильм, уже две недели идёт, а я всё выбраться не могла. Мишка злится, мол, не на боевики же меня тащит, как

мужики обычно, нормальное кино, а я всё времени не найду.

– Расскажешь потом?

– Для вас как всегда включен подробнейший пересказ: сюжет в деталях, спецэффекты, операторская работа, киноляпы – всё, что уловит наше вездесущее око! – пародийно пропела она в стиле ведущих ток-шоу.

– Да, пожалуйста! – рассмеялся он. – И ещё сладкий поп-корн, будьте добры!

– Нет уж, от нас только дикторские услуги. Кстати, тебе там кто-нибудь сможет журнал почитать?

– Да, как раз сейчас пациентка предлагала. Мы с ней чая попьём. Всё нормально, не переживай. А ты со своим помягче, ссоры – они ведь, Ириш, – всё потихоньку разрушают... – Ему захотелось обнять её покрепче, и лицо снова засветилось улыбкой, нежной и мягкой.

– Вот и отлично! А мы во вторник увидимся! Целую!

– До вторника! Береги себя! – Дочь отключила связь, он договаривал уже молчащему телефону, – обнимаю, очень соскучился.

До вторника оставалось ещё четыре дня. Ждать он привык с детства, после того злосчастного гриппа, когда мать начала замечать в его тетрадах расплзающиеся строчки. Тогда пролеживая неделями в больницах, пока очередной врач не вынесет

свой вердикт, ему оставалось только ждать. Ожидание было тяжёлым, гнетущим. Каждый день, наполненный страхом и лишь иногда редкими искрами надежды. С годами он сжился со своими детскими воспоминаниями, перестал отгонять их, заглушать музыкой и аудиокнигами, перестал выбирать из них только что-то приятное. Он научился ценить всё, что когда-то успел увидеть, часами перебирая даже больничные детали: узоры на пижаме, зеленые стены палат с облезшей краской, весёлых зверей с Айболитом, украшавших пролёты лестниц, коллекцию машинок, которую они собирали всем отделением, странную бурую жижу на завтрак. Формы, цвета, очертания складывались в предметы, предметы – в картины, картины – в фильмы. Он любил смотреть свои «видео». Это единственное, что у него осталось от той зрячей жизни, которая теперь напоминала о себе лишь полутенями.

– Максим Иванович, я пошла! – он не сразу вспомнил, чей это голос.

– А, да-да, иду!

– Вот, держите. Спасибо!

– Кажется, многовато. Тут три бумажки.

– Это три по пятьсот, всё правильно.

– А, тогда хорошо, – он убрал шелестящие купюры в карман.

– Вам точно не почитать? У меня есть время!

– Нет-нет, спасибо! Ко мне Ира зайдёт, я её попрошу. Всего доброго!

Он закрыл дверь и вернулся на кухню. Чай остыл. Нажав на часах кнопку оповещения, он услышал «Девятнадцать часов двадцать минут». Ещё оставалось десять минут. Он прошёл в комнату, нащупал журнал, вдохнул запах глянцевого журнала и убрал его в шкаф. Он подождёт Иру, всему своё время. Он открыл сервант и ловко достал сегодняшнюю новинку. Пальцы заскользили, ощупывая детали.

– Мусоровоз... Интересно, во сколько у нас обычно мусор забирают? Каждое утро, выход/я из дома в полшестого, чтобы в семь уже принять первого пациента из вечно спешащих офисных работников, он слышал ещё спящий город. По вечерам, после десяти, он заставал город уже готовящимся ко сну. Жизнь проходила за окнами его кабинета, пока он работал. Он вспомнил, что давно не слышал звуков стройки, нетерпеливых сигналов пробок, шелеста метлы дворника, и как-то заскучал по этим голосам обычной рабочей жизни. Ему захотелось оказаться в центре этих звуков и запахов, выстраивая в своей фантазии разнообразные картинки того, как всё это могло бы выглядеть.

– Мусоровоз, значит... Надо будет как-нибудь сходить, посмотреть! – подмигнул он сам себе.

ПОДЪЕЗД

ЦИКЛ
РАССКАЗОВ
/

Мария Васильевна

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он ее сейчас в «таких лохмотьях». Но она все рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседей.

Понедельник. Программа «Время» давно закончилась, собачники возвращались с прогулок – значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернется не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо нее. Из «неспящих» есть еще молодежь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильев-

на давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник – первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и все болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, еще в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

– Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! – Потом заметил ее растерянность и, чуть мягче добавил, – мам, я тебя прошу. Пожалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

– Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днем могу прилечь, а остальным какво? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им бывает с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

– Мам, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашел на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

– Мишенька, ты извини-извини! – всполошилась она. – Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она все же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Все-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почетный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал ее по партийной линии. «А разве можно было быть не принципиальной, – привычно заговорила она сама с собой. – История это не литература: двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах – тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа утвержденная, идея единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события 90-х? Ведь и не поймешь, раньше одна страна была... А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподносить на уроках. Вот и хмят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет».

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протерла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привычке потянулись к радио. После треска раздались знакомые речи «Политического обозрения». «Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло», – она вздохнула, сопереживая пищащему ведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днем она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, изможденные жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: «Наконец парковки у вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь, один

стресс, где бы во дворе прибиться!» Ей было тоскливо наблюдать, как последние зеленые лоскутки – единственные маяки лета, исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то, что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг ее окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Ее маленький огородик, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зеленого. Летом приезжали внучки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятей, обрамленную аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротнo, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сараи, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли все выше, да вьюн расползся от крыши подъезда, укрывая темной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в

конце октября. У них в Гомеле в доме была газовая колонка. Тепло и горячая вода каждый день. После переезда сюда, ей казалось странным снова мыться из тазика летом, как в далеком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки сирены и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей ее увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. «А в каком, прикажешь, виде выходить? – рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. – И потом, ведь я всегда в чистом. А что не новое – так ведь и не на танцплощадку». Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обмётанный лоскут ткани, бывший когда-то ее домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку, насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролет и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до ее «дежурства» город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним все-таки заглянула уборщица – тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: «Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там. Ты же не в подъезде живешь, а в своей квартире. Придет время – уберут. Только не вздумай сама мыть – я тебя знаю! Или тем более соседям предлагать – решат, что ты не в себе».

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведен порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть на лестнице или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои – потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на ее «добрый день!». Притом та самая громкая молодежь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Ее

сверстницы здесь жили по одиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздраженные. Как и ее Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Легкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Все было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопок домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивленно смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. «Опять одни счета! Света белого от вас не видно!» – он раздраженно сплюнул в коробку для листовок и поплелся домой.

Звуки музыки

– Вставай, тварь такая!

Господи, что случилось?

– Я тебя, мразь, сейчас пришибу!

На часах 8:05. Откуда доносится рев – не понятно.

– Школа, твою мать, через двадцать минут!

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

– Ты у меня поспишь! Подняться она не может!

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив, наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегченно выдохнула. Недоумевая, она прошлепала кухню:

– Мам, это что?

– Ты о чем? А, это? – подняла она глаза к потолку. – Это артист свою дочь будит в школу. Доброе утро!

– Да уж, доброе... И давно это у них так?

– Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.

Вопли продолжались еще минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрепанную девчонку лет тринадцати с расстегнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде легкую куртку. Со второго этажа ее лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед «бьет чечетку». А теперь, похоже, бьет он свою дочь. Хотя через пару лет она вернет ему все сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улицу своего ребенка соседи не выводили, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали показаться дома на роликах. Однажды Лиза заметила в законном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные «свечки» соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на нее никто не накричал...

Еще часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Все тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно второстепенные, склонны к деспотизму? Гастроли по райцентрам, гостиничные номера на пять коек, больше смахивающие на обшарпанные комнаты общаги...Надо же на ком-то отыгрываться.

Хотя этот еще ничего – сосед сбоку включал музыку днем, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рев был сдобрен хаотически

размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытыв над «домашкой» под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыльчивостью усаживалась за пианино и изо всех сил вбивала в клавиши бетховенского «Сурка». Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

– А рокера нашего что-то не слышно? – она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

– Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное. – Мама перекрестилась. – Еще сырников подогреть?

– Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, еще бы парочку на вернула.

– Лиза, ну что за богохульство!

– Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница – вряд ли обидится.

– Лиза!

– Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки. А отопление не включили еще? Холод какой!

– На здоровье. Батареи пока холодные, должны вот-вот включить. А ты все-таки в родительском доме. Можно как-то без черного юмора?

– А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

– Батюшки, что творится! С чего бы это?

– Кхм, я ведь и передумать могу... – она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щелкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролеты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновенье, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела «сцену». Дворник ритмично почесывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие телеса в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздраженная мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь будет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернутся школьники, закопшатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролеты. Домохозяюшки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у

площадки. В это время они еще трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживет. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые никому не было дело до пьющих. Она вспомнила веселого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Как-то утром, когда они шли с мамой в детский сад, у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нем лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венок. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться – он, вон какой,

лежал радостный. Еще мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама तो ропилась и как будто сердилась. А Лиза с детским любопытством ждала, что еще увидит другие гробы у дома, ведь среди жильцов очень много старых людей. И тогда мама, может быть, не будет так спешить, и они подойдут поближе и попрощаются, и может даже потрогают.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

На последнем

Ковер бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего ж так тоскливо?

Ему хотелось пройтись по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолевался за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся бабушке какими-то невероятными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твердо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съемная. О кровати он мечтал всегда: всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван – он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать белье... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто вырос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У нее же куча идей, как заполнить пространство, создать «уют». А ему нужно так мало. Ей придется уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запыленной коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашел время, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застенялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, читали вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала ее болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались

одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и все говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В «детскую» Славик не входил, иногда подолгу смущенно топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждет, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошел в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шепоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

– Ты чего тут?! – крикнул он.

– Привет, Никит! – мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в ее руках розу в дешевом целлофане. – А мы тут со Славой болтаем, – за маминой спиной перетаптывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

– Совсем сдурели?! – Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд – все слилось воедино. – Кухни вам не хватает?! На весь

дом позориться решили! – перед глазами замелькали картинки, как соседи, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало о всеобщем смехе, сплетнях и перешептываниях. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущенные, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рывкнув Славику, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню – бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванной и плакала... Его мама, инвалид детства из-за задержки развития, улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы ни происходило, она не унывала: улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было все так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было «не отставать» от прогресса... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время. Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

– Никит! – в дверь постучали.

– Да, бабуль, чего?

– Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождем маму? Они уже вот-вот должны прийти, – бабушка приоткрыла дверь. – А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то – не заболел? Холод какой в доме, а они все отопление не включают. Застудился может? – она дотянулась до его лба. – Вроде прохладный. Работаешь ты много, совсем зеленый стал.

– Да не, все нормально, ба. Я подожду, вместе поедим. – Ему хотелось оттянуть момент разговора, еще какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... – Мусор есть? Выйду, подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила, с выцарапанным им самим лет в десять «Цой жив». Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нес из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и все залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался «нажать» правой ногой на свой коврик, а левой на соседский – это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: «Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать». А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо – на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись:

– Никита, привет! А ты чего так рано? – мама поцеловала его в щеку.

– П-п-привет, Ни-и-кит, – отчим протянул красную от холода руку.

– Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе.

Он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

– Вот это новость! – мама засияла. – Здорово, Настенька хорошая такая!

– Поз-здр-здравляю! – Славик снова протянул руку.

– Да, спасибо, пока не с чем особо.

Никита был смущен их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

– А бабушке говорил? – мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

– Не успел еще, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

– Мам, Никита-то наш женится! – выпалила мама.

– Этого я, между прочим, не говорил. – Никита улыбнулся маминой прямою.

– Да ладно уж, понятное дело! – мама подмигнула ему. – Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивленно взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

– Это правда, Никитушка? – бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. – Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймет? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живет с подружкой на съемной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всем готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

– Да это еще не решено. Может, мы обедать пойдем? – ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придется их разочаровать.

– Конечно, идем! – мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперед и начал старательно пыhtеть над шнурками.

– Это еще не точно, бабуль. Свое жильё все-таки хочется... Может, мы одни...

– Конечно, свое лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в «детскую» переселим, а вас в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

– Да я не знаю, ба, – Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... – Может, снимать лучше...

– Да чем же это лучше?! Сам сказал: свое жилье хочется. Настя что ли хочет?

– Вроде того, – ему снова стало стыдно за вранье, но сказать по-другому не получилось. С другой стороны, это и правда была Настина идея. Как и сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветовые сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... и тут она вдруг расплакалась, что ему на нее плевать, и он и не любит ее вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично – жить со своей девушкой вместе... – Мы пока еще не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

– Ох, Никита... натаскались мы с дедом по казармам и съемным квартирам! И уж бывало и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильем. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и все здесь так, как хочется именно тебе. А в съемной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не

прибьешь – разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда все успевать будет? Вот и начнется у вас ругань. А тут еще и квартира съемная.

– Ну, это мы еще не решили. Мы пока обсуждаем...

– А чего обсуждать, если здесь твой дом. Все-таки мужчина должен решать, а ей придется и уступать иногда. Так она и строится – семья-то. – Бабушка принесла маме полотенце. – Ну, пойдете обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты все мнешься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщинами на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

Несчастный случай (Подъезд, 4)

– Пошел на хрен! Я тебя с лестницы спущу!

– Мы на улице, дурень!

– Вон, я сказал!

– Олешка-сыроежка! Ты же знаешь, ничего ты мне не сделаешь. Мы ж родные люди.

– Вот и сделаю, урод! Я тебя... – Олег замахнулся огромным разбухшим кулаком. Спешащая навстречу девушка, пискнув, метнулась к дороге.

– Чего людей пугаешь, болван? Ой, ты глянь, как вылупилась на тебя – вот умора! – он начал гоготать во все горло, тыча пальцем в прохожую. – Ща глаза вывалятся от ужаса!

– Больной! – бросила девушка и засемила на звонких каблуках по другой дорожке.

– Как она тебя, а? Получил?

– Пошел к черту! Я тебе отомщу! – злобно прошипел Олег.

– А чего ждать? Давай прямо сейчас? Как мужики! Ну же, давай! – он начал махать кулачками перед носом у Олега, ехидно посмеиваясь.

Олег старался не поднимать головы, он шел знакомым маршрутом, периодически громко сплевывая под ноги. Перед глазами мелькали грязные лужи, прилипшие жвачки, сморщенные окурки.

– Пройдемся по двору? Вон спиногрызы орут – давай распугаем! – он соорудил уродливую гримасу. – Ну давай, весело будет! Помнишь, как в прошлый раз они разбежались по домам, как только мы подошли к площадке? А мамашки, мамашки-то! Своих слюнявых кривоножек подхватили и давай в коляски сажать! А те орут, не поймут, что такое!

Олег повернул за угол дома и двинулся к проспекту, прочь от стыдливых воспоминаний.

– Стой! Ты куда? Эй!

– Сам знаешь!

– В магазин?! Опять за старое! Давай лучше погуляем! Пожалуйста, я буду хорошо себя вести! А в магазине сейчас народу – туча! Все будут на тебя пялиться, а ты боишься!

– Ни хрена я не боюсь!

– Оле-е-ежка, я ведь по-хорошему прошу: не ходи в магазин. Я ж не отстану. Помнишь, как в прошлом месяце тебя охранники вытолкали? И милицией угрожали.

– Я те покажу! Только попробуй! Измочалю! – Олег не удержался и пнул ногой куда-то в воздух. Несколько соседских мужиков, пьющих у гаража, покосились на него и отвернулись.

– Мазила! – звонкий смешок забулькал истерическими переливами. – И не стыдно тебе так с родным братом! Тем более, я тебя младше!

Олег остановился у дверей магазина в нерешительности. Народ бесконечным потоком заходил внутрь, периодически задевая его. Безразличные толчки напомнили ему о метро. Голова начал кружиться, а подступающая тошнота уже заполняла горло. В метро он не был уже несколько лет. В последний раз пришлось выйти на остановку раньше, когда он заметил, что очкастая тетка начала нажимать кнопку связи с машинистом, косясь на него. И весь вагон смотрел, кучкуясь у выходов.

– Ну зачем тебе пить? Ты матери обещал бросить, – услышал Олег въедливый дотошный голос. Матери он, конечно, обещал, но она давно не верит. Навещает раз в неделю, принося частями его пособие по инвалидности. Боится, что пропьет сразу. Она не понимает. Не понимает, что не пить уже нельзя.

– Отвали, тогда и брошу!

– Родной мой, я тебя не оставлю. Мы ж близнецы! – ехидная улыбка озаряла его лицо.

– Оставишь, урод! Сам знаешь! – Олег заметил любопытные взгляды. Злость, смешиваясь со страхом, подкатывала, грозя разразиться новым приступом.

Он развернулся и помчался к светофору. Обратный отсчет зеленого света поторапливал. Вот и осталось два шага до серой палатки. Знакомый армянин скучающе смотрел из окошка.

– Две. Большие. Как обычно, – руки Олега судорожно выудили из карманов мятые купюры. Армянин неспешно исчез в глубине. Брат стоял, злобно скалясь.

Армянин вынырнул, поставив на прилавок две двухлитровые пластиковые бутылки. Не дожидаясь, пока продавец пересчитает деньги, Олег трясущимися руками отвинтил крышку и жадно приклеился к горлышку. Теплое пиво пенилось, ускользая струйками по его щетинистому подбородку.

Армянин брезгливо наблюдал:

– Может, заешь возьмешь? Хлеба возьмешь?

Олег залпом выпил половину бутылки, громко выматерился от облегчения и посмотрел по сторонам.

– Ну что, урод, свалил?! Вали-вали, пока цел! – прокричал он куда-то вверх.

Армянин, качая головой, поспешил закрыть окно палатки. Олег озирался, скалясь гнилой улыбкой. Брата не было. Он пихнул в полуоторванный карман непечатую бутылку, а вторую крепко прижал к себе: пробка куда-то улетела.

Добравшись до подъезда, он взглянул на детскую площадку. Та гудела, смеялась, жила воскресной жизнью. Ему захотелось швырнуть туда бутылкой, чтобы всё вмиг утихло. Отвратительный детский визг эхом отдавался в голове. Несчастный случай... Он бы давно забыл, если б не они... Если б не их мерзкий крик. Он залпом влил в себя остатки пива, вторую бутылку он допьет дома. А когда протрезвеет, уже настанет вечер, и они замолчат, тогда можно будет и ночь как-нибудь протянуть.

Поднявшись к квартире, заплывывая лестницу, он завистливо замер возле соседской двери. Как бы хотел он жить в той квартире. Пусть и в однушке, но с окнами на проспект. Что угодно, лишь бы не слышать детский крик! Прошло уже больше двадцати лет, а эти звуки всё не смолкали. Если бы не этот крик тогда, он бы услышал и успел на по-

мощь. Он бы спас брата. Он бы успел... Не он, так кто-то другой. Если б только кто-то услышал...

В квартире ему на миг привиделось, что брат тут. Он не сразу сообразил, что смотрит на свое отражение в зеркале. Они были абсолютно одинаковыми. Только шрам, который брат схлопотал в шесть лет, прыгая с крыши гаража, только эта маленькая полоска возле рта отличала их. Брат всегда был неугомонным, стремительным, все нёсся куда-то. Мать шутила, что если б первым в родах шел брат, то не понадобилось бы кесарево сечение. Это Олег никак не хотел рождаться. Он всегда тормозил. Он и тогда не пошел с братом к люкам. Струсил. Если бы пошел, ничего бы не случилось. А он остался на площадке и ничего не услышал из-за неугомонного детского крика.

Олег стянул грязные ботинки и доплелся до окна.. Он прислонил к стеклу фанерную доску, недавно найденную на помойке, притащил с дивана старые подушки и плед, поплотнее завалил подоконник и задернул шторы. В комнате стало тише. Сейчас ему плевать, но когда он начнет трезветь, крики заполнят квартиру, с издевкой разлетаясь эхом по углам. И тогда брат вернется. Сядет напротив и уставится брезгливо и жалостливо. А Олегу нечего будет сказать. Он и сам себя ненавидит. Он уродлив и убог в своем отражении. Брат выглядит лучше. Он выглядит так, как Олег лет пятнадцать назад, когда лекарства еще помогали. Интересно,

если бы они не были близнецами, в каком бы облике приходил его брат? Тем десятилетним пацаном? Ведь фантазия не смогла бы додумать, каким он бы вырос, останься в живых. Но судьба посмеялась. Олег видел брата в своем отражении, знал все его черты.

Когда-то ему очень хорошо подобрали таблетки, и брат не приходил лет семь или восемь. Олег жил почти как нормальный подросток. Даже школу закончил на домашнем обучении. Он мог выходить на улицу один, только обходил стороной детские площадки. Теперь все эти психиатры нужны были лишь для продления инвалидности. Их лекарства больше не действуют. Брат уходит только тогда, когда Олег пьян. Он объяснял это безмозглым врачам на комиссии в психдиспансере. Они только качали головой и утешали мать.

Олег включил погромче телевизор, нашел какой-то ужастик и безразлично уставился в экран. Холод неотопливаемой квартиры затормаживал мысли. Ему бы только рассчитать вторую бутылку так, чтобы не протрезветь до вечера. А там и ночь.

ОДИННАДЦАТЬ ПЛАТЬЕВ

РАССКАЗ

/

Рая провернула ключом, и дверцы старого дубового шкафа, слегка хрустнув от ветхости, отворились.

– Ты мой хороший. Чего, разохся совсем? Э-эх, моложе меня, а вон как кряхтишь – не стыдно? Сейчас мы тебя проветрим, протрем и смажем. Ты еще поживешь, мой дорогой, послужишь. Вон, какой гладкий, – она ласково провела рукой по прохладной полированной поверхности.

Из шкафа пахло мандариновыми корочками, разложенными еще с осени от моли. Каждый год 31-го января Рая разбирала весь шкаф, тщательно перетряхивая белье, протирая каждую полку и вешалку, просматривая каждую вещь на предмет дырочек. Так делали ее бабушка и мама. Так могли бы делать ее дети.

Прямо перед ней рядом висели, отгороженные от других вешалок, несколько платьев. Когда отцу дали эту квартиру, Рае было двенадцать лет.

Они переехали в ноябре, в середине учебного года. У нее не получалось привыкнуть к новой школе, друзей не нашлось, а из-за ее высокого роста ей все время хотелось куда-нибудь спрятаться. Родные понимали, как Рае тяжело, но отложить переезд было нельзя, а ездить на другой конец города в старую школу оказалось слишком долго. Как-то под Новый Год, увидев в очередной раз ее слезы, отец открыл шифоньер и достал большой сверток в грубой серой бумаге, перевязанный бечевкой:

– Держи, Раечка. Это тебе для поднятия боевого духа!

Отец и раньше старался побаловать ее, как младшую, но подарок такого размера бывал только на День Рождения! Она с предвкушением развязала бантик и развернула бумагу: новенькое бирюзовое шифоновое платье пахло счастьем. От восторга, она не могла вымолвить ни слова. Такой красоты не было не только в мамином гардеробе, но и вообще не встречалось ни у кого из ее знакомых! Рая бросилась целовать отца. На ее радостный визг из кухни пришла мама и с деланной сердитостью заворчала:

– Ты посмотри на него: не мог подождать две недели до праздника!

Рая танцевала по пустой комнате в обнимку с платьем. Его плиссированная юбочка кружилась каруселью. Ощущение волшебства переполняло до слез.

– Надевай, Раечка, конечно надевай! – улыбнулась мама. – Когда еще отец такую красоту достать сможет.

– Вот они, женщины! Только одно платье подарили, так они уже о новом рассуждают!

– Да что ты, папулечка! Ты можешь мне еще долго-долго ничего не покупать! Спасибо тебе преспасибо!!!

– Долго-долго – это конечно хорошо, но не обязательно. Руки-ноги есть, а трудящемуся человеку в нашей стране всегда работа найдется. Будут тебе еще платья!

– Ну-ну, наобещаешь еще дочери! А у нас из мебели один шифоньер!

– Вот и наш казначей вмешался! – папа с улыбкой приобнял мать. – Я и не говорю, что каждый год. Все купим, все будет. А раз в пятилетку я обещаю моей дочери самое красивое платье. Уж если они там на всю страну могут планировать, то на своих девочек и я смогу.

Платья действительно хватило на «долго-долго». Оно было длинно на целую ладонь, брали «на вырост». Мама заботливо подшила подол и каждый год отпускала по два сантиметра. Рая надевала платье всего несколько раз в году, только на самые важные праздники, и каждый раз все вокруг спешили расспросить родителей, где достали они своей дочке такую красоту.

Вслед за первым бирюзовым, Рая достала из шкафа шелковое коралловое платье с кружевным накладным воротничком. Этим летом она видела такие воротнички у молоденьких девушек. Удивительно, мода возвращается... Папа сдержал обещание: через пять лет он подарил ей это платье. Совсем взрослое, элегантное, с расшитым белым кружевом пояском. Мама в тот год совсем ослабла. Она лежала в комнате возле наряженной елки и любовалась на Раю: «Ты пока не надевай его никуда, впереди выпускной – будешь самой красивой!».

А через три месяца первого апреля мамы не стало. Ребята в школе с утра дурачились, отмечая День Дурака, а Рая вздыхала у окошка, с нетерпением ожидая, когда побежит после уроков в больницу и будет с мамой вместе шутить... На выпускной Рая конечно не пошла, да и в ближайшие полтора года не ходила ни на какие праздники. Настроения хватало лишь на вечернюю учебу и работу днем в лаборатории института. Платье она надела только на втором курсе, на свадьбу брата. Зря надела: весь вечер хотелось убежать в туалет и вдоволь наплакаться, вспоминая тот последний мамин Новый Год.

Вот и сейчас, слезы снова подступили, но это уже были слезы нежности и любви. Отболело. Рая неспешно вынимала свои сокровища: вот платье на окончание института. Бархатное, с коротким рукавом и широким поясом. Она тогда уже сама

копила, откладывала с каждой полочки. И когда на Новый Год отец подарил шкатулку для украшений, и не подумала напоминать ему про пятилетку. Но к ее удивлению, после удачной зимней сессии отец принес точно такой же, как десять лет назад, сверток:

– Раечка моя, самая умная! Вот держи, пусть хоть этот выпускной будет для тебя счастливым! Новая жизнь у тебя начинается! Трудовая, полноценная, радостная!

Отец, так искренне и полно умевший любить свою семью, страну, работу, всегда верил в достойную жизнь каждого трудящегося человека. Он успел уйти из жизни до того, как страна начала разваливаться, а трудящиеся люди перестали получать зарплаты. Он подарил ей четыре восхитительных платья. Конечно, ей покупали и другие платья, обычные, как у всех. Но раз в пять лет в гардеробе появлялась настоящая красота.

Последний папин подарок был перед Московской Олимпиадой. Рая раздобыла билет на легкую атлетику: выменяла у Людки из чертежного отдела на джинсы. Тогда она уже устроилась после института на ювелирный завод. Джинсы конечно было жаль, тем более, что у Раи они были одни, а у Людки несколько пар! Людкин брат работал каким-то чиновником в Министерстве, и ему билетов на Олимпиаду дали целую кучу. Свою сестру, как ни просили родители, он к себе пристраивать не хо-

тел (глуповатая она была и очень болтливая), но регулярно откупался дорогими подарками. Тогда на заводе Людка чего только не выменяла за эти билеты, а себе оставила на закрытие, о котором потом еще несколько месяцев трещала в каждом перерыве.

Все равно Рая была счастлива: ее знакомые надеялись посмотреть олимпиаду только по телевизору, и то, если с работы будут отпускать. Ей и завидовали и наставляли, как завязать знакомство: в свои двадцать семь она все еще была не замужем. В марте папа подарил ей польское летнее платье: сверху белое в сиреневую мелкую клетку с непривычно глубоким декольте, а от пояса белое вразлет с сиреневой прострочкой на подоле. За столько лет Рая так и не смогла выведать, где и по чьему совету папа доставал ей такие модные и редкие наряды. На фоне советских девушек, неспешными потоками направлявшихся к стадиону, Рая заметно выделялась. На нее оборачивались, с интересом разглядывали, возможно принимая за иностранку. И вот она сидит где-то на галерке с армейским биноклем брата и разглядывает пеструю толпу зрителей: такие счастливые лица, белоснежные улыбки, вокруг иностранная речь, волшебные запахи духов, инопланетного вида фотоаппараты. К ее удивлению, женщины из Западной Европы, обозначившие себя маленькими флажками Франции, Италии или Испании, в основном были одеты в тогда еще

не известные в Союзе платья-сафари, достаточно унылой расцветки и по модели больше похожие на рабочую одежду. На стадион Рая смотрела редко: спорт ее никогда особо не интересовал.

– Извините, что отвлекаю, но разве на трибунах тоже кто-то бежит? – высокий мужской голос донесся откуда-то снизу. С переднего ряда на нее в упор смотрел смуглый молодой человек лет тридцати.

Рая покраснела, представив, как давно он на нее смотрит, а она водит биноклем по всей арене. Сколько ее не учили подружки, она совсем растерялась и не могла завязать беседу, только смущенно улыбнулась.

– Вот там, на девятой дорожке бежит мой друг. Ему нужна поддержка! – паренек говорил с сильным акцентом, дополняющим его образ волшебного принца.

– А я как раз туда смотрю. Я с удовольствием за него поболею!

– Не получится! – рассмеялся паренек, – там всего восемь дорожек! Это шутка!

Рая смутилась еще больше.

– Меня зовут Марко! – паренек, не обращая внимания на уставившихся на них соседей, продолжал кричать еще громче. – По-моему бег – это очень скучно! А у вас в городе есть что-то интересное?

– Да, конечно. У нас очень красивый город! Много интересных мест и памятников архитекту-

ры, – Рая говорила, как по учебнику. Она впервые общалась с иностранцем. В Институте она видела индусов и африканцев, но ни разу к ним не подходила. Да и это было совсем другое.

– А я в Москве в первый раз, бывал только в Ленинграде. Меня зовут Марко! По-вашему Марк!

– А меня Рая, – наконец поняла она его намек.

– Рая? Как там? – он показал пальцем в небо, – очень красивое имя! Покажете мне город после бега?

Рая почувствовала, как залилась краской, опустила голову и только украдкой кивнула. Оставшиеся пару часов она сосредоточенно изучала все происходящее на стадионе, стараясь запомнить имена, дистанции и прочие детали, на всякий случай.

После соревнований Марко пригласил ее в кафе рядом с ареной. Прохладные залы, живая музыка, за столиками много иностранцев, и Рая вместе с другими счастливыми! Хорошо, что не пожалела джинсы!

– А откуда вы знаете русский?

– О, я несколько лет жил в России! Четыре года учился в русской школе! Даже плохие слова выучил! Мой папа – он инженер, помогал строить фабрику в Тольятти. Мы там жили, но недолго, там сложно было со школой. Потом уехали с мамой в Ленинград, а папа к нам приезжал на выходные. Он строил фабрику автомобилей, у вас ее называют завод. Знаете у вас наши машины Фиат?

– Кажется, не слышала. У нас есть Волга, Жигули...

– Вот-вот, эти ваши Жигули – это наш Фиат-124!

– Правда? Странно, никогда бы не подумала.

– Его немного поменяли: у вас проходило много испытаний разных машин. И нужен был завод. Да это была грандиозная стройка! Уникальный проект! Весь завод создавали с нуля, тогда все детали везли из других стран! Папа очень много рассказывал смешных историй!

Марко так активно жестикулировал, что случайно толкнул бутылку с Пепси-колой: она покачнулась и со звоном упала на столик. Карамельная пена побежала сотнями пузырьков по стеклянной поверхности и мелкими водопадами потекла прямо на Раю. Мгновенно отскочив, она все-таки не смогла уберечь платье: бурое пятно на глазах разрасталось на белоснежном подоле.

– О, простите! Какой я неуклюжий! Я просто разволновался от вашей красоты!

– Не отстирается... – Рая почти готова была расплакаться.

– Не переживайте! Все будет хорошо! Как я мог расстроить такую потрясающую девушку!

Рая слышала его комплименты, но они ее только злили. Иностранец – это конечно редкость, но такое платье в Союзе – редкость не меньшая. Да и Марко уедет через несколько дней, оставив лишь

приятные воспоминания, а платье – она успела его надеть только один раз, а рассчитывала блеснуть в нем еще на стольких праздниках!

– Вы так расстроились из-за этого пятна? Я обязательно куплю вам новое платье! Хотите – прямо сейчас?! Пойдемте, в любой магазин!

– В любом такого не купишь...

– Тогда мы купим еще лучше! Самое красивое!

Конечно же, Рая не повела Марко ни в какой магазин. Не только потому, что ей хотелось произвести впечатление человека воспитанного, но и потому что она прекрасно знала: хорошее платье в магазине не купишь. А объяснить это иностранцу невозможно. Следующие несколько дней Марко старался компенсировать свою оплошность: дарил цветы, катал на теплоходике и водил в кафе. Все было так красочно и легко. А потом пришло время прощаться. Они стояли в аэропорту, не зная, увидятся ли когда-то снова.

– Ты мне пожалуйста пиши! Давай не потеряемся. Приезжай ко мне на Рождество!

– Это немного сложно.

– Почему? Ты отмечаешь Рождество с родными?

– Нет, что ты, мы Рождество не отмечаем.

– Тогда что же? Лететь всего три часа до Рима, а там я тебя встречу и дальше на поезде!

– Сложно выехать. Для этого нужен повод.

– А я разве не повод? Это ты нашла повод отказать. Я думал, нам с тобой хорошо?

– Марко, ты смешной! – она нежно держала его за руку, иногда боязливо озираясь. – Мне очень понравилось с тобой общаться. Нужен повод, чтобы разрешили выезд из страны. Ты же знаешь, у нас с этим сложно.

– Но у тебя очень важный повод: я должен купить тебе новое платье! Так им и скажи! – он широко улыбнулся и поцеловал ее прямо при всех.

В Италию она к нему так и не доехала, но их общение продолжилось в дружеской переписке на много лет. Пятно кстати не отстиралось, и на платье пришлось сделать кармашек. Сейчас Рая с улыбкой разглядывала эту «доработку», а тогда жарким летом 80-го она в отчаянии обегала ни один магазин тканей, чтобы найти лоскуток подходящего сиреневого цвета. Оно того стоило: платье до сих пор выглядело вполне свежо, а ведь она его носила несколько лет, бережно стирая детским мылом.

Марко сдержал свое обещание: он все-таки подарил ей платье, пусть и через десять лет. Замечательное, наверное самое роскошное из тех, которые ей дарили. Марко приехал в девяностом. Тогда Рая уже решила отказаться от идеи с пятилетками: слишком сложно стало доставать вещи в перестройку. Страна ждала перемен, все были и истощены и воодушевлены одновременно. Вот-вот должно было все наладиться, и Рая решила просто подождать, когда страна наконец заживет свобод-

но и богато, каждый день обсуждая эту будущую новую жизнь с коллегами в перерывах.

К тому времени Марко уже был разведен и по выходным воспитывал сына. В письмах они рассказывали друг другу обо всех жизненных поворотах, и когда Марко выпала возможность приехать в Россию, он за два месяца начал писать Рае о том, как они будут проводить время.

Они сидели в каком-то ужасно дорогом ресторане. Как и много лет назад, здесь тоже слышна была иностранная речь и хорошая музыка. Марко не столько постарел, сколько стал более мужественным. Он был наголо выбрит, но это ему удивительно шло, подчеркивало элегантность. Голос его стал ниже и мелодичнее, хоть на этот раз они больше молчали, нежели говорили. Как будто и говорить было не о чем. Вроде и так все знали. Или, может быть, их жизни стали столь непохожими за эти десять лет... Рае казалось, что она выглядит и ощущает себя гораздо старше Марко. От этой мысли и всей этой странной роскоши, существовавшей в ее же стране, но где-то в параллельном закрытом для нее мире, она начинала стесняться и даже раздражаться. Как будто все это отвлекало ее и других от более важных событий, назревающих каждый день все сильнее. Скоро должно все поменяться. Так хотели все, в том числе и Рая. Так верили, этого ждали. И сейчас ей казалось, будто вся ее личная энергия должна быть направлена в помощь

этой неведомой силе, которая изменит жизнь ее страны. Рая задумалась, как каждый человек своей верой и силой помогает сдвигать горизонты, строить совсем иную жизнь.

– Я снова предлагаю тебе приехать в Италию. Ты хочешь?

– Марко! Ты, как и десять лет назад, такой импульсивный! Мне очень приятно, но сейчас не лучший период для поездок. У нас в стране грядут глобальные перемены. Жизнь немного нестабильная. Такие вопросы нужно хорошо обдумать.

– На этот раз я много думал. Я предлагаю тебе приехать насовсем. Или хотя бы на месяц, чтобы присмотреться.

– К чему?

– Рая. Мы можем с тобой жить вместе. Мы много знаем друг о друге: характер, хобби, особенности работы, любимые вещи. Совместная жизнь – это не страсть, как я теперь уже понял. Это – взаимопонимание. Я много думал, Рая. Мне кажется, мы очень хорошо друг друга понимаем, чувствуем. Я постоянно практикую русский: у нас в компании много ваших эмигрантов. Как видишь, мы легко общаемся.

– Алекс, это конечно звучит заманчиво. Но что я там буду делать? Где я найду работу?

– Я достаточно зарабатываю, Рая. А в Италии женщина может не работать, и ее не будут осуждать.

– Дело не в осуждении, а в том, чем я буду заниматься?

– Чем? Ты будешь заниматься домом, своим мужчиной. Ты наверняка хорошо готовишь. У меня много родственников и друзей, они будут приходить к нам в гости. Ты будешь заниматься собой. Как все женщины: ходить в парикмахерскую и на массаж, покупать фрукты на базаре, что-нибудь шить, гулять с собакой.

– У тебя появилась собака? – Рая машинально поддерживала ход его беседы, как будто и не воспринимая всерьез столь внезапно обрушившееся на нее предложение.

– Нет, но я бы хотел. Я сам часто бываю в разъездах, ты же знаешь. Очень хочется приезжать домой, где тебя ждут. Ты понимаешь?

– Понимаю. Я бы хотела английского дога... Это такие высокие с острыми ушами, знаешь?

– Нет, большого – это неудобно. Ему нужно много места и он слишком много ест.

– Да, ты прав... – все это звучало так странно, как будто с киноэкрана. Еще несколько лет назад Рая фантазировала о том, как Марком предложит ей выйти замуж, как это будет волшебно, как он встанет на колени и откроет маленькую бархатную коробочку. Но сейчас это было не похоже на те ее фантазии. Как-то сухо или официально... Все-таки они такие разные... – Я не знаю, Марко...

– Я тебя не тороплю. Просто приезжай сначала хотя бы на две недели. Если нужно – я куплю

тебе билет. А потом, если ты захочешь остаться, ты сможешь оформить себе документы. Очень много русских через него оформляют, как беженцы. У вас здесь действительно сейчас все очень сложно, этим можно воспользоваться, чтобы получить полит убежище. Подумай, у нас есть время. Но все-таки мне бы не хотелось затягивать, я устал жить один.

Целую неделю они ходили вечерами гулять, потом ехали на ночь к нему в гостиницу, скудный интерьер которой возмущал Марко. Рая стеснялась привести его к себе в еще более скудно обставленную квартиру.

На прощание Марко вручил ей бордовую коробку с золотой лентой:

– Я хочу, чтобы ты прилетела ко мне в этом платье. В аэропорту все будут смотреть только на тебя...

Это платье Рая помнила хорошо, хотя не разу его не надела. Желтое с золотыми нитями, струящееся почти до самого пола. Платье даже пахло чем-то заграничным, сейчас уже и не вспомнить точно. Она его «съела». Вскоре после отъезда Марко Раин завод вместе с лабораторией закрыли, а через пару месяцев сотрудники перестали строить иллюзии, что кто-то о них позаботится. Рая обнаружила, что ее профессия новой стране вовсе не нужна. Более того, ее образование тоже оказалось невостребованным. Стране нужны были продавцы, вышибалы, официанты, бандиты. Первые

полгода получалось протянуть на сбережениях. А потом пришлось продать платье. Оно прокормило Раю еще добрых три месяца, хотя и очень скромно. Но за это время удалось устроиться учителем в школу. Зарплата конечно мизерная, но хотя бы какая-то. Рая не очень понимала, как работать с детьми, первое время переживала, но на фоне общего хаоса в стране ее внутренние сомнения не были заметны. Дети быстро к ней привыкли, а через год начали появляться частные ученики, планировавшие покорять медицинские ВУЗы.

Что же касается Марко... Во всей кутерьме и страхе девяностых, тот разговор превратился для Раи в какую-то добрую сказку. Очень старую, почти забытую. Марко напоминал о себе письмами и фотографиями. Но каждый раз, перечитывая их, все сложнее ей было представить себя бесцельно расхаживающей по солнечным улицам или лежащей на диване в ожидании своего мужчины. О чем им говорить? Чем заниматься вечерами в его маленьком городочке? Что делать целыми днями, когда он будет в командировке? Да и можно ли всю жизнь поменять теперь... Она все откладывала и откладывала решение. Ведь он все-таки слишком «чужой», чтобы стать близким человеком. А Марко спустя пару лет снова женился, потом через четыре года развелся, все также продолжая ее звать в Италию, хоть и с меньшей настойчивостью.

О продаже золотого платья Рая не жалела: как будто и не для нее оно было, про какую-то другую жизнь. А о Марко намного лучше напоминало то самое, олимпиадное. Рядом с ним в шкафу висели два самых невзрачных «экспоната». Первый – подарок брата в 85-ом. После смерти отца он хотел продолжить традицию и привез из Латвии что-то вроде сарафана. Со вкусом у брата было намного хуже, чем у папы, но сама забота очень трогала, и Рая надевала подарок для простых выходов в магазин, но все-таки сохранила. А второй экспонат она купила сама в 95-ом. Денег заранее не накопила, потому и платье пришлось купить достаточно простое. Хотя для школьных праздников оно было в самый раз. После этого Рая решила обязательно откладывать с каждой зарплаты по чуть-чуть.

И вот в 2000-ом, Рая со старшими классами поехала в Чехию. Там девчонки конечно же выведали у любимой учительницы про ее коллекцию. Платье подбирали со всеми девочками группы. Ученицы приносили ей в примерочную лучшие варианты, а потом Рая, смущаясь от такого внимания, выходила к ним, как на подиум, и терпеливо слушала комментарии судей. Наряд выбирали два дня, казалось, обошли все магазинчики Праги. Раю до слез трогало такое внимание. Остановились на серебряном вечернем платье с рукавом три четверти. Под давлением своих учениц пришлось разориться и на туфли. Рая вздыхала, что и носить

эту красоту некуда, на что девчонки шутливо обижались: дескать, их выпускной как будто не повод для такого наряда.

В школе слух о ее традиции платьев-пятiletок быстро долетел до учительской. Да и наряд из Чехии пришлось показать – так активно девочки болтали о совместной покупке. На выпускном вечере платье действительно смотрелось шикарно. «Рая Максимовна, да от вас глаз не оторвать!» – слышала она от многих. Тем теплее ей было, что эту вещь выбирали ее ученики.

А спустя три года с некоторым опережением пятiletки на ее юбилей коллеги преподнесли сюрприз – платье в стиле индийского сари удивительного незабудкового цвета. На такое она сама бы не рискнула и посмотреть! Не по-возрасту оно казалось, да и какое-то сказочное. Даже сейчас она доставала его с каким-то особым трепетом, но вдруг на плече заметила зацепку.

– Э-эх! Это все, небось, ты, старый скрипуч! Об твои петли наверное задела. Придется вправлять. Шелк-то, вон какой, нежный, как бы следов не осталось.

Рая бережно отложила сари на кресло и потянулась к последней вешалке. На ней висело приятное сиреневое платье в мелкий серебристый цветок. Красивое. Но совсем бессюжетное. Рая смотрела на него и не могла вспомнить ничего примечательного, чтобы сопровождало ее покупку

или вообще тот ее 2010-ый год. Вроде бы и деньги отложены были, вроде и выбирала долго. А вот вспомнить и нечего...

Шкаф был разобран и протерт, петли смазаны, зацепка успешно спрятана. Рая принесла с кухни чайник, чашку и коробочку с безе, расставила все на столике, села в мягкое кресло и включила телевизор. Голубой Огонек уже начался.

– Ну, вот и год прошел. В понедельник магазины откроются, надо будет сходить примерить то кружевное с накидкой.

ДРУГАЯ ВОЙНА

РАССКАЗ

/

Прозвенел звонок, но решили не расходиться. Лысоватый профессор предложил работать без перемены, зато раньше закончить второй урок. На экране мелькали чёрно-белые кадры. Он видел их несколько раз по телевизору. Смотреть не хотелось: как здорово было бы развалиться на лужайке хоть на десять минут, снять кеды, носки, ощутить ступнями прикосновение уже тёплой земли, погладить пахнущую близким летом траву, почувствовать сквозь закрытые веки пробивающиеся солнечные лучи.

Спина и ноги затекли, но он приучил себя не подавать вида и подолгу сохранять одну позу. Так было надёжнее: никто не придерётся, что ему не интересно, что он не хочет слушать. С годами он научился жить в новом мире с его правилами. Это было сложнее, чем там. Правил больше, и некоторые уж очень странные. В прежней жизни правило было одно: хочешь выжить – попробуй! Здесь всё

запутанней, но он принял условия игры, даже не пытаясь понять.

Вот и сейчас решили сидеть в наглухо зашторенной аудитории и смотреть, как дети на экране засучивают рукава и показывают оператору номера, набитые на тощих руках, как они жадно вылизывают алюминиевые миски; как взрослые мужчины, похожие на скелеты, закапывают горы таких же скелетов, едва удерживая в руках лопаты. Он не понимал, почему его одноклассники смотрят, не отрываясь, на эти смерти, когда там, за дверью в саду лица пахнут жасмином, а в столовой уже начали подавать обед: сегодня спагетти с мясом. При мысли о еде в животе заурчало. Он глубоко вздохнул, пробежал глазами по знакомым лицам и снова вернулся к экрану, изображая интерес. Кадры на экране сменяли друг друга, вызывая дремоту...

– Итак, я предлагаю вам поработать в группах, – профессор включил свет, и класс постепенно начал оживать. – Ваша задача – сделать к следующей неделе небольшой проект. Обсудите увиденное, соберите информацию у своих близких, может быть, семейные истории, найдите фотографии тех лет. Попробуйте максимально подробно воссоздать хотя бы маленький кусочек того времени. Вы можете выбрать один день из жизни лагеря или конкретного человека, будь то солдата или ребёнка, один час боя, или ночь бомбёжки. Проявляйте фантазию и творчество! – закончил он, жестикулируя, как фокусник.

Фантазия и творчество... Как учитель мог применять эти слова к такой теме? Он вспомнил, как впервые услышал их ещё на родине, когда ему посчастливилось попасть в детский лагерь какой-то благотворительной организации. Их собрали в огромной зелёной палатке с длинным столом. Перед каждым положили новую футболку, и молодая белая девушка с рыжими веснушками и широкой улыбкой объявила: “Привет всем! Меня зовут Джулия. Сейчас мы с вами будем заниматься творчеством. Вы сможете сделать из своей футболки настоящее произведение искусства, используя блёстки, краски, фломастеры и аппликации!”. В палатке повисла тишина, никто не шевелился. Девушка немного растерялась: “Вы можете придумать всё, что хотите, используйте вашу фантазию!” – для двадцати детей эти слова звучали непонятно, оттого и пугающе. “А потом вы сможете забрать футболку себе!” – ребята начали переглядываться. Первым рискнул толстяк Дуби, самый старший и самый глупый: он ухватил футболку и прижал её к себе. Двадцать пар глаз с испугом уставились на рыжую девушку. Она, как ни странно, улыбнулась: “Да-да, это ваша вещь, вы можете сделать из неё, что хотите и забрать домой!” Кто-то начал натягивать футболку на себя, тогда можно будет убежать, если захотят отнять.

“Нет-нет! Подождите! Не надо надевать. Вы же не сможете ничего нарисовать!” – она хотела

было подойти к детям, чтобы помочь снять футболки, но, увидев испуганные взгляды, остановилась, задумалась и направилась к ящикам в другом конце палатки. Вернувшись, она небрежно бросила на стол новую футболку, открыла баночку с красной краской и, расправив складки ткани, что-то нарисовала. Он хорошо помнил своё изумление: зачем эта добродушная девушка портит такую замечательную новую вещь. Другие тоже настороженно наблюдали, как Джулия, по очереди подходя к каждому, показывала, какие рисунки можно сделать, обведя ладонь или наклеив блестящие кусочки бумаги.

Когда через полчаса очередь дошла до него, он крепко вцепился в неожиданный подарок и, несмотря на то, что вокруг уже кипела работа, старался не поднимать глаз, пока Джулия открывала стоящие перед ним яркие баночки с краской. Если эта вещь его – он ни за что на свете не будет портить её краской.

Он был восьмым ребёнком в семье и ещё ни разу не получал новой вещи, купленной специально для него. Одежду скидывали подростки братья, он терпеливо ждал, пока к нему перейдёт очередная рубашка или шорты. Обидно было, когда вещь не доходила до него, потому что заплаток было слишком много. Тогда мать бережно разрезала её на небольшие кусочки, чтобы потом заштопывать ими прорехи других обносок.

Да что с тобой, малыш? Я же сказала, это твоя вещь, я не заберу её обратно! – Джулия погладила его по голове. – Смотри, ты можешь сделать, как у меня. Вот видишь, тут нарисован замок и принцесса. Это сделала моя младшая сестра. А у тебя есть братья или сёстры? Ты можешь подарить им – футболка большого размера! – Он взглянул на стол и с ужасом понял, что все они одинаково большие. Всё пропало! Дарить её он никому не хотел, но мать и не спросит, отдаст старшим братьям.

Он грустно смотрел на Джулию, с улыбкой описывающую возможные узоры и украшения.

– А на рукаве ты можешь написать имя своего брата или друга, чтобы это был подарок специально для этого человека!.

Он ухватил фломастер и быстро большими буквами написал единственное слово, которое успел выучить в свои восемь лет: “Jamaica”.

– М-м-м, оригинально. Ты знаешь про эту страну? Мы можем нарисовать её флаг или пляж с пальмой, я где-то видела здесь аппликацию.

– Это его имя, мисс Джулия! – влезла его беззубая соседка и одноклассница Габи.

– А! Вот как! Спасибо! Ты можешь звать меня просто Джилл. Так, а тебя, значит, зовут Джамайка. Очень красиво. Немного крупновато получилось, зато издалека будет видно твоё имя!

Надежда блеснула в его голове. Может, мать и не отдаст футболку с его именем. Теперь он сдела-

ет самую красивую вещь в своей жизни. Он ожи-
вился, стараясь успеть наклеить как можно больше
картинок и блестяшек. На спине он оставил не-
сколько разноцветных отпечатков своих ладоней и
для надёжности вновь написал имя.

Его восторгу не было предела. Занятия дли-
лись целый месяц, каждый раз они делали что-то,
и Джулия называла это творчеством: украшали
кружки, кепки, носки, обклеивали коробочки, ма-
стерили бусы. Все эти богатства они уносили с со-
бой. Вот это было творчество и фантазия!

– Джама! Иди сюда, мы все здесь!

Он послушно поплёлся к своей группе за ши-
рокий стол под акацией. Эмили была их лидером в
этом проекте, и он с тоской понял, что обед испор-
чен: она захочет начать обсуждение прямо сейчас.

– Мы как раз выбираем, какой формат нам ин-
тересен. Пит предложил сделать реконструкцию и
отснять на видео! – Он перевёл взгляд на Пита,
но тот был занят поеданием непомерно большо-
го гамбургера со стекающим сбоку кетчупом. Не
совсем понимая, что от него ждут, Джама по при-
вычке кивнул.

– Надо решить, что мы будем делать. Можем,
например, составить подборку историй, которые
в детстве слышали от своих дедов. Принести фото
стариков, какие-нибудь их вещи! – пока Пит это
произносил, из его набитого рта летели крошки на
стол и на футболку.

– Пит, прожуй сначала, фу! – скривился Ману. –
Не подойдёт, Джама тогда не сможет участвовать с
нами. У вас ведь там не было Гитлера?

– Нет... Гитлера не было, – он опустил глаза,
стараясь настроиться на добротный обед.

– Повезло вам! – снова включилась Эмили. –
Представляете, европейцы гибли тысячами, а где-
то в это время люди наслаждались жизнью, ни о
чём не задумываясь...

Джама посмотрел на её лицо: белая, почти
прозрачная кожа. А волосы длинные и прямые, как
будто отглаженные.

– Во-во! – оживился Пит. – Отлично выйдет!
Серия историй от дедушек внукам, одна другой
тяжелее, их драмы. И в конце: бац, контраст! Что-
то вроде: “А на другой стороне Земли маленький
мальчик слушал от своего деда совсем другие исто-
рии... Про беззаботную молодость, песни и танцы,
про рыбалку, солнце, океан...” Здорово получится!
Как будто для кого-то война, а для кого-то лишь
слова.

Джама медленно накручивал спагетти на вил-
ку, разглядывая свои шершавые руки со следами
ссадин. Он никогда не слышал от своего деда та-
ких историй. Он вообще его никогда не слышал.
Мужчины в их краях редко доживали до сорока.
Деда по линии отца никто не знал, а второй погиб
со всей бригадой на стройке во время обвала. Ему
повезло: несчастный случай. Семье выплатили его

жалование за целую неделю! Отцу Джама повезло меньше. Он умер от малярии. Мать говорила, он долго мучился. За него никто не заплатил, а кормить его было нечем. Старший сын отвёз его в больницу. Там таких не лечили, но раз в день давали суп. После смерти тела больных сжигали, чтобы зараза не шла по округе, и родственникам не нужно было хоронить. Отца Джама не помнил. От него остался журнал, тот самый, посмотрев который мать выбрала имя для младшего сына. Читать она не умела, только разглядывала фотографии волшебной страны, где, как ей казалось, чёрные жили на роскошных виллах и ни в чём не нуждались. Он берёт журнал, перелистывая с детства знакомые страницы, обводя пальцем большие буквы на обложке: “JAMAICA”.

– Нет, не получится. Я не знал своих дедушек. Умерли. И фото их тоже нет.

– Оу, извини, мне жаль, – Пит с лёгким усилием открыл банку с газировкой, она зашипела, и пена полилась через край. – Тогда давайте про один день. Например, самый первый, когда люди узнали, что пришла война. Ну, какая-нибудь деревня глухая, где никто ничего толком не слышал, и вдруг – на тебе! Обычный день, люди работают, отдыхают, ходят в церковь и тут... Какой-нибудь налёт, как в Пёрл-Харбор, или внезапно ворвались фашисты на мотоциклах. Это ведь самое страшное, когда война приходит внезапно. Раз – и во-

круг уже маршируют новобранцы, копают окопы, строят казармы, везде военная техника. Один вид людей в военной форме – мне бы жутко стало!

Джама не помнил, был ли в его жизни похожий день или час. В какой-то момент белые разъехались. Не стало машин с едой, подарков, школьных занятий. Военных в форме он тоже не помнил. Просто начали появляться мужчины с мачете, реже с автоматами, обычно это были те, что главнее. Они не маршировали, не ходили колоннами и не строили казармы. Они приходили в чей-нибудь дом и оставались там на ночь. Хозяйва старались поскорее уйти. Если не успевали, из дома раздавались страшные крики. Он помнил их до сих пор. Крики женщин, похожие на звериные. Больше всего он тогда боялся, что услышит такие из своего дома...

Криков женщин своей семьи он, к счастью, не слышал. Однажды летом мать слегла. Он заметил, как мать резко похудела, перестала вставать. Позже ему сказали, что это пневмония. Он не понимал смысла слова, забравшего его мать, и просто кивал. Ещё через год умерла старшая сестра. Он уже был большим, и ему рассказали, что она обнималась с плохим мужчиной, больным. И потому заболела сама. Старший брат часто кричал на неё, обвинял в чём-то. Джама не понимал за что, ведь виноват какой-то другой человек. Разве могла она догадаться, что заболит только оттого, что кто-то её обнимал.

– Джама! Ау-у! Ты опять где-то в своих мечтах?! – маленькая сердитая складка на лбу у Эмили делала её похожей на обиженного ребёнка. – Мы работаем в группе! И даже если тебе не интересно, каждый должен участвовать!

Он понял, что от него чего-то ждут, и вжался в скамью.

– Извини, я просто задумался про день начала войны... – Джама почувствовал, как потеют ладони, и потянулся к бутылке с водой.

– Парень, мы уже развили тему. Ты давай и правда включайся! – Пит смотрел не столько с раздражением, сколько свысока. Он был не из отличников, но из тех счастливчиков, которые умеют повести за собой, предлагая всевозможные идеи. Его любили и одноклассники, и учителя, в шутку называя балбесом, не использующим свой потенциал. – Мы про детей, которых отправляли в концлагеря.

– Это про тех, которые в фильме показывали свои руки с номерами?

– Бинго! И он снова с нами! – Пит поднял банку, изображая, что чокается с невидимыми друзьями.

– Пит, кончай! У нас времени мало. Давайте решать уже! – Ману был из толковых учеников, но очень нервный. Он объяснял это тем, что его родители уже два года как пытались развестись и постоянно вовлекали его в свои конфликты. – Я тоже

за то, чтобы сделать акцент на детях. Это за душу берёт. Маленькие ни в чём не повинные люди. Их собирали толпами и отправляли в эти бараки. Почти не кормили, заставляли работать...

– Не знаю, это совсем жутко. Вроде не Средневековье, а откуда такое варварство. Как дикари. Мне даже страшно делать проект. Это – позор человечества.

– А я вот не пойму, как они отбирали туда детей? – Пит закончил с газировкой и теперь лепил что-то из пустой банки. – Это как можно понять по ним, маленьким, еврей или нет. Да и какая им, собственно, разница была, ведь они могли забрать детей себе и воспитывать их в верности к Гитлеру! Дети-то ещё не выбрали, за кого они.

– Правда, ребят, давайте, может, не про детей? Это же страшно и несправедливо. У кого-то было счастливое детство, а у кого-то ад только потому, что он родился “не у тех” родителей. – Эмили посмотрела на часы, порылась в сумке, достала расчёску и начала медленно ею приглаживать и без того ровные длинные волосы.

Джама смотрел заворуженно на эту красоту. Он вспомнил волосы Габби – тоже длинные, но жёсткие из сотни мелких косичек. Она всё время их теребила, поэтому с её головы сыпались соринки и песок. У остальных женщин в его деревне волосы стригли коротко. А Габби была из другого племени и по их традициям у неё, как у её мамы,

волосы не стригли, только заплетали. Он помнил, как они торчали из-под грязной простыни, когда выносили её тело. В отличие от Германии, на его родине никто не отбирал детей и не заставлял работать. Дети были не нужны, их просто выгоняли, и каждый мог идти куда глаза глядят. Когда убивали родителей Габби, она не ушла. Какой-то человек с автоматом вытолкнул её и двух младших на улицу, но она, рыдая, побежала обратно в дом, и братья за ней. Джама слышал, как она плакала там. Из дома вышли трое. У одного был автомат, а у двух других мачете. С них текла кровь. Они крикнули Габби, чтобы та проваливалась, но плач продолжался. Тогда один подошёл к соломенной крыше и поджёг её. Крыша вспыхнула быстро, издавая сильный треск. Люди начали подходить к дому, но тот, с автоматом, несколько раз выстрелил в воздух, и народ разбежался. Потом все трое ушли. Жители вернулись тушить пожар, чтобы огонь не перешёл на другие дома. Из хижины вынесли шесть тел, покрытых простынями и тряпками. Никто не плакал.

Джама не знал, по каким признакам отличались люди разных племён. Но в их деревне все знали, кто какого племени. Первое время убивали только людей другого племени. А потом всё смешалось. Люди с мачете и автоматами просто убивали. Все стали ещё злее, еды не хватало. Дети ходили в джунгли за пропитанием. Так было безопаснее: взрослого сразу расстреливали, если он наткнулся

на какую-нибудь группу с оружием в лесу. Детей не трогали.

Его сестренке Таре не повезло. Она пошла с подружкой в лес и набрала много съедобных корней и ягод. Они несли их в корзинах, не спрятав под одеждой. Их остановили и потребовали отдать съестное. Подруга Тары испугалась и отдала. Она рассказывала, что те с автоматами были злыми и тощими, и крикнули девочкам, что они их охраняют и воюют за них, потому те должны их накормить в благодарность. А Тара сказала, что ей надо отнести еду голодным братьям. Её убили. Так рассказала подружка, прибежавшая к ним домой. Она рыдала, широко открыв рот и теребя руками короткие кудряшки. На её платье остались брызги крови. Малик, старший из братьев, схватил нож и выбежал из дома. Остальные не шевелились. Малик так и не вернулся. Никто не знал, что с ним стало. Джама надеялся, что Таре не было больно, и она не кричала.

Когда двое с автоматами пришли к ним в дом, ему и братьям предложили вступить в отряд. Но старший – Кирки закричал, что они убили их сестру из-за еды, и он ни за что не будет с ними заодно. Это было глупо. Джама понял это спустя годы. Кирки было шестнадцать, они голодали, и у всех нервы были на пределе. Один из пришедших направил на него автомат и, засмеявшись гнилыми зубами, сказал, что их жадную сестру съели вместе

с её едой. Кирки бросился вперёд, и тот выпустил в него целую струю патронов.

– Ну что решили? Джама, тебе вообще хоть какие-нибудь предметы интересны? По-моему, ты на всех скучаешь! – Эмили укладывала свою сумку и собиралась на урок.

– Да нет, просто мне не очень хочется делать проект про войну. У нас она тоже была.

– Ты же сказал, что фашисты до вас не добрались. Они были в Либерии?

– Они – нет. Наша война была позже, уже в моём детстве.

– Да ладно, прям настоящая, как с немцами? – Пит недоверчиво посмотрел в глаза Джаме.

– Настоящая...

– И там даже кого-то убивали?

– Да, точно! Я же слышала в новостях: в Африке всё время кто-то с кем-то воюет. И люди ходят из одной страны в другую.

– А кто на вас напал? Русские или американцы? – не унимался Пит.

– Она была между нашими.

– Воевали сами с собой, что ли? И кто победил: вы или вы? – хмыкнул Пит, но заметив выражение лица Эмили, сделал вид, что закашлялся.

– Получается, что никто.

– А, ну это другая война... Пойдёмте, сейчас звонок прозвенит.

– А имя твое, знаешь, почему такое?

– Да знаю, дед!

– Федор – Богом данный.

– Да я знаю, дед, сто раз говорил!

– Бог – он в душе у каждого, вокруг нас, в каждом дне. Во всяком деле Он с тобой.

Беседы деда с каждым годом становились все скучнее, эпизоды и шутки повторялись, и взрослому Фёдке компания старика уже начинала казаться тоскливой обязанностью.

– И потому в церковь ходить нужно, чтобы поближе к Богу-то быть, – продолжал дед, обращаясь к разложенной на столе гречневой крупе. Кожа у него на ладонях была мозолистой, и, казалось, пальцы уже не могли до конца разогнуться, не прорвав эту тугую подошву. Гречка оказалась никудышной, и дед все время качал головой, выбирая дрожащими пальцами чёрные зерна.

– И люди там, в церкви-то, они душою светлей, помогут они, если что, добрей они, в сердце.

В ответ на слова о доброте людей память Федыки начала прокручивать эпизоды воспоминаний. Ему было лет шесть, когда они с матерью и крестной поехали в Углич к родным. Городок был теплым, приветливым. Они весь день гуляли по его паркам и зашли на вечернюю службу в церковь. Федька уже знал, зачем нужны церкви, умел креститься и ставить свечки с очень серьезным лицом. Эта была не похожа на их московскую: низкие потолки, тусклые деревянные иконы в потрескавшихся рамах, наваленные на лавках пакеты и свертки, и всего человек пять прихожан, которые недобро уставились на них. Федыке церковь не понравилась, даже рассматривать было нечего, и его скользивший в поисках чего-то особенного взгляд остановился на маме. Мама стояла чуть сбоку, и через узкие окошки на нее падали мелкие лучи света, начинавшие бегать по лицу и платью всякий раз, когда снаружи ветер шевелил деревья. Федька смотрел на маму с восхищением и любовью. Она была такая красивая, улыбочивая, к ней так хотелось подбежать и обнять... Но он знал, что в церкви нужно стоять тихо, и продолжал вздыхать от скуки, переминаясь с ноги на ногу.

Потом к крестной подошла какая-то тётка и что-то спросила. Крестная едва мотнула головой и отошла. Тётка постояла и направилась к маме,

и Федька с любопытством начал осторожно поддвигаться к ним, чтобы лучше слышать.

– А вы свечки брать будете?

– Нет, спасибо. Мы еще завтра зайдем, поставим.

– А?

– Нет, спасибо! Сегодня не будем.

– Не нужны вам свечки?! – тётка так посмотрела на маму, что Федыке показалось, будто мама сделала что-то плохое и на нее сейчас наругаются. Он поскорей поторопился взять ее за руку.

Через пару минут тётка вернулась и встала перед ними, наклонившись к Федыке.

– На вот, держи, раз они не могут тебе купить, – громко и злобно сказала она, протянув погнутую красную свечку. – Пойдем, поставим Казанской.

Федыке идти не хотелось, но мама молчала, и он решил, что свечку поставить нужно, раз дают. Тем более, тётка так громко говорила, что он побоялся, что она все-таки наругается на маму, если он не поторопится. Тётка согнулась и обхватила Федыку за плечи. Её волосы неприятно щекотали щёки, изо рта противно пахло. Через пару шагов Федыку осторожно потянули назад. Обернувшись, он с облегчением увидел маму.

– Не надо, спасибо.

Но тётка ухватилась за него еще сильнее и заговорила еще громче:

– Не трогай ребенка! Как себя ведешь в церкви! Позорище!

– Нет, это вы уберите руки от моего ребенка! – мама теперь говорила жестко и тоже громко.

– Да ты что творишь?!

– Уберите руки от моего ребенка! Он чужого брать не будет и никуда с вами не пойдет!

Растерянного Федьку тянули в разные стороны, свечка выпала, и освободившейся рукой он ухватился за маму, боясь, что одна она без его помощи с тёткой не справится. Мама сгребла его в охапку, подняла на руки и, крепко прижав, развернулась к выходу. А тётка всё не успокаивалась, шла за ними и почти кричала:

– Свечку купить не могут! И не стыдно так в церкви-то себя вести! Пример какой ребенку! Приехали тут!

– Не надо трогать нашего ребенка, он приучен у чужих людей ничего не брать! – вступилась крестная.

– А ты кто такая? Как воспитали-то!

– Меня очень хорошо воспитали, и вам дай Бог так своих детей воспитать...

Дальше разговора Федька уже не слышал, только испуганно смотрел через мамино плечо, как тётка ругалась на крестную. Мамино плечо пахло вкусно, и щека терлась о ее мягкую шею. “Хорошо как, что у меня и моя мама есть, и крестная мама. Вместе они точно сильнее тётки!” – размышлял он, укачиваемый теплыми любимыми руками...

Детские воспоминания опять подняли внутри какую-то тревогу. В последнее время он все

чаще чувствовал ее. Иногда она даже перерастала в страх и спускалась к самому животу. Почему и откуда она появлялась, Федька не мог понять, и от этого еще неприятней становилось. От родителей он постоянно слышал про переходный возраст.

– Дед, а я вот что-то маму не очень помню, когда совсем маленький был. Работала она что ли много?

Дед продолжал перебирать гречку, как будто и не слыша.

– Де-ед! Про маму спрашиваю, почему не помню? – повторил Федька в самое ухо.

– Да слышу я. На-ка вот, собери, что осталось, – он протянул банку для крупы, а остальное сгреб в кастрюлю. Федька вяло ссыпал не отобранные зерна в банку, ожидая очередной истории деда. – Да вот, как тебе сказать. Вроде уже взрослый ты у нас, вымахал какой, понимать должен.

– Чего понимать?

– Да про маму понимать, – дрожащие руки несколько раз безуспешно чиркали спичками о коробок, но искра не появлялась.

– Дай я! – спичка ловко скользнула по картону, озарилась пламенем, и конфорка засветилась сине-оранжевыми языками.

– Вот помощник, говорю, вырос ты уже, двенадцать-то лет!

– Тринадцать, деда. Двенадцать в том году было, когда велик подарили.

– Ну да, тем более, тринадцать уже, поймешь.

– Что пойму?

– Да про маму. Они, видно, закрутились совсем, сказать тебе забыли.

– Да кто они? И что сказать?! – Федька уже начинал злиться на деда, постоянно забывавшего суть разговора. Последнее время даже свои древние истории он рассказывал запутанно, сбиваясь с одной на другую, и Федька сам нередко подсказывал ему продолжение сюжета.

– Не твоя она.

– Кто? – Федька так углубился в свои размышления о деде и его старости, что забыл, о чем шла речь.

– Мама твоя... Она не твоя, понимаешь?

– Ты чего, дед? Как это? – в горле снова появилось то странное ощущение. “Наверное, это от грусти, что дед совсем старый стал и глупеет. Такую ерунду иногда говорит!” – он постарался отогнать неприятные мысли.

– Когда родился ты, другая у тебя мать была. Она тебя родила, но не сложилось у них потом с отцом. Вот другая мама тебя и растила.

Федька замер и не мог понять, что он чувствует.

– Это как же это, дед? – говорить получалось плохо, то странное ощущение, как будто сдавило горло, и слова прозвучали почти шепотом. – Как же так вышло?! Ты путаешь что-то!

– Ну, как вышло... Что поспорились-то? Ну, бывает так, ты уж должен понимать. Любили они друг друга. Потом Женька у них появился. А потом выпивать она начала. Негоже это, женщины-то пить, понимаешь? Мы тогда еще все в Кузовке жили, деревня значит. А там же не как тут, в Москве, там все всё видят, не утаишься. Соседи-то шепчутся, переговариваются, отцу потом все слухи доносят. А Женька не понимает, маленький еще. Как брошенный он был совсем.

– Кто он? – слова деда звучали, как из радиоприёмника. Как будто кто-то там, за ящиком, рассказывал очередную запутанную историю.

– Женька-то, маленький когда был.

– Да кто это?! – на какое-то мгновение Федька подумал, что дед и правда рассказывает историю про кого-то чужого, про далекого мальчика и его пьющую маму.

– А, ну да, ты же его не запомнил, наверное. Брат твой – Женя. Первенец у них был. Добрый такой малыш, а глаза все время грустные, – с такой-то матерью.

– Брат? А как же Лёша?

– Лёша, он не твоего отца сын, это сын мамы, которая вырастила тебя. Когда она с отцом твоим сошлась, лет девять ему было, на год старше Жени.

– Так Лёша не брат мне?!

– Ну не родной, а так брат – сводный. Вместе же росли, у одних родителей. А Женя родной. Ког-

да Ксения, это мать-то твоя, которая родила тебя, вот когда она совсем спиваться начала, отец твой её к батюшке повез, к святым местам. Это он ее так вылечить всё хотел. Да ты не хмурься, большой уже, понимать должен. Вот вернулись они оттуда, а она, значит, забеременела. Это тобой, значит. И как она тут преобразилась вся! Помогли видать, в церкви-то. Пить бросила, приветливая такая стала, ухоженная, с Женькой целыми днями возилась, в школу его готовила. И он-то как радовался, что мамка его так изменилась, сиял весь, когда с ней по улице шёл.

– А что с ним стало?

– С Женей то? Ничего не стало, тьфу-тьфу, жив-здоров, слава Богу!

– А где же он?!

– Так где был, там и есть. Он ведь с ней остался, с Ксенией.

– Как остался?! А как же я? – внутри как будто всё тонуло, ускользало. С каждым новым словом деда словно открывался другой мир или, наоборот, рушился его мир, такой любимый, понятный, привычный. Перед глазами возникла картинка женщины с ребёнком, которые как будто на другом берегу машут ему рукой, но к себе не зовут. А он проплывает мимо. Им так хорошо вдвоём, они там вместе... И ему вдруг так туда захотелось...

– А почему я не с ними?!

– Ну, так ты и досказать не даешь. Не с ними... С папой ты остался, а он с ней. Ты когда родил-

ся – праздник какой для всех был! Здоровый, крепкий – она ведь всю беременность не пила, не курила, как чудо какое. Вот тебя так и решили назвать, мол, Богом ты послан им был, понимаешь? Федор. А через год снова пить начала, да только хуже прежнего. Вас с Женькой бросит и уйдёт. А он с тобой на руках всё ко мне прибежал. Маша моя слегла тогда, бабушка-то ваша, я и не выходил почти из дому, за ней смотрел. Вот притащит тебя Женька, а сам плачет, за мать переживает. Я накормлю вас, тебя уложу, а его в магазин пошлю или на почту там, принести что. Помощник он был мне в то время. Вот за хлебом, помнится, пошлю, а он часа на два пропадёт. Прибегает, весь запыхавшийся, сандалии пыльные. И я, значит, соображаю, что это он мать опять бегал-искал по всей деревне. А мне говорить не хочет, стыдно ему за мать. Так вот почти год и жили. Пока она на три дня не пропала. Ее потом участковый привез на машине своей, чтоб народ-то не видел позора. Она грязная вся, без обуви, в чужих лохмотьях, пьяная. Ну, тогда отец твой не выдержал. Пошел на следующий день на развод подавать. А самому тяжело, сколько лет вместе, всё жалел ее...

Дед застыл, глядя куда-то поверх Федьки... А у того в голове как будто появилась недостающая деталь мозаики. Ему казалось, что он начал вспоминать те эпизоды, о которых говорил дед, – фрагментами, вспышками... Синие с красным сандалии

с оторванными ремешками, сбитые коленки, светлые кудрявые волосы. Но все это как будто со стороны, как не его. “Наверное, это был Женя! Наверное, я его помню!”

– А сандалии у него, они какие были?

В глазах деда застыли слёзы, а голова монотонно покачивалась.

– Чего говоришь-то? – он достал наглаженный по старой привычке платок и приложил его к глазам. – Заболеваю я, похоже. Вот... заслезились совсем.

– Сандалии у Жени синие с красным были? Еще с ремешками оторванными!

– Сандалии? – дед никак не мог переключиться со своих мыслей обратно на разговор. – У Жени-то? Да откуда ж я помню, какие они были...

– Жалко... – Федьке показалось, что очень важно узнать про сандалии, что от этого так много зависит.

– Хотя, наверное, порванные были. Ксения-то совсем уже за вами не смотрела. Так и ходил он, в чем придется, пока отец не заметит. Нелегко тогда всем было.

На кухне снова повисла пустая тишина. Вода закипала, но мальчик и дед как будто и не слышали позвякивания алюминиевой крышки.

– Маша моя совсем при смерти была. А отец твой мне так и говорит: “Мне, пап, от стыда не скрыться в деревне. Только мама и держит, не могу

вас тут одних бросить”. – Дед помолчал несколько минут. – А потом умерла бабушка ваша. Как сорок дней справили, так он переезжать надумал. А Ксения помаленьку соображать начала, что детей он забрать у ней хочет, вас с Женькой. И давай тогда она Женьку жалобить. Все плакалась ему, как она одна пропадет, как не управится с горем. А он не знай как, все утешал ее. Да возьми и скажи ей: “Я тебя, мамочка, ни за что не брошу! Я тебе обещаю!” – это он мне в тот же вечер рассказал, что матери пообещал. А сам плачет: и мать ему жалко, и с отцом быть хочет.

– Значит, он все-таки маму выбрал? А я как же? А меня – меня не спросили? – Федька не понимал, что с ним происходит. Ему хотелось то расплакаться и спрятаться в угол, то закричать громко-громко, разломать все, а то убежать далеко, чтобы никто не нашел.

– Да тебе два года было, кроха совсем! Как отец все устроил, так решил переезжать с вами. А Женька – ни в какую: плакал, кричал, из дома до самой ночи уходил. Ну и не выдержал, отец-то. Решил время дать ему: пусть, мол, успокоится. Думал, будет навещать его, так тот сам и попросится. А тебя он Ксении не оставил. Боялся, не уследит, тебе и двух лет не было. Вот и решили мы с ним: вдвоем уж как-нибудь управимся. Так и переехали в Москву. Первое время к нам Настя часто приезжала, крестная твоя. Она ж папе твоему сестра двоюрод-

ная. Переживала за нас: как мы, два мужика, с ребенком управимся. Приедет, бывало, на выходных, и весь день от тебя не отходит. Игрушек навезет, в парк сводит – баловала, одним словом. И все папку твоего пилила, что, мол, без матери мальчишке нельзя расти.

– А мама, мама приезжала к нам?

– Какой там! Он ни адреса ей не дал, ни телефона. Боялся очень. Ты первые дни все плакал, искал ее. Вроде ж ведь когда жил с ней, она и не видела тебя почти: пила да гуляла. А ты всё же тосковал по родной душе. Вот отец и боялся, что увидишь мать – совсем тяжело станет. Так тебя больше к ней и не возил.

– Никогда?!

– Да вот, выходит, никогда. Да и сам он со временем всё реже в деревню выбирался. Сначала Женьку хотел забрать, переживал за него. Но тот никак, уперся, маму решил оберегать. Ну и успокоились на том: Женька с ней, а ты с отцом. Он его раз в месяц навещал, игрушки возил, одежду. Постарше стал – и денег подкинет, не бросал, в общем. Он уж теперь и в армии отслужил. Отец мне его фотографии показывал, гордится.

– Так они и сейчас общаются?

– Конечно, что ж им не общаться – сын все-таки.

Дед не стал расписывать внуку, как его отец искал себе новую жену, как мучился, приглашая в дом

то одну, то другую. Самому деду ни одна не нравилась: все они, когда Фedyку видели, как будто разочаровывались... Не хотелось им чужого ребенка. Да и понятно оно – зачем им в придачу к мужику неродной малыш. А потом появилась Вера. Деду она сразу понравилась: взрослее всех предыдущих, серьезная, рассудительная. И, главное, глаза у нее добрые, задумчивые. Как в дом пришла – так как будто всегда с ними и жила. И с Фedyкой как ловко управлялась. И Насте она понравилась – подругами стали. Настя деда подбивала повлиять на сына: мол, чем не пара, женился бы. А сын всё как-то мялся, отмалчивался. А раз приехал, видимо, со встречи с ней, весь взволнованный:

– Пап, разговор у меня к тебе. Совета твоего спросить. Хочу на Вере жениться.

– Ну, и слава Богу! Чего тянуть-то! Хороша она, и Федору с ней хорошо.

– Подожди, тут проблема есть.

– Да ну навдумываешь еще, чего там у вас?

– Ребенок у нее. Уже большой, девять лет.

– А где ж это он?

– С ней живет, в ее квартире. Вот сегодня знакомиться ездил, Алексеем звать, славный вроде паренек.

– А чего ж тогда проблема?

– Ты думаешь, не страшно? – глаза сына засияли с облегчением. – Я за Фedyку переживаю, как ему-то будет?

– Да ну брось ты, малой он еще. Привыкнет, как к родному, и не вспомнит потом.

В круговерти переездов Федька и правда по-привык. Одно время подолгу молчал, всё прислушивался к чему-то. Но и это постепенно прошло. Первые месяцы дед часто забирал Федьку на выходные к себе, старался дать передохнуть сыну с невесткой. Но постепенно Вера начала все больше привязываться к малышу и настойчиво просила детей не разлучать: вместе с ними обоими и в парк, и в лес, и на море. И жизнь потекла спокойно. Впервые после смерти Маши деду показалось, что все налаживается. Бывали и ссоры. Да у кого же их нет. Но так они с годами привыкли друг к другу, что все уже само текло, как будто так и должно быть.

Дед посмотрел на совсем потерянного внука. И жалко его стало, и вроде большой уже. Забился в угол, как воробей взъерошенный.

– Как же так, деда?

– Ну, вот так в жизни вышло. Всякое бывает, понимаешь. Ты не тоскуй, уж как получилось.

– Ведь они должны были мне рассказать! Обязаны были! Как же это они?!

– Да не хотели, чтоб переживал ты! Как лучше ведь хотели.

– Кому лучше? Они ведь знали! Это ведь... Это ведь получается, все знали? Все вы знали?! – Федьку пронизывала боль от такого предательства близких.

– Да мы ж за тебя боялись. Что ж не поймешь никак, чудак-человек!

– И крестная, значит, Настя, тоже знала? – он уже не слышал деда, а только перебирал в памяти всех родных и друзей семьи, пытаюсь разобраться, кто из них тоже знал, но молчал.

В дверь позвонили. Два коротких, один длинный. “Это она! – мелькнуло в голове у Федьки. – Она всегда так звонит, чтоб дед чужим не открывал!”

– Откроешь? – дед несколько мгновений вопросительно смотрел на погруженного в свои мысли внука и, кряхтя, пошел открывать сам.

“Это всё неправда!” – вдруг озарило Федьку. Сейчас она войдет, его мама, и все это окажется глупой историей старого деда. Она посмотрит на него, и все сразу станет ясно.

– Привет, Вера!

– Вы чего так долго не открываете?! Я уже подумала: случилось что! А ты чего такой хмурый? Подростковый бунт на корабле? – ласково улыбнулась она Федьке.

– Ты... ты почему мне не сказала? – он хотел, чтобы вопрос звучал твердо, по-взрослому, чтобы она не смогла соврать. Но голос дрожал и звучал пискляво, как у девчонки.

– Что не сказала, родной мой? – она нежно смотрела на него, одной рукой пытаюсь расстегнуть босоножку. – Ноги совсем отекли: осень на дворе, а жара какая!

– Никакой я тебе не родной! – сдавленно прохрипел он.

Все внутри напряглось, как пружина. “Скажи, что это все не так! Ну же! Скорей, скажи, что дед совсем глупый стал! Ну, чего же ты!” – мысли проносились в его голове, пока она поднимала взгляд от непослушного ремешка.

– Что ты имеешь... – ее глаза встретились с глазами Федыки, и взгляд начал медленно напрягаться, как будто пытаясь что-то рассмотреть. Она резко повернулась к деду, и лицо ее застыло с выражением страха. Дед растерянно отвел глаза, потирая затылок. Мамин взгляд снова вернулся к Федыке и замер... Все его надежды разбились. Всё было правдой, дед не врал. Он всё прочел на ее лице.

Вера осторожно стянула босоножки, захлопнула входную дверь и прошла на кухню, сев напротив Федыки. Дед выключил свет в коридоре и медленно поплелся за ней.

– Ты теперь всё знаешь, да?

Федыка смотрел на её лицо, не чувствуя внутри ни тепла, ни нежности. Волосы у нее прилипли ко лбу и щекам, под носом выступили капельки пота, а кожа неравномерно покраснела. Она тяжело дышала, и от нее пахло пыльной улицей. Ее веснушчатые руки нервно потирали край стола, и он задержал взгляд на мозолистых от стирки красных пальцах с заусенцами у основания коротко остриженных ногтей.

– Нам надо всем поговорить.

Они снова встретились взглядами, и она поспешно отвела свой в сторону убегающей на плите каши. Он увидел много мелких морщин вокруг ее едва подкрашенных глаз. Они разбежались лучиками от носа к вискам и вниз к щекам. Они бежали по всему лицу, исчерчивая едва заметной паутинкой ее лоб, щеки, подбородок. Он смотрел на ее бледные тонкие губы, которые что-то произносили, и морщинки вокруг них. Он заново изучал это чужое лицо.

ПРО ЛЮБОВЬ

ЦИКЛ
КОРОТКИХ РАССКАЗОВ
/

Первая любовь

Ох, какие же вы соблазнительные! Ровные, круглые. Как будто циркулем вымеряли. А цветное сочетание – просто блеск. И этот дымок, как настоящий... Как не стыдно делать такую рекламу – ведь не оторваться!

Ника разглядывала новый постер маленького сетевого кафе: два румяных сырника с ложкой малинового джема и кружка пенистого капучино. Она пыталась утешить себя, что в реальности это выглядит наверняка менее аппетитно, но внутренний голос тут же ворчал, что уж точно аппетитнее ее гречки.

Ника двинулась вперед, решительно настроив себя на быструю дорогу без всяких фантазий. К счастью, соседняя булочная все еще была закрыта на ремонт, и малярная пыль покрыла забытые на витринах муляжи хлеба.

На перекрестке в ее мысли ворвался мужской высокий голос:

– Шаурмэ, вкусна мяснэ шаурмэ!

Еще до того, как подняла глаза, Ника почувствовала дурманящий запах жареного мяса. В животе заурчало. В маленькой стеклянной палатке веселый смуглый продавец в грязном фартуке лязгал ножами, привлекая клиентов. На огромном вертеле крутилась башенка из нанизанных лоскутков мяса. Возле засаленных окон горками лежали нашинкованные овощи. Урчание желудка сменилось тошнотой.

«Ну хоть есть расхотелось от этого замарашки», – она посмотрела вперед, оценивая силы. Оставалось еще несколько препятствий. Пиццерию она прошла достаточно быстро, стараясь не смотреть на картинки. Волшебные запахи их кухни начинали просачиваться на улицу к обеду. Сейчас официанты только начинали открывать террасу и расставлять бокалы. Следующим через несколько домов был элитный рыбный ресторан. Тот вообще был закрыт до шести вечера, специализируясь на обеспеченной публике, пришедшей отужинать.

Сразу после библиотеки Ника уткнулась в рекламный щит знакомого вегетарианского кафе. «Нет уж, сегодня вы меня не соблазните, ничего стоящего предложить не сможете, уже проходили! О да, сельдереевый фрэш, ты больше не в моем вкусе. Слишком скучный, надоел. Морковный

кстати тоже выбыл из фаворитов, у меня от тебя кажется началась аллергия, какая-то сыпь, в общем, рисковать не хочется, сам понимаешь. Разве что цитрусовый... Посмотрим, может встретимся вечером!»

До училища оставалось всего три дома, как вдруг она застыла у огромной витрины. За стеклами виднелись длинные ряды пирожных и булочек. Французская кондитерская... Запах, доносящийся из-за ее дверей, был похож на самые потрясающие запахи детства. И как назло, именно с утра, когда Ника спешила на занятия, с противней снимали свежий хлеб, и этот аромат растекался по всей улице...

Ника заворожено смотрела туда, где за столиками сидели с чашечкой кофе и утренним круасаном болтливые домохозяйки или не спешащие бизнесмены. Четыре дня назад она также сидела здесь со своим любимым ванильным эклером. Ох, это «свидание» она смаковала все время. Она растянула удовольствие минут на сорок, и все равно этого казалось мало. Тогда она не выдержала и, не помня себя от счастья, взяла вдобавок еще и ягодную тарталетку. Ника сглотнула, вспомнив сочетание хрустящего песочного печенья, тягучего ванильного крема и кисловатых сочных ягод. Чувство вины, как и тогда снова накатило, смешавшись с завистью к самой себе. В выходные она экстренно устроила себе интенсивную тренировку,

чтобы «сжечь» все лишнее, но не рассчитала силы и в понедельник на занятиях в училище с трудом выполняла упражнения.

Из кондитерской вышел паренек с шуршащим бумажным пакетом. Ника зажмурила глаза от невыносимо манящего запаха свежей выпечки, бормоча себе под нос: «Любимый мой! Мы обязательно еще встретимся! Я все отработаю, и к середине следующей недели мы снова будем вместе! Прибегу к тебе, будем сидеть здесь долго-долго, ты и я...» Паренек хмыкнул, косясь на странноватую говорящую с собой девушку. Ника открыла глаза, метнула злобный взгляд в паренька и быстро зашагала вперед.

Ее опоздания за последний месяц приобрели регулярный характер. Ника потянула на себя тяжелую дубовую дверь. Та, по привычке, как будто нехотя начала открываться, чтобы затем, всей своей тяжестью утянуть внутрь хрупкую ученицу. Училище обдало прохладой и тишиной. Ника уже помчалась было по старинной мраморной лестнице, слыша отголоски чьих-то реплик, как где-то позади раздалось:

– Это куда мы так спешим, позвольте узнать?

Ледяной голос на мгновение как будто оглушил Нику.

– Эмиля Павловна, доброе утро! Я немного задержалась...

– Утро, Вероника, начинается в пять часов с восходом солнца. А сейчас, дорогая моя, для че-

ловека трудящегося, уже разгар дня – без четверти девять. Класс начался пятнадцать минут назад. Если вы хотите чего-либо достичь в нашем ремесле, вам придется кардинально пересмотреть ваше отношение к времени.

Ника растерянно смотрела на директрису, в который раз невольно восхищаясь ее удивительной красотой и ухоженностью. Все в ее образе было совершенным. Она как будто бы сейчас сошла со сцены: классическое серебряное платье, длинные серьги, мягкий макияж, легкий шейный платок, удачно маскирующий следы морщин, и все тот же туго затянутый пучок. Ее фигура – плод зависти всех учениц. Сохранить такую стройность, не выступая уже более тридцати лет – такое под силу единицам. Большинство остальных учителей балетного представляли собой нечто шарообразное, обычно облекаемое в свободные ткани и пышные прически, отвлекавшие от тройных подбородков. Наверное, уходя со сцены, они и не замечали, как постепенно позволяют себе все больше и больше. Правда, не смотря на желейные формы, они все еще прекрасно двигались и с легкостью могли показать самые сложные элементы. Хотя внешний облик никогда бы не выдал в толпе прохожих их балетного прошлого.

– Вероника, вы кажется абсолютно меня не слушаете?

Ника с ужасом поняла, что отвлеклась, и теперь ее опоздание усугубляется еще больше.

– Простите, я задумалась...

– О чем, позвольте узнать?

– Я...я...

– Судя по всему, явно не об учебе.

– Я плохо спала, извините, пожалуйста, сегодня похоже не мой день.

– У балерины слишком короткий срок годности, Вероника, чтобы позволить себе «не мои» дни. Полагаю, что вам известно об этом.

– Да-да, я все понимаю. Я исправлюсь.

Директриса пристально и как будто с тревогой смотрела на ученицу.

– Ника, у тебя что-то случилось?

На «ты» Эмилия Павловна переходила крайне редко, причем в совсем разных ситуациях. Иногда это случалось, когда ученицу отчисляли за неуспеваемость. Тогда директриса после оформления всех бумаг брала девушку за руку, и душевно ее успокаивала, уверяя, что та найдет в жизни свое истинное призвание. Иногда на «ты» она могла обратиться, к заглянувшей в альма матер успешной выпускнице. Еще реже, если после экзаменационных смотров кого-нибудь сразу приглашали в труппу. Ника настолько не ожидала такого перехода, что судорожно пыталась проанализировать его причину.

– Кажется, нет.

– Кажется?

– Да вроде все в порядке. Просто немного сложное время. Столько эмоций.

– Эмоций?! Эмоции должны быть только в танце и только соответствующие!

– В танце, это конечно. Просто сейчас сложный период.

– Ника, сейчас у вас последний месяц перед выпускными экзаменами. Понимаешь ли ты, насколько это важно для твоего будущего? Это будут решающие смотры, которые развернут твою жизнь либо в сторону тяжелой, но восхитительной работы в труппе, либо навсегда оставят тебя на задворках балетного мира, какой-нибудь средней учительницей в частной детской школе. Ты понимаешь меня?

– Да, кажется, – Ника запнулась, увидев изумленное лицо директрисы. – То есть, конечно понимаю. Немного сложно со всем этим совладать. Столько всего вокруг!

Эмилия Павловна прищурилась и взглянула на Нику так, будто разглядывает микроб под микроскопом.

– А не угораздило ли тебя влюбиться? Или еще что похуже?

– В смысле – «похуже»?

– Ну вот, так и знала! – она театрально всплеснула руками. – Первая любовь! Ну неужели нельзя потерпеть до зачисления в театр?! Неужели все эти люди не вдохновляют вас полностью отдаться искусству, отодвинув земные развлечения на потом?! – Эмилия Павловна шагнула в сторону портретной галереи знаменитых балерин.

– Посмотри на эти лица, посмотри на их счастье! Они добивались высот, день изо дня забывая о примитивном, о ненужном, слишком простом! Наше искусство не терпит отвлечений! Все эти люди жили только балетом!

Ника невольно улыбнулась, вспоминая любимые байки их учителя по истории балета. Добродушный Антон Семенович, как будто замумифицировавшийся еще со времен СССР, любил рассказать им о тайнах и сплетнях мира балета, каждый раз сдабривая историю своими комментариями и ехидным смешком.

– Не вижу ничего смешного!

– Прошу прощения, это я просто представила себя когда-нибудь висящей здесь и улыбнулась...

– Лично тебя здесь вешать не хотелось бы, а вот твой портрет мог бы стать гордостью вашего поколения. Но полагаю, что, не смотря на твой явный талант и трудоспособность, ты начинаешь сбиваться с пути.

Ника стояла молча, виновато теребя ремень сумки. Ей еще предстояло выслушать за свое опоздание от учительницы, ощущая при этом любопытно-насмешливые взгляды однокурсниц.

– Я надеюсь, ты меня услышала.

– Конечно, Эмилия Павловна. Я очень постараюсь.

– Ника, я хочу тебе только добра. Ты действительно очень одаренная. И уж поверь моему опыту, первая любовь всегда проходит, редко оставляя что-то ценное в жизни человека.

Ревность

– Алиса родная моя. Никому тебя не отдам. Я найду выход. Я же тебя больше жизни люблю! – Костик утирал слезы грязной ладонью, оставляя на щеках серые следы. – Ты же удивительная. Ты красивая, умная моя. Ты самая ласковая!

Алиса стояла молча, переминаясь на месте, только грустно смотрела большими карими глазами.

– Ненавижу этого дурака! Никуда ему тебя не отдам! Слышишь?! Они не смогут тебя забрать! Я обязательно что-нибудь придумаю!

Костик бессильно пинал ботинком деревянную подпору.

– Вот зачем ты ему? Он ведь ничего о тебе не знает! Он даже не разговаривает с тобой! А я люблю тебя! И ты меня, я же знаю! А этот... Что он? Ненавижу, когда он тебя трогает! Так бы и врезал! Он и погладить нормально не может, только для виду рукой коснется!

Дверь открылась, и он услышал за спиной топотливое:

– Костик, Никита приехал! Выводи давай!

Костик надвинул пониже козырек кепки, вытер рукавом нос и подошел вплотную к Алисе.

– Приперся! Где его год носило? А теперь вот решил вдруг, что нравится ему! Через день приезжает!.. Умница моя, потерпи. Я обязательно

что-нибудь придумаю. Я буду рядом, не переживай! Все будет хорошо!

Он поправил седло, проверил стремяна, похлопал любимую лошадь по длинной бархатной шее и прижался к теплой морде. Алиса пыхнула на него горячим воздухом. Ее влажные ноздри нетерпеливо раздувались.

Костик открыл большие ворота и медленно повел Алису. Инструктор небрежно взял поводья и оглядел ремни. После недавнего случая с Алисой оба инструктора конюшни стали проверять за Костиком каждую лошадь. В тот раз Никита свалился с Алисы, не успев даже до конца залезть. План не сработал. Костик рассчитывал, что плохо пристегнутое седло соскользнет где-нибудь в прыжке или на полном скаку. Но Никита видимо оказался слишком тяжелым, и, лишь ступив левой ногой в стремя, сдвинул седло и неуклюже упал с небольшой высоты. Тогда Костику сказали, что выгонят с конюшни, если не доглядит еще раз. Пришлось на время оставить свои попытки.

Костик закрыл дверь и устроился возле большой щели. Он смотрел на Алису и тяжело тосковал. Вот Никита в начищенных сапогах и жокейке небрежно усаживается в седло. Он даже не смотрит на Алису, ему наверное все равно, какая под ним лошадь. Просто отец купил ему именно эту еще в позапрошлом году. И только несколько месяцев назад, Никита начал с ней заниматься.

Костик смотрел с ненавистью на Никиту и его охранника, постоянно перемещавшегося за вольером. Иногда приезжал и отец Никиты – ленивый толстый мужик с золотыми кольцами. Он усаживался неподалеку и иногда выкрикивал что-то инструктору. Он всегда хвалил сына, когда тот слезал с лошади, хотя наездник из Никиты был неважный. Тогда Костику становилось совсем тяжело. Вместо злости появлялась горечь, и хотелось уйти. В такие моменты Костик вспоминал то ноябрьское утро, когда он проснулся от маминого плача и топота людей в доме. Отца убили ночью, прямо во дворе, когда он наверное по привычке проверял, запер ли машину. Четыре выстрела в спину, пистолет с глушителем, отпечатков не оставили, вещи не забрали, машину не открывали – эти обрывки фраз эхом кружились по их квартире весь следующий месяц, повторяясь снова и снова для все новых и новых соболезнающих.

Их с мамой никак не оставляли одних, даже ночью кто-то все время приезжал утешать и «приглядывать». Костику было страшно и одиноко, как будто он и маму потерял. Все эти люди казались ему совсем лишними в их большой и внезапно ставшей такой мрачной квартире. Они что-то ему говорили, приносили игрушки и сладости и отправляли в комнату смотреть мультфильмы. Иногда они притаскивали своих сыновей. А те, со свойственным детям простотой и любопытством

спрашивали Костика, как и за что убили его папу.

А потом Костик начал замечать, что эти люди куда-то стали исчезать. Постепенно куда-то ушли и те, кто работал у них: водитель, домработница, его учителя. Через год они переехали в другую, маленькую квартиру. С мамой они совсем отдалились. Целыми днями Костик после школы слонялся по улицам, не понимая, куда деть свою боль, с кем поделиться. Хотелось, чтобы можно было с кем-то поговорить.

А чуть позже, когда ему было двенадцать, он случайно попал на конюшню. Сначала просто приезжал поглядеть на лошадей. Что-то завораживающее в них было, в их силе и скорости, в этой их свободе. Его не прогоняли, даже разрешали смотреть, как в конюшне все устроено. А потом и вообще предложили убирать загоны, а взамен иногда кататься. Постепенно Костик научился ухаживать, кормить, седлать. Ему разрешили катать детей на пони по кругу парка. За два года конюшня стала ему родной. Он почти уже и забыл про то детство, наполненное яркими игрушками, сладостями, бесконечными походами в парки и кино. Все это сейчас казалось глупостями. Здесь была взрослая жизнь. Обычная, серьезная жизнь. Он теперь редко улыбался, а смеющимся его и вообще никогда не видели. Каждый день приезжал с утра, а вечером уезжал домой ночевать. С матерью отношения совсем разладились, в школе перевели на надомное

обучение. А здесь, на конюшне он просто жил. Ему не нравились люди, не нравились их вопросы. Ему нравилось оставаться наедине с лошадьми. Было спокойно и хорошо.

Год назад, когда на конюшню привезли Алису, он вдруг понял, что в груди у него что-то как будто горит. Сначала подумал, что заболевает, расстроился, что к лошадям теперь неделю не дадут подойти. Но потом заметил, что именно рядом с Алисой все становится как-то по-другому. Костику и раньше с лошадьми было хорошо, но Алиса – казалось, не просто лошадь. Когда он с ней разговаривал, она будто понимала. То кивнет, то отойдет в сторону, то отвернется. Сначала он говорил ей только что-то простое, по привычке приучая лошадь к себе, чтобы легче было ухаживать. Алиса же все время тянулась к нему мордой, подходила поближе, а когда видела мальчика с утра в конюшне, начинала нетерпеливо переминаясь. Постепенно Костик стал рассказывать ей что-то из жизни, а потом и о прошлом. Как-то даже вспомнился фильм из детства, когда мужчина, разбившись в аварии, заново рождается уже собакой, и находит своего сына, чтобы оберегать. Костику уже было четырнадцать – не тот возраст, когда верят в сказки. Но то, что Алиса стала для него важнее всего на свете – это Костик понял, и старался теперь быть всегда рядом. Целыми днями выгуливал он ее по парку, бережно вычесывал, каждый день осматривал подковы. Когда

инструкторы дрессировали Алису, Костик всегда наблюдал, шепотом подбадривая любимицу: «Ну же, давай, ты все правильно делаешь! Вот умница моя!».

И вот три месяца назад появился Никита. Он появился так сразу, как будто всегда здесь был. Костику казалось, что этот Никита заполнил все пространство вокруг Алисы, занял все ее время. Лошадь была собственностью Никиты, потому он мог приехать в любой момент, и Костику не разрешили больше уводить Алису в парк. Теперь там иногда на ней ездил сам владелец, когда был не в настроении заниматься с инструкторами на площадке.

Костик смотрел в щель, не замечая ничего вокруг.

– Чего, Костян, за девчонками подглядываешь?

Костик вздрогнул от неожиданности и обернулся. Павел, главный хозяйственник по конюшне, лукаво улыбался, но, встретившись взглядом с Костиком, удивленно поднял брови.

– Ну-ка, подвинься! Это чего там так тебя вышибло? – он подошел к стене и кряхтя склонился к щели. – Лупят что ль кого?

Костик молчал. Павел постоял несколько мгновений, потом обернулся и озадаченно посмотрел на Костика.

– Что-то ни разу не видел, чтобы ты плакал... – Павел удивленно-вопросительно смотрел

на Костика, но тот привычно молчал. – Из-за нее, что ли? – Павел мотнул головой в сторону площадки, – из-за Алиски?

Костик опустил взгляд и отвернулся. Он весь как будто ссутулился и съежился. Хотел было взяться за что-то и начать мести или поменять воду, но только никак не мог сдвинуться с места.

– У, брат, ты попал... Ревность – это дело такое... – Павел еще постоял немного, снова поглядел в щель. – Мда. Да не переживай ты, не последняя она – любовь у тебя. Попривыкнешь с ними расставаться.

Клад

– Слышь, пацан, что за барахло у тебя?

– Дяденька, купите тюльпаны! Красивые вон какие! Жене подарите!

– Где нарвал-то?

– Да в парке, далеко отсюда! Там много!

– И почему продаешь?

– Сто рублей за штуку!

– Ну ты борзый! Вон в цветочном рублей пятьдесят.

– Мне деньги нужны, очень!

– Так у родяков попроси.

– Нету...

– Денег нет?

– Родителей нет. Бабушка нас с сестрой воспитывает. Мамка умерла зимой, а отца я не знаю.

– Ну и че, бабка тебя сюда послала? Или на сигареты деньги стреляешь?

– Нет, я не курю! Бабушка не знает. Она в больницу попала, старая уже.

– На лекарства что ли ей? Сколько надо?

– Да нет. На Крещение. Сестренке.

– А это зачем?

– Если бабушка умрет, нас с сестрой в детский дом сдадут. Сказали, что в разные, она маленькая совсем, а мне уже десять лет! А там в дет доме чего только не творят! Кто за нее заступится, если меня рядом не будет? Только Бог! А она не крещеная. Раз не крещеная – то и не заступится!

– Мм, это тебе кто сказал?

– Бабушка сказала, что когда родителей нет, только Бог заступится, никому другому верить нельзя. Меня крестили маленьким, а сестру не успели. А вот теперь вдруг бабушка умереть может. Нужно обязательно крестить, пока нас не забрали. Соседка говорит, она дня три присмотрит за сестрой, а потом уже не сможет, надо будет в приют звонить.

Мужчина посмотрел на Витьку, на его тюльпаны.

– Мороженого может хочешь?

– Не хочу. Мне деньги нужно заработать.

Мужчина постоял некоторое время, как будто оценивая Витькин товар.

– Пойдем, отойдем что ли, где потенистей, куплю парочку.

Витька, воодушевленный мыслями о первых деньгах, помчался в сторону сквера. Мужчина неспешно пошел за ним.

– А мамка у тебя от чего умерла?

– Не знаю, бабушка говорит, уколы какие-то плохие делала и умерла. Кто-то подсунул плохие лекарства.

Мужчина хмыкнул и пробежал взглядом по Витьке.

– Да, уколы нынче часто плохие. Тебе не колола она свои уколы?

– Да нет, я же не болел. А мама много болела. И у нее много знакомых было, которые тоже болели. Они к нам приходили, а бабушка их прогоняла. Маме все время было плохо, она лежала белая-белая и тряслась. А потом делала укол и ей становилось хорошо... – Витька переминался с ноги на ногу, не решаясь уже попросить денег за цветы. – А вам какие дать: желтые или красные?

Мужчина помолчал немного. Потом как-то недовольно сморщился.

– Что-то они совсем хилые у тебя. Слушай, а ты по-другому заработать не хочешь?

– Да нигде не берут! Я уже просился и в кафе, и газетами торговать. Говорят я для такого слишком маленький! Только с четырнадцати лет работать можно, иначе полиция поймают.

– Есть у меня работенка, для которой ты в самый раз подойдешь. И полиция таких как раз не ловит... Хочешь?

– Хочу, конечно! На мойке что ли?

– Нет, у нас интереснее. Тебя как звать-то?

– Витек!

– Ты, Витек, клады когда-нибудь искал?

– Ну да, – радость Витьки поугасла. Времени на клады у него не оставалось. – Только вон в фонтане проще монеток набрать, чем клад найти.

– Это верно. Но у нас работа наоборот: клады прятать, чтобы потом другие находили, понимаешь?

– Понимаю! – Витька не очень понимал, но хотел сойти за взрослого, вдруг и правда работу предложит. Да еще такую интересную.

– В общем, давай через полчаса подходи вон в ту цветочную палатку через дорогу. Там скажешь, что от дяди Миши.

– А при чем тут клад?

– Там тебе дадут клад. Ничего интересного: маленький пакетик, семена. Вот тебе их нужно будет спрятать. Тебе скажут, куда.

– И все?

– И все. Если справишься – получишь 100 рублей. Для первого раза. А потом получишь еще клад, и за него уже сможешь получить больше. Чем больше кладов спрячешь, тем больше заработаешь.

– А не обманите?

Мужчина улыбнулся и потрепал Витьку по голове.

– Вот, вижу умный, правильно, что интересуешься. Тюльпаны мне твои не нужны, но я дам тебе сто рублей, чтобы ты был уверен, что не обману.

– Просто так?

– Просто так. Я тоже надеюсь, что ты не обманешь и спрячешь клад правильно. Потом вернешься к палатке, тебе там отдадут твои заработанные сто рублей.

Витька выжидательно смотрел на мужчину.

– А можно сразу несколько взять, чтобы больше заработать?

– А ты, малый, не промах! – мужчина хмыкнул и достал из кармана сотню. – Давай для начала с первым справишься, а я посмотрю, на что ты способен. Вот, держи. Только уговор: никому об этом не говорить, понял?

– Понял! Это ж клад!

– Вот-вот. Этот клад очень нужен определенным людям. Как твоей маме уколы. Им тоже очень плохо, и нужен такой клад, чтобы полегчало. Но другие могут тоже захотеть его получить. За просто так. – Мужчина протянул сотню и улыбнулся. – Не забудь, подходи через час к палатке со своими тюльпанами.

Витька с нетерпением ждал дядю Мишу. Работа оказалась ерундовой. Он спрятал малюсенький сверток за трубой дома в соседнем дворе. Все,

как сказали в цветочном. Его не обманули, сто рублей дали. Но следующий клад сказали, даст дядя Миша. И вот теперь он ждал.

Витька уже посчитал, сколько кладов ему надо спрятать, чтобы хватило на Крещение. Он представлял, как придет с гордостью в церковь, покажет деньги, и та вредная бабка запишет сестренку. Он вспомнил, как прогнала она его утром... Витька долго стоял при входе, не зная, к кому обратиться в пустом и тихом пространстве церкви. А потом увидел бабульку, которая гасила и выбрасывала свечки. Она сказала, что Крещение – это тоже работа, и за нее надо платить. В ответ на Витькины объяснения, что денег нет, она стала его выпроваживать – «чтобы не шумел в приличном месте».

Дядя Миша подошел, когда уже начало темнеть. Он издали увидел Витьку и махнул ему головой, показывая в сторону подземного перехода. Витька помчался вслед.

– Ну что, малой – молодец! Проверили, сказали, ты отлично справился.

– А кто проверил? Уже нашли клад?!

– Да, нашли! Все правильно спрятал.

Витька немного растерялся. Он не понимал, зачем кому-то рассказали, где спрятан клад, чтобы его так быстро нашли. Но дядя Миша был вроде бы доволен.

– А еще дадите?

– Дам. Но не здесь. Сейчас зайдем в метро. Держи проездной. Зайдешь со мной в один вагон,

но сядь подальше, чтобы никто не знал, что мы вместе. Понял?

– Понял! А то следить будут?

– Вот-вот. Игра такая. Следить будут. Выйдем через четыре остановки на конечной. Там тоже будет палатка с цветами. Я уйду по делам, а ты к ним подойдешь, они дадут тебе сразу два клада и два места, где спрятать. Справишься – получишь еще 250 рублей.

– Справлюсь! А можно сразу много кладов?

– Сразу нельзя. Ты можешь забыть, где прятать, и пропадет товар.

– А семена дорогие что ли?

– Конечно! Так что если ты вдруг потеряешь или не там спрячешь, придется тебе за них самому платить или отрабатывать. Пакетик – четыреста рублей. У нас с этим строго! А то бабушке твоей придется отдавать.

– Понял! Нет, я не напутаю ничего. Пойдемте скорее, может, успею еще больше спрятать!

– Может и успеешь. Но не забудь: если кто спросит, ты меня не знаешь. Просто играешь с мальчишками, спрячешь клад, кто дал – не знаю, сам нашел. Понял?

– Да понял-понял! Я все сделаю!

– Ну, вперед. Да, и в том цветочном скажешь, что ты от Стаса.

Витька счастливый шел домой. В кармане у него лежали семьсот рублей. Он почти не устал.

Только с одним кладом оказалось сложно: сказали закопать возле дерева и сверху прикрыть камнем. А совка с собой не было. Земля из-за жары была сухая, пришлось ковырять ее пальцами. Он посчитал, что за два дня соберет всю сумму. А если вдруг повезет, то и за завтра. Дядя Миша даже предложил Витьке попробовать семена покурить за хорошую работу. Но Витька отказался, зачем ему семена эти.

Бабушка говорила, что в случае беды, им с сестрой надо идти в церковь: «Там никого не бросят. Бог всех, кто к нему приходит, любит и оберегает». Теперь Витька был доволен. Он заработает столько, чтобы и сестренку Бог любил.

ЛИПКИ

ОЧЕРК

/

Голоса в холле

Что такое Липки, пишушим объяснить не надо. А читателям расскажу. Вообще – это подмосковный пансионат, где ежегодно проводился Форум молодых писателей. Но название давно стало брендом, живущим своей жизнью. В прошлом году Форум прошёл в другом месте, но всё равно говорили: “Липки”. В сущности, это молодёжная мифологема, сотканная из газетных отчётов, литературных сплетен и яростных постов в ЖЖ. А ещё – царство непризнанных гениев. Цыганский табор, без устали гомонящий всю отпущенную ему неделю. Семинары в Липках устраивают в холлах. Подходишь, уже из коридора слышны возбуждённые голоса...

– Пишу я с четырёх лет! – сияющие глаза победоносно оглядели присутствующих. – Читать меня

научили в три, а в четыре я уже написала стихотворение!

Удивительно, что не в два. Господи, хоть бы кто разбавил это однообразие вундеркиндов, рассказал о тяжком, порой нудном ежедневном труде. О тоннах прочитанного, переосмысленного, прежде чем рука поднялась и рискнула написать что-то своё. А потом о таких же тоннах уже собственного, разорванного, скомканного, выброшенного в порывах гнева, отчаяния, потому что всё это – не то, недостойно, ничтожно; о месяцах молчания от осознания собственной бездарности, ради... Ради нескольких строк, выстраданных, выплаканных, и оттого блестящих, которые теперь... привёз сюда! Я пронёс это чудо сквозь трёхдневное уныние плацкарта, с его потно-луковыми зловониями, туалетными сквозняками и липкими попутчиками. Я привёз его вам, готовый к битве, к борьбе, жаждущий каждого нового мнения, слова. Хотя бы взгляните, прошу вас! И я месяц буду запрещать себе прикасаться к бумаге, разгромленный, полный смятения и тоски, чтобы однажды посреди ночи вскочить и выплеснуть всё то, что смог нажать, начувствовать. А потом править, править, править! Вычёркивая снова и снова! Вспоминая каждое ваше наставление, будто впервые понимая всю ценность той беспощадной критики!

– В семь лет мама напечатала мои стихотворения, их было уже больше пятидесяти! Потом

она размножила их на работе, и мы раздали эти сборники всем нашим знакомым! – девушка откинула назад чёрные пряди с фиолетовым оттенком, оправила преждевременно уползшую вверх юбку. Бордовые колготки несколькими выразительными стразами подмигивали словам хозяйки. – Так что писала я всегда очень много, мне никогда не было лень писать! Сюда, как вы могли заметить, я тоже очень много послала.

Какая умница, не лень писать. Ну а нам, по всей видимости, должно быть не лень читать. Вчера с самолёта, так и засел на весь вечер. В полёте не до чтения, уже зрение не то, пришлось дома... Жена такой штрудель испекла, ждала меня, неделю не виделись, а я вот занят талантами. И не поговорили толком, а теперь ещё неделю не свидимся. Работа...

– Вас вчера на открытии не было, сегодня приехали из Волжска? Как говорится, прямо с поезда?

– Я? А, не-е-ет! – кокетливая улыбка растревожила длинные серебряные сосульки в ушах. – Вчера я была у подруги на день рожденья! – просияли сосульки. Их хозяйка не заметила, как вытянулось лицо вопрошавшего. – В пять утра закончили отмечать и к десяти я уже сюда! А в Москву мы переехали уже три года назад, потому что дома у нас творческим людям делать нечего. Мама считала, что мой талант там пропадёт впустую. Кому в этой глухомани нужны поэты, вы же понимаете. Поэ-

тому я уже как бы из Москвы, просто на конкурсе указала, что из Волжска.

Что, Серёжа, купился на диалект? Увы, уже и здесь всё реже услышишь голоса малых городов. Они все нынче москвичи! Только для таких мероприятий вспоминают, откуда они. Что ж, удобно: живёшь в Москве, можешь в избытке пользоваться её ресурсами – литературными мастерскими, студиями, круглыми столами. А как на конкурс, то пожалуйста: я из городочка N, у вас наверняка не найдётся и пары представителей нашей области, не отвертитесь, берите. Это мы, Сергей, ездим, ищем, а они уже тут! Ждут похвал и публикаций. Только мы, чудачки, не замечаем их шедевры.

– А учитеесь вы где? – чеканная речь и пристальный взгляд как будто пытались выудить единственно правильный ответ.

– Ну, я пошла учиться на менеджмент в Институт культуры и бизнеса.

– Ага. Ну, как говорится, искусство всюду, – ответ, по всей видимости, не столько разочаровал, сколько озадачил.

Что, Сергей Сергеевич, загрустил? Думал, они в Литературный идут или на филологический? Да ну что ты, им же деньги ковать надо, покорять столицу. А название-то какое: культуры и бизнеса! Хотят стать бизнес-поэтами.

– Ну, как бы писать я и сама умею, диплом для этого не нужен, а пошла учиться на менеджмент в сфере культуры.

Вот видишь, “как бы писать” они все умеют. Ну, разве не замечательно? Нам можно и не трудиться, просто читать и радоваться!

– А ещё я напечатала свой первый сборник, ну первый профессиональный, а не как в детстве. Конечно, не в твёрдом переплёте, но у меня друг на дизайнерском факультете сделал обложку. Вот, привезла вам, Сергей Сергеевич, и вам, Алексей Иванович, со своим автографом! – гордой поступью в четыре шага, предварительно ловко одёрнув юбку, она вручила свой дар. – Приз в студию! – звонко рассмеялись сосульки.

На яркой обложке в стиле поп-панк-трэш-арт сложно было вычленить передний план или хотя бы основной мотив. Перо с чернильницей, свеча, окно и книги, и при этом половина зелёной женщины, отражающаяся в зеркале шестикрылым ангелом, роковой револьвер и подобие статуи Давида.

– Так, на чём я остановилась? Столько всего нужно рассказать ещё! – скрипучее кресло вздыхало от избытка энергии. – Значит так, дальше я продолжила писать в школе...

– Прошу прощения, поближе к сути! – резко прервал Сергей Сергеевич. – Всё-таки мы ограничены во времени, и хочется обсудить вас не второпях... – словесный поток юной поэтессы словно вытеснял из кресла его, харизматичного, пружинистого, жёсткого.

– Да-да, я вот как раз о сути. Ну, основная идея моего творчества, она может быть понятна далеко не каждому! Но это для меня не главное. Мне важно выразить себя, я иногда ощущаю, что просто не могу молчать.

Ну что ты, Серёжа, так на меня смотришь? Видишь, не может девушка молчать. Ну ладно-ладно, подключусь и я:

– Голубушка, почитайте нам, на ваше усмотрение, из того, что вы привезли, – мягкая улыбка, тем не менее, указала жёсткое направление для продолжения беседы.

– Ой, хорошо! Даже не знаю, что выбрать. Или всё читать? Но это мы с вами надолго тогда засядем! – локоны мелодично подключились к танцам сосулук. – Я лучшее сюда привезла, оно мне всё нравится.

Ну, кто бы сомневался. Как же замечательно, когда всё в себе нравится, только завидовать остаётся. А мы, старая гвардия, всё ищем кого-то. Вот она – наша смена. И ведь надо же их принять, надо успеть им что-то дать, пока не уничтожили русскую литературу. А как до них достучаться? Молодые, горячие, хотят напролом, не услышат. А вдруг услышат – ещё натворят дел от обиды. Работа у нас... А ведь достучаться, Серёжа, надо! Мы же в ответе за них, недоучек, за исковерканную школьную программу, за Донцовых и Шиловых на лотках, за скудость свежих идей. Ну что ж, будем сту-

чатся. Прилепных не штампуют сотнями, будем шлифовать. Читает... Ну хоть читает с душой. Может, не всё потеряно.

– Хорошо, спасибо. Ну что ж, начнём. Кто готов к обсуждению? Здесь задача высказаться всем, как можно строже и жёстче. Автор должен получить качественную суровую критику! – глаза медленно сканировали каждого, как будто проверяя готовность полка. Чёрная рубашка, крепкий ремень, идеально отглаженные стрелки брюк – придавали образу воинственности.

– Ну, Сергей Сергеевич, не будем забывать, что стоит говорить и о положительных сторонах, автор всё же трудился, – улыбка осветила лицо второго “мастера”, её тёплый отсвет скользнул и угас, затаился в крупной вязке мягкого свитера. – Помните, мы здесь объединены светлыми целями, мы создаём литературу.

– Тогда давайте я. Я читала Анжелику, и мне очень понравилось!

– Можно просто – Лика! Ой, извиняюсь, что перебила! – нетерпение юбки, по-видимому, охватило и хозяйку.

– Ну да, так вот. Пять стихотворений мне очень понравились, а два не понравились, про пальмы и про смерть. А так и идеи понравились, и как вы пишете, Анжелика. То есть, Лика. Ну вот... Спасибо.

Началось. Ну не смотри ты, Серёжа, так жалобно, у самого уже сил нет. Предлагал же ещё в

прошлом году запретить слово “нравится”. Ну сядь ты накануне, подготовься, накидай хотя бы десять синонимов “нравится” и “не нравится”. Да, Серёжа, что делать. Значит, нужно их растормошить, нужно расшевелить. Какой год воюем, не унывать! Зря я что ли здесь глотаю вегетарианский борщ и хлебные котлеты вместо домашней запечённой утки? Раз живы-здоровы, надо бороться.

Эстафета “нравится” передавалась от одного к другому. Сосульки благодарно покачивались, запуская по стенам солнечных зайчиков. Новые лица, новые строки, новые судьбы... Новая литература – будет ли, придёт ли с ними? На столе в номере, как обычно, стопка их текстов. На некоторые даже и времени жаль: с таким багажом обсуждаться рано, с трудом тянет на этюды, но они же не хотят тренироваться. У них всё, что пишут – шедевры, всё надо обсуждать, а лучше – сразу печатать.

За пару дней стол заполнится целиком – потянутся пострелы с других семинаров: “Посмотрите, пожалуйста, оцените, подскажите, порекомендуйте, возьмите в журнал”... И стопки, стопки, стопки текстов... В большинстве своём однообразных: типовые герои, схожие сюжеты, эклектика стиля, штампы, штампы... Но в двух-трёх подборках зацветят искорки. Крошечные, дунешь – погаснут! Значит, надо защитить, сберечь, помочь развиваться.

* * *

Потрясающие! Да это просто потрясающие колготки! Глаз не оторвать! Такие стразы, наверное, вручную приклеивают... Эх, в Снежинске и не достать такого. У нас только чулки сеточкой, да и те папа даже примерить не позволит. Сразу все шептаться начнут, как будто фильмов не смотрели. Ого, у неё и маникюр со стразами! Наверное, кучу денег выложила. Интересно, она ещё и работать успевает или родители помогают? Нет, наверное, она сама уже им помогает, учится на “бизнесе”, наверняка подрабатывает, платят много. А говорят, Москва людей портит! В Волжске, небось, она выглядела как все, жила как все, а теперь вон какая! Красивая, ухоженная, учится и работает! И стихи пишет. Правда, вот стихи... Совсем корявые. Или это верлибр? Да нет, рифмы есть, только иногда странные: мне – в траве, куда – весна. Но уже третий человек говорит, что нравится. Не могу же я сказать, что меня совсем не тронуло, что стихи скучны, скрипучи. Да и потом, когда она меня будет обсуждать, ещё наговорит суровой правды, а я и расплакаться могу, вот позор будет, приехала папа-мамина дочка.

А вдруг и правда стихи у неё отличные, просто я бестолковая. Вон “мастера” сидят вроде бы вполне довольные. Хотя по ним и не поймёшь. Может, они просто довольны, что выбрались в санаторий, на природу, с бассейном и полным пита-

нием. Гуляй да читай – отличная работа. Сколько же лет нужно пахать, чтобы тебя вот так приглашали отдыхать. Тот, что помолчаливей, вон как к ней ласково: “Голубушка, почитайте”. Обидеть не хочет. Значит, я тем более права не имею сказать жёстко. А второй вот-вот выскочит из кресла, хотя и не скажешь по лицу, что он в восторге, но глаза у него загорелись, наверное впечатлён. Нужно сказать что-то хорошее, только бы найти, о чём. Так, ритм... Нет, ритм сбивается. Посчитаем: 7-8-8-9 и 8-9-7-10. Нет, никуда не годится, вот потому и спотыкаюсь. Ритм и рифмы отпадают. Может, выразительные средства... Так, про смерть, про часы, хотя они тоже, кажется, про смерть, про дорогу, опять-таки к смерти... Что-то выразительные средства совсем не выразительны. Может, просто сказать, что я не поняла её стихи, закосить под дурочку? “Если нужно объяснять, то не нужно объяснять”... Кстати, это откуда? А, не важно, не до этого, Машка, соберись! Машка-дурашка, как лодку назовёшь... Вот у неё имя – сразу понятно, какие горизонты откроются – Анжелика. Загадочное... Ну вот, бестолковая, опять прослушала, чем же её стихи нравятся. Ведь кажется, и обсуждать здесь нечего! Теперь я... Ну выкручивайся! Главное – не молчать, а то не за дурочку сойду, а за круглую дуру, а это уже совсем обидно.

– Анжелика, я с интересом читала ваши стихи...

Так, ну и что же я там интересного нашла?

– Мне кажется, их объединяет тема тяжёлых экзистенциальных переживаний.

Господи, ну что за бред! Что она, сама не знает что ли, какая у них тема? Надо активно пошуршать страницами.

– Ну, кроме стихотворения “Бабочки”. Оно светлое, нежное.

И абсолютно пустое, так что сказать мне нечего.

– Оно мне понравилось больше всего, ближе мне по настроению. Остальные тоже понравились, но они более мрачные. Ну вот, спасибо.

Фуф, отделалась, вроде, без позора. Она вон сидит, сияет, значит, не обиделась, уже хорошо.

* * *

Сидит, сверкает! Безвкусица какая, новогодняя елка! Из Москвы она, деловая. Припёрлась туда и уже, видимо, считает, что талант, бренчит висюльками. У нас в Сургуте тебя бы приняли за проститутку. Красные колготки, да еще с блестяшками, на карнавал приехала королева Анжелика. Подделка под роскошь. Уже, небось, отхватила себе хахалю с лысиной, а там, в Волжске оставила всё настоящее, живое. Обещала звонить, писать, рыдала, упершись лбом в стекло поезда, всю дорогу строчила эсэмэски. А потом первые пару месяцев и правда звонила каждый вечер, тараторила про свой день, плакала, как тяжело, как скучает, как считает дни

до Нового года, чтобы приехать и больше никогда не уезжать в эту чужую Москву. А он-то, дурак, верил, кидал ей деньги на телефон, чтобы могла чаще звонить, никак не мог послушаться, в век интернета каждый день слал почтовые открытки, романтик недобитый. А по выходным загружал себя подработкой, чтобы не замечать заунывные сумеречные дни, и ждал. А она так и не приехала! Дура. Московские выпендрёжки со всей России. “Мама решила, что мой талант пропадёт!” Мама решила, что замуж тебя не возьмут и денег у тебя не будет. А тут вот на тебе, доченька, Москва! Женихи так и побегут! А мы, значит, в остальной России – только алкаши да нищие?! Тьфу, тошно смотреть, кукольная улыбка.

Стихи она с четырёх пишет! Хоть бы кто правду сказал – бездарно! Так и застряла на уровне лет двенадцати! О чём твои стихи? О Любви? Ну нет, куда, ты же такая особенная, о любви не пишешь, ты о “высоком” – о смерти! Нашла, на чём выезжать. Да их отличить можно только по названиям, стихи твои, а так – тасуй строфы, как колоду карт, всё равно суть не поменяется, потому что нет её, сути, пустота! И ты – пустота, только разукрашенная. Что сияешь? Думаешь, напечатают? Да нужна ты им, не туда попала, я здесь уже третий год. Таких, как ты, тут каждая вторая, и все с трёх пишут, гениальные вы наши!

А чтоб напечатали – пахать надо! Сначала год пашешь, приезжаешь, а они – фиг тебе, сиди дома.

Обижаешься, злишься и весь год снова пишешь, как дурак. Потом приезжаешь, уже не такой смелый, знаешь, что скажут. А они раз, и удача, говорят! Из твоих двадцати трёх выстраданных, родных, один-единственный рассказик, может, и возьмут, только вот тебе, дядя, список доработок. А ты уже счастлив! И потом полгода им пишешь, а они возвращают и возвращают: то начало затянуто, то финальная фраза не играет, то диалог не прописан. Уже и не веришь, думаешь, отписываются. А они, бац: “Приняли в третий номер”! И вот тут... думаешь всё, танцуешь и радуешься? Ну, если больше литературных интересов нет, то можешь и танцевать. А так – садишься и пишешь, и вычёркиваешь больше половины.

И едешь в третий раз, зная, что здесь – как русская рулетка. Ходишь по разным семинарам, за каждым ведущим по пятам, как мальчик-гимназист. Тексты свои тоннами распечатываешь, всем раздаёшь, чтобы, может, хоть один тебя заметил. А половина из них выкинет, не читая.

Нравятся тебе твои стихи, вот и сиди, пиши! Сказал бы я тебе про них откровенно... А то тошно, пятый человек, и все – “нравится-красавица”. Ладно Костик, я с ним второй год в одном номере, ему уж конечно “нравится”, вы ему все очень нравитесь своими формами, только не поэтическими. Сначала предложит в баре посидеть – “половить” писателей, чтобы представить юное дарование. А

дарование сидит, сияет, стопки текстов набрало с собой, как на кастинг пришло. Правда, “мэтры” по ночам в бар не заглядывают. Рукописи читают. Вон у наших уже глаза красные, а только второй день! Потом Костик и бассейн покажет, куда ж без него. А потом под утро довольный припрётся и давай трепаться, хоть рассказ пиши, только уж больно пошлый выйдет. Ему вы все безумно нравитесь, и нахвалил-то тебя как, вроде даже конструктивно, если стихи не видеть. А вот девчонки-то что хвалят – обалдели что ли?! Это же и стихами не назовёшь. Рифмы глагольные, ритм скачет, ударения исковерканы. А главное – пустота полнейшая! Я не Димка, я всё скажу...

* * *

Ну, вот и осень снова. Холодно здесь в этом году, а у нас в Сибири уже совсем по-зимнему. Сейчас как раз время окончания первой смены, все плетутся к Николаичу, согреться хорошенько... А тут ещё весь день. С утра можно было бы чем-то “разбудиться”, голова ноет, да не с кем особо. Девчонка вроде неплохая, а сколько шуму. Как может, так и пишет, что привязались к ней. За пять лет и не таких видали здесь. Пришла счастливая, а сейчас сидит вся красная от обиды – прям как её рейтузы. Или это колготы такие, не разглядишь отсюда. Какие-то они ещё с камушками, нарядилась, молодец, а вы напали, мужики. Руководите-

ли-то ладно, понятно, хотя в резкости им не откажешь. “Это всё надо оставить для себя, в стол, так сказать”... Ну а как будто по большому счёту мы пишем для кого-то ещё. Для кого? Раз в год собирают нас здесь, потерянных, недооценённых, чтобы как-то подбодрить, на недельку дать почувствовать, что хоть кому-то наша литература нужна. Вот, ребят, почитайте, погрызите друг друга. Да и второй “мастер” тоже забавный: “Мы создаём литературу”. Ну, у вас в Москве, может, и найдутся любители словесности, а вы к нам приезжайте. В шесть смена закончилась – и что им делать, обычным работягам? Выпил, поел, до дома дотащился, а там жена нудит: опять денег с трудом на еду хватает, а у дочки учебный год начался, из туфелек она выросла, новые нужны, а ещё бы на физкультуру спортивный костюм новый... И вроде и не злая она, Верка, крутится, как может, сама работает, а от такой жизни заскрипишь. Но она хоть любит послушать вечером, иногда даже что-то скажет про рифмы, про идеи. А ребятам на шахте даже и читать смешно, на что они им – писульки наши. Дорогие наши руководители, спасибо, что хоть время потратили, но что уж вы так эмоционально всё воспринимаете, второй вон совсем разошёлся!

– Обратили внимание: Наталья высказалась, похвалила, за ней ещё пять человек похвалили. А высказался Андрей – начал ругать, и за ним остальные начали ругать. Но что же это, хорошие мои!

Ведь вы же писатели! У вас должно быть своё мнение, исключительно своё собственное! Если толпа идёт в одну сторону, то писатель должен идти в другую! Не обязательно против толпы, но обязательно в другую! Иначе какой же ты писатель?!

Ну да, сказал хорошо, в другую... а какая другая нам остаётся? Сейчас и не поймёшь, куда толпа: эти правые, те – оппозиция, другие – вообще неформалы, четвертые – смотреть тошно. Куда ни пойдёшь, ты всё равно с толпой, только под разными лозунгами. А у нас на шахте всё просто. Утром туда, вечером обратно. И жизнь, брат, сама тебя возьмёт и понесёт.

ЗАЧЕМ ИМ ЖИТЬ?

ОЧЕРК

/

Юля

А я хочу так страстно жить, веровать, чувствовать!.. Я ведь умру, умру, а так хочется жить, уехать, жить, жить!

Дневник ленинградского подростка-блокадника Юры Рябинкина

Дети Великой Отечественной – что видели они до 1941-го года? Успели ли запечатлеть в памяти те самые мимолетные мгновения детского счастья, которые греют потом нас всю жизнь? Да что там – сохранить в памяти, довелось ли этим ребятам хотя бы испытать их? Что успела им дать жизнь до войны, чтобы они запомнили, ради чего им стоит бороться? Откуда-то в них было это отчаянное желание – выжить, несмотря ни на что. Блокадный Ленинград. До нас долетели лишь обрывки хроник, отголоски рассказов, страшные черно-белые

кадры умирающих прямо на улице людей... Потомки хранят эти свидетельства, создают по ним новые фильмы, ставят спектакли, стараясь отдать дань тому подвигу, причины которого останутся для нас тайной. А может, у подвига и не должно быть причин, его просто совершают, не успевая задуматься.

2014-й. Юле пятнадцать лет. Для чего жить – она не знает. О таких, как она, говорят много похожих фраз: “заелись... бессовестные... горя не хлебнули – вот и не ценят ничего...”. Она слышала это много раз. Возможно, раньше ей было обидно и хотелось заплакать. Сейчас ей всё равно – бессмысленно отвечать. Юлиной маме тридцать пять. Она наркоманка. Уже четырнадцать лет. Юле повезло: в отличие от младших Коли и Насти её саму мама успела родить до того, как начала колотиться. Коле восемь, а Насте четыре. Юля не знает, любит ли она их. Она вообще не знает, любит ли она, умеет ли любить – это для нее какое-то странное чужое слово из сказок. Папа у Юли тоже есть. Вроде как даже полная семья получается, когда папа бывает с ними в перерывах между сроками в тюрьме.

Когда Юля была маленькая, она играла с маминими шприцами в больницу. Потом домой стали часто приходить из милиции. Она знала, что это плохо: в фильмах и передачах милиция приходила, когда делали что-то плохое. Маме было все равно,

а бабушка начинала бегать по дому и убирать все мамины “лекарства”. Когда Юле было пять, маму лишили родительских прав. Милиция решила оградить ребенка от матери-наркоманки. И Юлю отдали под опеку... ее бабушке. Об этом Юля узнала случайно уже лет в двенадцать, потому что в ее жизни с решением чиновников ничего не изменилось: она осталась жить в той же квартире с мамой-наркоманкой и бабушкой, вырастившей наркоманку.

Наркоманами не рождаются. Как правило, ими не становятся по принуждению. Ими вырастают: из бесконечных скандалов и ссор, из обвинений и сравнений со всеми, кто лучше, из унижений от близких, из конфликтов старших, из оскорблений и физических наказаний, из безразличия родных. Ими вырастают медленно, на виду у многих: родственников, соседей, учителей.

Умирают тоже часто на виду, тоже медленно, долго. Юлина тетя не хотела долго: она умерла быстро, одним шагом – из окна. Юля видела этот шаг. Бабушка много лет потом плакала и приговаривала, что Юля ее последняя надежда. Теперь у бабушки есть еще Коля и Настя. Они, может, и не хотели пробовать наркотики, но мама не спрашивала их во время беременности. Ей было плохо, и ей нужно было “лекарство”. Юля все это видела и теперь рассказывает с безразличием. И оно не показное, не надуманное. Возможно, на эмоции у

нее просто не осталось сил. Все ушли на детские переживания, когда мама по несколько дней не появлялась дома, а бабушка то плакала, то кричала на Юлю по любому поводу. Ей было обидно: плохо вела себя мама, а ругалась бабушка на Юлю. Но она молчала, потому что боялась, что если бабушка будет ругаться на маму, та снова уйдет и больше не вернется.

Постепенно Юля стала все меньше переживать: то ли устала, то ли привыкла, то ли стала сухой и черствой. Она не любит документальное кино про войну. Она смотрит на чужое горе с таким же безразличием и скукой, с каким теперь воспринимает бабушкины слезы, мамины обещания про “последний раз”, папины редкие появления, ворчание учителей и бесконечные собственные скитания по больницам, приютам, реабилитационным центрам. Юля употребляет уже два года. И ей все равно. В каждом новом месте, где ей говорят, что хотят помочь, она никому не врет: она не хочет помощи, она хочет наркотики, и чтобы ее не трогали, и да, ей всё равно, что будет потом.

Пробовали объяснять ей, ради чего стоит жить, рассказывая замечательные истории про то, как может еще сложиться судьба, как много у нее будет счастья, любимый человек, дети, семья, работа, друзья, творчество. Ей приводили реальные примеры, люди, переставшие употреблять, делились своим опытом. За пару лет она слышала и уго-

воры, и обвинения, и наставления, и просьбы, и угрозы... Но после всего, что довелось ей увидеть, Юле больше не интересно. Нет, она пока не дошла до мыслей о самоубийстве, хотя специалисты и называют употребление наркотиков пролонгированным суицидом. Но и особых усилий, чтобы сохранить здоровье и свою жизнь, Юля прикладывать не станет.

Дети блокадного Ленинграда знали, что им нужно выжить, нужно обязательно постараться. Где-то глубоко внутри они наверняка верили, что война закончится, и у них будет лучшая жизнь. И им не нужны были уговоры, просьбы, наставления. Они хотели жить. А Юля не хочет. И таких, как она, сейчас очень много. Там, где они вырастают, почему-то не могут дать им ту уверенность, которая была у маленьких голодных замерзающих детей, что жить обязательно стоит. Очень просто обвинять Юлю и таких же, что они не могут взять себя в руки и жить по-человечески. Но ответственность за боль в их душах лежит на всех тех взрослых, которые не смогли вселить в них любовь к жизни, которые оставили там пустоту.

Васька

Выдержим ли? Главное и единственное желание – не потерять детей, не видеть их гибель...

Я с ужасом смотрю на него [сына]. Боюсь, что он погибнет... Мальчика не узнать... Если так будет продолжаться, он погибнет. Делаю всё возможное, чтобы его лучше кормить, но всего этого слишком мало...

Елена Скрябина “Годы скитаний: Из дневника одной ленинградки”

Могли ли матери Ленинграда, каждый день сдавливаемые кольцом смерти, представить себе живущих в мирном комфорте женщин, которым не нужны будут их собственные дети...

Васе шестнадцать. Когда он смотрит без злобы, он похож на домашнего зверька, которого вытащили из его угла, но пока не известно зачем. Последние три года его постоянно пристраивают куда-нибудь на исправление. Он все понимает, дает обещания и даже держится какое-то время. А потом с ним что-то происходит, он даже не может объяснить – что. “Оно само” как-то так случается. Вроде просто гулял с друзьями, как-то само собой решили выпить, и тут угнали машину... покататься. А в другой раз хотели пошутить – на спор взломать киоск с мороженым, просто посмотреть, сколько его там, а вышло не “просто”.

“Мы хотим от него отказаться. Но я не знаю, как ему сказать. В общем, вы тут как-нибудь с ним поработайте, чтобы он сам понял, что ему лучше в детском доме, сам решил, что мы ему плохие ро-

дители, не справляемся. Ну вы же специалисты, это ваша работа в конце концов с ними разбираться!” – с таким запросом полная раздражения и претензий пришла Васькина мать. И больше не приезжала к нему. А Васька ждет, каждые выходные ждет, как будто от безделья подходя к окнам.

На звонки мать отвечает, говорит, что занята, даже спрашивает, как дела. После каждого такого звонка Вася что-нибудь ломает или дерется с кем-то. А взрослым объясняет, что мать много работает, она в детской комнате полиции какой-то начальник, у нее много таких подопечных, как Васька, он сам виноват, а она очень устает, а отец и подавно. Никто не знает, о чем она думает. Может, вспоминает, как много лет назад увидела его глаза в “Доме малютки” и поняла, что больше не сможет заснуть, пока не заберет его к себе, навсегда. Потом были долгие недели оформления бумаг, бесконечные казенные коридоры, сухие разговоры, мрачные предупреждения о тяжелой наследственности, генах, последствиях.

Для нее “приготовили” в тот день девочку. Говорили, что интеллигентная семья, несовершеннолетняя дочь оступилась, благородные родители не могли позволить ей сделать аборт и убить крошечную жизнь. Но и оставить не могли, “это перечеркнуло бы карьеру трех поколений”. Маленькая Маша – любимица всего персонала, как будто в подтверждение семейной истории была спокойной, ела по расписанию, ночью почти не про-

сыпалась, развивалась с опережением. В тот день к новым родителям должна была уехать она, а не громкий, весь в диатезе Васька, не дающий ночами спать санитаркам своим не по-детски надрывным плачем. Но его глаза... Увидев их, женщина выбрала Ваську.

Эту историю мать рассказывает специалистам в каждом новом месте, куда пристраивает сына. При этом в завершение конечно же требует, чтобы “тайну усыновления” сохранили, грозитя судами, оставляя сотрудников в оковах молчания и переживания. Они смотрят на взрослого парня и все понимают, но права не имеют объяснить ему, почему с ним так часто “оно само происходит”, отводят глаза. Закон о тайне усыновления статья 139 СК РФ...

Приемные дети в нашей стране не имеют законного права знать, что они усыновлены. Этот вопрос отнесли к “этическим” и решение его отдали целиком под ответственность усыновителей. Никто не задумался о том, что у человека есть право знать, откуда он. Принцип “а зачем ему знать?” защищает на самом деле интересы только приемных родителей, которые по определенным причинам скрывают от окружающих факт усыновления. В большинстве цивилизованных стран усыновители обязаны с самого начала объяснить ребенку, что он приемный. Ему предоставляют право знать правду, оберегая от возможного “сюрприза” в будущем.

К таким законодательным изменениям пришли не спонтанно, а через массу исследований того, что происходит с приемными детьми. Выяснили: в глубине детского сознания сохраняется память о биологической матери. И рано или поздно эта память начнёт проявляться в виде тоски и боли. Разница лишь в том, что ребенок, знающий о своем усыновлении, может пожаловаться на эту боль, получить разъяснения, своего рода “разрешение” на переживания. А оставленный в неведении не сможет найти объяснения своей тоски. Не понимая её причины (ведь вроде все есть, и семья, и любовь), он начинает чувствовать вину за свои переживания, страх и непонимание, откуда взялись эти чувства. Душа маленького человека не способна сама справиться с таким наплывом непонятных эмоций. И они начнут выплескиваться: в агрессии, в болезнях, в драках, в депрессиях. У каждого по-своему, но обязательно начнут выходить.

Вася не знает, что мать больше не хочет его забирать. Не известно, что будет, если узнает. Как не известно и то, узнает ли он когда-нибудь, что однажды другая мать уже отказалась от него. Та, в которой зародилась его жизнь, была этим крайне недовольна. Она кололась уже два года, как и ее партнер. Они даже не рассматривали вариант, чтобы сохранить жизнь ребенку. Но и для аборта нужно было приложить усилия – дойти до врача, записаться, назначить день. Жизнь наркомана непредсказуема, и в момент употребления мысли

о других делах отходят на второй план. Ругались они между собой часто – денег постоянно не хватало. Отец Васи регулярно избивал его мать, и она думала, что зародыш скорей всего и сам надолго в ней не задержится. А в одну из пьяных драк она “нанесла смертельные ножевые ранения своему сожителю”. Так было озвучено на суде. Вроде и не хотела, но так уж случилось. Мать посадили, и уже в изоляторе знающие люди ей подсказали, что беременным создают более комфортные условия, заставить делать аборт не имеют права, еще и срок сократят возможно. Вот тогда и нашелся смысл для Васиной жизни. Мать решила его сохранить. Но для себя сразу решила, что напишет отказную.

Месяцы беременности давались тяжело, в колонии достать наркотик у нее не получалось (за будущими мамами следили отдельно), а тяжелые ломки изматывали и без того перегруженное новым бременем тело. Периодически она подумывала об аборте, но все же удержалась. После родов она согласилась взглянуть на ребенка, подержала его на руках и передала санитарке: “Ну, удачи тебе. Вы его заберите, кормить я не буду, пусть отдадут кому-нибудь”. Персонал думал, что мать все же захочет оставить крошку себе, хотя бы на какое-то время. Они часто видели, как менялись лица заключенных при взгляде на малюток. Не случилось!

Малыш был совсем синюшным, врачи полагали, что долго он не продержится. К удивлению всех, он окреп и через несколько дней был переве-

ден из тюремной больницы в детскую, где продолжал бороться, несмотря на выявленные патологии сердца. Имя ему подобрали из списка именинников. В Доме малютки к таким, как он, привыкли и радовались, что малыш не заразился ни ВИЧ, ни гепатитом, набирал вес на казенных смесях. Только плакал, то громко и надрывно, то тихо, поскуливая. Для своей биологической матери он выполнил миссию. Он пожил ради нее. Но больше он был ей не нужен.

Между прочим, проблема далеко не частная. В России в местах лишения свободы содержится более 700 беременных женщин и матерей с детьми до трёх лет. За статьи, связанные с наркотиками, сидит около 15% таких матерей. По достижении ребенком трёх лет мать обязана его отдать на воспитание либо родным, либо в детский дом, и он станет “отказником”, даже если мать того не хочет. А вот “на воле” статистики матерей-наркоманок как таковой нет. В нашей стране официальная статистика основывается на данных учёта в наркологических диспансерах. Между тем очевидно, что выявлены и поставлены на учёт далеко не все зависимые. Соответственно подсчитать количество рождающих наркоманок практически невозможно.

Но можно точно говорить о том, что предположение, будто младенцы-отказники в большинстве своем дети наркоманов и алкоголиков, – это миф. Большинство так называемых “ранних” отказни-

ков – это дети несовершеннолетних мамочек, дети приезжих. Зависимые пациентки редко отказываются от своих детей будучи “на воле”. Обычно таких матерей лишают родительских прав значительно позже, так как государство до последнего пытается предоставить матери шанс на исправление, даже если цена этого шанса – искалеченное детство.

А вот статистика усыновления исследуется активно, но она достаточно противоречива. В нашей стране существует много видов взятия ребенка в семью: усыновление, опека, патронаж. Также существует и несколько этапов изъятия ребенка из семьи: ограничение в правах, лишение родительских прав, передача под опеку близким родственникам. В связи с этим достаточно сложно определить статистические показатели по ситуациям с отказниками и усыновлением. По некоторым данным, в России ежегодно происходит 10–11 тысяч случаев отказа от детей в родильных домах. Тысячи детей становятся сиротами при живых родителях. При этом статистика усыновления, как уже говорилось ранее, крайне расплывчата в связи с разными формами помещения ребенка в семью. В среднем в семью ежегодно забирают около 7–8 тысяч детей. Вроде бы и неплохая цифра, скольким могут – столько и помогают. Но страшны другие цифры, которые мало где публикуются. Цитирую: “Ольга Голодец, заместитель председателя прави-

тельства РФ, рассказала во время своего выступления в Госдуме, что в 2012 году в детдома было возвращено более 4,5 тысячи детей”*. Таким образом, получается, что каждого второго взятого в семью ребенка снова возвращают в детский дом. Фактически бросают дважды! И вряд ли найдется специалист, который будет спорить с тем, что страшнее повторного отказа не может быть ничего, уж лучше бы и не затевали.

Социальная реклама пестрит пропагандистскими лозунгами “измени одну жизнь – возьми ребенка”, “каждому ребенку – свою семью” и прочее и прочее. Вроде бы замечательная идея, не придерешься. Только слишком много иллюзий в этих ярких роликах, похожих на рекламу товаров. Никто не предупреждает приёмных родителей, как много им предстоит разочарований. А эти разочарования рождаются из иллюзий большого светлого будущего без изъянов. Мало кто задумывается, что однажды душе такого ребенка мир взрослых людей нанес страшную боль. И эта психологическая травма при каждой ссоре или обиде станет давать о себе знать. А новые родители будут обижаться, что не заслужили такой агрессии и неблагодарности от приемного ребенка, будут укорять его, винить, провоцируя тем самым все больше злости и обиды.

* <http://deti.mail.ru/news/bolee-45-tysyach-detej-vernuli-v-detdoma-v-2012-go/>

Васька берет на себя целиком ответственность за все, что с ним происходило, никого не виня, оправдывая и родителей, и учителей, и всех тех, кто пытался помочь. Его чувства вины хватит на целую дюжину таких подростков. Оно пожирает его душу изнутри, прорываясь наружу... яркими вспышками агрессии. Тогда открывается другой Васька. Глаза темнеют, взгляд мгновенно меняется, все мышцы как будто собираются в панцирь. Геннадий Полока отхватил бы его без раздумий для своей “Республики ШКИД”. Любой попадающий в поле его зрения может услышать жесткие оскорбления и ругательства. Он выкрикивает все это с вызовом, как будто ожидая в ответ удара. Не получая его, он озлобленно бродит на присогнутых ногах, стуча кулаками о стену. Понимающие взрослые молчат, выжидая спада ярости, слыша тот поток боли, который не уместается в задавленном сердце Васьки. Другие ругают его и жалеют Васькиных родителей. Он слышит слова осуждения, даже если их не произносят вслух. Он знает их наизусть за столько лет, они постоянно сами жужжат в его голове. Васька идет в дальний угол и начинает бить себя, царапать, щипать, стучать ногами о стены до тех пор, пока хватит сил. Он ненавидит себя и не хочет жить. Он не знает, зачем ему жить, если он сам себя не может полюбить. Его тело привыкло к физической расправе с раннего детства, он по инерции продолжает сам

себя наказывать, если никто другой не включается в этот замкнутый круг его “воспитания”.

Били Ваську, сколько он себя помнит. За чавканье за столом – подзатыльник, за порванную рубашку – ремня, за сломанный магнитофон – палкой. Васька рассказывает это смеясь, когда кто-то из взрослых спрашивает о шрамах. Он улыбается по-детски искренне: “Да если б не били меня, я бы вообще непонятно кем вырос! Другого пути сомной и не было! Хорошо, что били, хоть в башке что-то осталось, а то бы...”. Нет у него ответа, что бы было, если б не били. Мать после каждой такой выволочки подзывала его к себе и объясняла, что она его любит, поэтому и бьет, что это для его же пользы... Так и лупит он теперь сам себя, чтобы польза была или потому, что правда верит, что это такое проявление любви. Приступы агрессии и самоагрессии проходят, и Васька устало ложится на свою койку и несколько часов молча лежит. Потом пару дней ходит с недовольным лицом, о чем-то думая. А вскоре снова появляется тот искренний взгляд, который делает его похожим на зверька, но домашнего, потерянного. Его и зовут обычно ласково – Васька, за добрые глаза с едва заметными искрами тоски.

Когда его спрашивают про употребление, он растерянно отвечает, что это его способ успокоиться. Так он не чувствует вины хоть какое-то время. Он знает, к чему это приведет. Полгода назад

он начал колотиться. Васька считает, что после этого он стал спокойнее, потому что наркотик выключает в нем все чувства. Чувства Васе мешают, их слишком много, и они тяжелые. На жизнь он смотрит философски: “Я для мамы живу. Она столько в меня вложила, столько мучилась. Так бы я и не стал напрягаться, устал я что-то жить, надоело вроде. Если б кто убил там или машина сбила – было б проще. Самому тоже хочется, я уже пробовал несколько раз, но маму жалко, не поймет, плакать будет, что я так. Ради матери я исправлюсь, ей очень нужно...”. Он говорит это снова и снова, давая обещания, ставя новые цели, выполняя задания специалистов в каждом новом месте исправления.

Никому никогда не узнать, отчего так особенно горько плачут отказные младенцы: понимают ли, что больше никому не нужны, тоскуют ли или просто ослаблены. Но глаза у них особенные, это замечает весь персонал и родильных домов и детских больниц.

Что-то сломалось в человеческих отношениях, в семейных ценностях. И, как сломанный заводской механизм, выдающий брак, деструктивные семьи ломают еще только зарождающиеся жизни.

Можно ссылаться на тяготы 90-х, потерянность старшего поколения, погруженность в страхи и переживания за неопределенность будущего – собственного и страны. Мол, не до ду-

ховного воспитания детей было. Но если разобратся – кто растил тех мальчишек и девчонок, уходивших на фронт в 40-е? Их растили люди, родившиеся точно так же во времена развала одной страны и драматических попыток строительства другой. Но они смогли не только сохранить духовность, но и воспитать ее в своих детях, вырастить из них героев.

Во все времена во всех странах существовали неблагополучные семьи. Но таких, как Юля и Васька, было значительно меньше. Вместе с прогрессом мы приобрели замкнутость и безразличие. Начиная с безразличия внутри семьи, и дальше – безразличие соседей, учителей, коллег, просто людей на улицах, проходящих мимо, безразличие государственных структур... А за безразличием приходит жестокость. И она тоже начинается с семьи. Физические наказания появляются от бессилия родителей, от незнания, как можно по-другому. Но и рождают они лишь страх и обиду, которые обязательно выплеснутся на кого-то в будущем.

Возможно, сила русского человека не в идеологии, которая не раз менялась (от язычества к Христианству, от монархии к коммунизму, от коммунизма к...). Его сила в родовой духовности, самобытности. Это, безусловно, лишь субъективное мнение, сложившееся из определенного про-

фессионального опыта. Но, быть может, опора на эти корни, напоминание о них помогут воссоединиться с духовным началом, заложенным в нас. Мы, как страна, как отдельно взятые ее представители, постоянно смотрим либо вперед (будущее, прогресс, развитие), либо на тех, кто “бежит” на соседних дорожках (опережающий Запад, догоняющий Восток, отстающие страны). Но будучи ориентированными вовне, мы слишком редко заглядываем вглубь себя, в глубину наших традиций и достижений, не используя и со временем теряя уникальную силу, переданную нам от поколений предшествующих. Возможно, именно эта сила способна восстановить ту духовность и любовь во внутрисемейных отношениях, которые позволят детям жить ради самой жизни, как умели наши предки, не изводя себя вопросом: стоит ли?

Содержание:

Своя ноша. Предисловие Сергея Есина / 5

Чудес хочется. Рассказ / 11

В хорошие руки. Рассказ / 38

Слава. Рассказ / 53

Виною выжившего. Рассказ / 70

Когда я умру, я стану собакой. Рассказ / 82

Tu me mangue. Рассказ / 95

Надо будет как-нибудь посмотреть! Рассказ / 111

Подъезд. Цикл рассказов / 120

Одиннадцать платьев. Рассказ / 150

Другая война. Рассказ / 169

Мама. Рассказ / 183

Про любовь. Цикл коротких рассказов / 200

Липки. Очерк / 222

Зачем им жить? Очерк / 238